

—

—

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ

**НАУКА. ТЕХНОЛОГИИ.
ИННОВАЦИИ**

г. НОВОСИБИРСК
8 – 12 ДЕКАБРЯ 2025 г.

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЧАСТЬ **8**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

НАУКА ТЕХНОЛОГИИ ИННОВАЦИИ

**Сборник
научных трудов**

**г. Новосибирск, 08 декабря – 12 декабря 2025 г.
в девяти частях**

Часть 8

НОВОСИБИРСК
2026

УДК 62(063)
ББК 72.5я431
НЗ4

НЗ4 НАУКА. ТЕХНОЛОГИИ. ИННОВАЦИИ // Сборник научных трудов
в 9 ч. / под редакцией Захаровой Е. В. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2026.

ISBN 978-5-7782-5565-7
Часть 8: – 314 с.
ISBN 978-5-7782-5572-2

В сборнике публикуются материалы по научным направлениям: *«Гуманитарные науки и современность»*.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Председатель Оргкомитета:

Батаев А. А., д.т.н., профессор, ректор НГТУ

Зам. председателя Оргкомитета:

Отто А. И., к.т.н., проректор по научной работе и инновациям НГТУ

Программный комитет:

Драгунов В. П., д.т.н., профессор, начальник ОПК ВК,

Корель И. И., к.ф.-м.н., доцент, декан ФТФ

Осьмук Л. А., д.соц.н., профессор, директор ИСТР

Рева И. Л., к.н.т., доцент, декан АВТФ

Мелехина Е. А., к.п.н., доцент, декан ФГО

Чинахов Д. А., д.т.н., доцент, декан ФЛА

Тимофеев В. С., д.т.н., доцент, декан ФПМИ

Эзрох Ю. С., д.э.н., доцент, декан ФБ

Стрельцов С. А., к.т.н., доцент, декан РЭФ

Вильбергер М. Е., к.т.н., доцент, декан ФМА

Тюрин А. Г., к.т.н., доцент, декан МТФ

Русина А. Г., д.т.н., профессор, декан ФЭН

УДК 62(063)
ББК 72.5я431

ISBN 978-5-7782-5572-2 (Ч.8)
ISBN 978-5-7782-5564-7

© Коллектив авторов, 2026
© Новосибирский государственный
технический университет, 2026

НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ – ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Секция СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА И КОНФЛИКТОЛОГИЯ

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ЖЕНЩИНАМИ - ЖЕРТВАМИ НАСИЛИЯ В НИГЕРИИ

О. Л. Аволола

Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, tola.awolola@gmail.com

Научный руководитель: Дегтярева В. В. к.ф.н.

Статья рассматривает, как нигерийские неправительственные организации, оказывающие помощь женщинам, пережившим домашнее насилие, представляют свои услуги и межведомственное взаимодействие в вопросах организации и реализации социальной работы с данной категорией. Контент-анализ сайтов неправительственных организаций выявил неполную представленность маршрутов помощи и ограниченное описание координации с государственными структурами. Результаты подчёркивают необходимость стандартизации информационной поддержки и повышения прозрачности организационных процессов для жертв насилия.

The study analyses how Nigerian NGOs supporting women victims of domestic violence present their services and interagency coordination on official websites. A content analysis of four NGOs revealed fragmented service pathways and limited procedural detail on cooperation with state institutions. Findings highlight the need for clearer, standardised online guidance to strengthen access to support for survivors.

Домашнее насилие остаётся серьёзной социальной проблемой во всём мире и наносит особенно разрушительный ущерб в Нигерии. По данным Nigeria Demographic and Health Survey, 30% женщин в возрасте 15–49 лет пережили физическое насилие с 15-летнего возраста, а 9% столкнулись с сексуальным насилием в Нигерии [1]. В Нигерии институциональные меры реагирования остаются неоднородными, и некоммерческие организации (НКО) нередко выступают основными точками поддержки для женщин, оказавшихся в кризисной ситуации. В этом контексте официальные сайты НКО функционируют не только как информационные ресурсы, но и как способы демонстрации организационного потенциала и доступности услуг. Несмотря на это значение, структура и содержание таких сайтов практически не изучены в научной литературе. Данная статья анализирует, как нигерийские НКО

представляют свою организационную деятельность, сервисные маршруты и взаимодействие с ключевыми институтами.

Для анализа были выбраны четыре НКО: Women at Risk International Foundation (WARIF), Women Safe House Sustenance Initiative (WOSHSI), Safe Haven Foundation и Project Alert on Violence Against Women. Каждая из них поддерживает функционирующий сайт и оказывает прямую помощь женщинам и девочкам, пострадавшим от домашнего или сексуального насилия. Анализ сосредоточен на том, как представлены услуги, ориентация на переживших насилие, ведение случаев, межведомственное взаимодействие и организационная логика.

Использовался качественный контент-анализ. Страницы сайтов, связанные с услугами, программами, рекомендациями для переживших насилие и партнёрствами, были изучены с применением кодировочной схемы из восьми категорий: организационная идентичность; основные услуги; ориентация на переживших; маршрут ведения случая; межведомственная координация; организационная модель; цифровая структура; информационные пробелы. Кодирование фиксировало, представлены ли элементы полностью, частично или отсутствуют. Результаты были обобщены в сравнительной матрице (Таблица 1).

Анализ показывает, что все четыре НКО описывают многокомпонентные услуги, включая убежище, консультирование, юридическую помощь и адвокацию. WARIF демонстрирует наиболее целостный и комплексный набор услуг, объединяющий медицинскую, психосоциальную и юридическую поддержку [2]. WOSHSI акцентирует внимание на предоставлении убежища, консультировании и расширении возможностей женщин [3], тогда как Safe Haven Foundation уделяет центральное внимание ориентированной на переживших адвокации и юридической помощи [4]. Project Alert, одна из старейших организаций в этой сфере, сочетает феминистскую адвокацию с предоставлением убежища и юридической поддержкой [5]. Во всех случаях описания услуг свидетельствуют о значительной работе с пережившими насилие, однако уровень детализации варьируется.

Различия проявляются в степени ориентации на переживших. WARIF – единственная организация, которая предоставляет заметно размещённую круглосуточную горячую линию и чёткие указания о том, как женщины могут получить помощь. Остальные НКО публикуют контактную информацию, но предлагают ограниченные процедурные разъяснения. Таким образом, доступность ключевой информации для женщины, ищущей немедленную помощь, остаётся неравномерной. Часто отсутствуют такие важные элементы, как гарантии конфиденциальности, описание ожидаемых шагов или временных рамок.

Представление маршрутов ведения случая носит неполный характер на всех сайтах. Ни одна из НКО не описывает структурированную последовательность действий - от первого контакта до последующего сопровождения или закрытия дела. WARIF упоминает процессы первичного приёма и направлений в общих чертах, тогда как WOSHSI, Safe Haven и Project Alert представляют свои услуги в виде тематических блоков без раскрытия внутреннего организационного алгоритма. Такое отсутствие визуализированного маршрута снижает прозрачность и усложняет навигацию по структурам поддержки.

Межведомственная координация упоминается всеми организациями, однако почти исключительно на декларативном уровне. Партнёрства с полицией, больницами, юридическими структурами и общинными организациями обозначены без операционных деталей, и ни один сайт не публикует чётких схем перенаправления или стандартизированных процедур. Это контрастирует с принципами координированного общественного реагирования, в которых приоритет отдается разделённой ответственности, процедурной ясности и чётко определённым институциональным ролям.

В целом сайты демонстрируют серьёзный интерес к поддержке переживших насилие, но также показывают разрыв между фактической организационной деятельностью и её цифровым представлением. Отсутствие детализированных маршрутов и процедурной прозрачности свидетельствует о том, что сайты пока недостаточно используются как инструменты навигации для переживших или координации между институтами. Разработка более понятных разделов «как получить помощь», визуализация последовательности ведения случая и расширение информации о структурах перенаправления позволили бы повысить доступность и укрепить организационную подотчётность.

Таблица 1. Матрица кодирования содержания сайтов четырёх НКО
Обозначения: P = представлено и чётко описано; PL = представлено, но с ограниченной детализацией; A = отсутствует

Категория	WARIF	WOSHSI	Safe Haven Foundation	Project Alert
Организационная идентичность	P	P	PL	P
Основные услуги	P	P	PL	P
Ориентация на переживших	P	PL	PL	PL
Ведение случая	PL	A	A	PL
Межведомственная координация	P	PL	PL	PL

Организационная модель	P	PL	PL	P
Цифровая структура	P	PL	PL	PL
Информационные пробелы	PL	P	P	PL

Этот контент-анализ четырёх сайтов нигерийских НКО показывает, что организации, находящиеся на переднем рубеже реагирования на насилие в отношении женщин, представляют обширные пакеты услуг и демонстрируют серьёзные нормативные обязательства, однако их цифровая коммуникация лишь частично отражает ту организационную сложность, которая присуща координированным и экологически ориентированным моделям вмешательства. Такие услуги, как предоставление убежища, юридическая помощь и консультирование, описаны достаточно чётко, но связи между ними, конкретные шаги, которые проходит женщина после первого обращения, и подробное описание межведомственного взаимодействия остаются в значительной степени неясными.

Если НКО должны выполнять роль узловых точек в рамках координированного общественного реагирования, их публичные материалы должны не только перечислять, что они делают, но и показывать, **как** они это делают, **с кем** и **в какой** последовательности. Чёткое онлайн-отражение маршрутов ведения случая, прозрачные политики конфиденциальности и ясно сформулированные сети партнёров согласовали бы цифровое присутствие НКО с принципами безопасности жертв, распределённой ответственности и институциональной подотчётности, лежащими в основе моделей координированного реагирования.

Создание хорошо обозначенных страниц «Как получить помощь», написанных доступным языком и содержащих пошаговое описание процедур; включение простых схем, визуализирующих путь от обращения на горячую линию до предоставления убежища, консультирования, юридических действий и последующего сопровождения; а также более явное описание партнёрств с полицией, судами, медицинскими учреждениями и другими НКО: всё это способствовало бы большей прозрачности.

В нигерийском контексте, где НКО часто несут ответственность за функции, которые в других странах выполняют государственные структуры, такая ясность не факультативное дополнение, а часть этической практики. Поскольку нигерийская социальная работа продолжает рассматривать домашнее насилие как структурную и

экологическую проблему, будущие исследования должны сочетать анализ сайтов с интервью, повествованиями переживших насилие и институциональными данными, чтобы понять, как онлайн-репрезентации соотносятся с офлайн-опытом.

Литература:

1. National Population Commission (NPC) [Nigeria], ICF. Nigeria Demographic and Health Survey 2018. – Abuja, Nigeria; Rockville, Maryland, USA: NPC; ICF, 2019. – 732 p.
 2. Women at Risk International Foundation (WARIF). Women at Risk International Foundation [Electronic resource] // WARIF Official Website. – 2023. – URL: <https://warifng.org/> (accessed: 06.11.2025).
 3. Women Safe House. Women Safe House – Take Action & Support Survivors [Electronic resource] // Women Safe House Official Website. – 2024. – URL: <https://www.womensafehouse.org/> (accessed: 08.11.2025).
 4. Safe Haven Foundation. Services: electronic resource [Electronic resource] // Safe Haven Foundation Official Website. – 2025. – URL: <https://safehaven-foundation.org/services/> (accessed: 08.11.2025).
- Project Alert on Violence Against Women. Project Alert – On Violence Against Women [Electronic resource] // Project Alert Official Website. – no date. – URL: <https://projectalertnig.org/> (accessed: 12.11.2025).

ВОВЛЕЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ НГТУ В ИНКЛЮЗИВНУЮ МОЛОДЁЖНУЮ ПОЛИТИКУ

Д. Д. Бабанова

**Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, daria_babanova@mail.ru**

Научный руководитель: Можейкина Л. Б., доцент

В статье рассматривается вовлеченность студентов в инклюзивную молодежную политику. Исследование определяет регулярность, формы и причины участия в мероприятиях инклюзивной молодежной политике, а также выявляет барьеры, которые мешают активному участию в них.

The article examines the involvement of students in inclusive youth policy. The study determines the regularity, forms and reasons for participation in inclusive youth policy events, as well as identifies barriers that prevent active participation in it.

Молодёжная политика стала неотъемлемой частью в современном образовательном пространстве, так как направлена на создание условий для самореализации студенческой молодежи, становления их

гражданской позиции и социальной активности, патриотического и духовно-нравственного воспитания, интеллектуального, психического развития, а также формирование университетской практики реализации молодежных инициатив (личностных, социальных, технологических, предпринимательских, культурных, спортивных).

Молодёжная политика укрепляет связь между образованием и обществом, формируя активное и ответственное общество студентов, что определено в Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. N 489-ФЗ "О молодежной политике в Российской Федерации" (версия от 28.12.2024г.). Есть несколько направлений молодежной политики, такие как патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, предоставление социальных услуг молодежи, содействие решению жилищных проблем молодежи, молодых семей и другие, а также среди них - инклюзия.

Инклюзия – это процесс реального включения в активную жизнь социума людей, имеющих трудности в физическом развитии, в том числе с инвалидностью или ментальными особенностями.

Инклюзивная молодежная политика (далее – ИМП) – это система государственных и общественных мер, направленная на обеспечение равных возможностей для участия молодежи с инвалидностью и лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ) в молодежной политике и во всех сферах общественной жизни (включая образовательную, культурную, социальную и политическую) наравне с другими гражданами).

Новосибирский государственный технический университет (далее – НГТУ) является амбассадором и лидером в инклюзивной политике, в частности по предоставлению доступной среды и необходимых условий для обучения инклюзивных студентов, университет занимается данной сферой уже на протяжении 30 лет. НГТУ – это доступное место комфортного обучения лиц с инвалидностью и лиц с ОВЗ.

Проблема исследования представляет собой малое проявление интереса студентов, а также малый процент вовлеченности в инклюзивную молодежную политику.

Целью исследования является выявление способов вовлечения студентов в инклюзивную молодежную политику.

Целью анкета является выявление и анализ факторов, мотивов и барьеров, влияющих на вовлечение студентов в инклюзивную молодежную политику университета.

Вопросы анкеты выявляли:

- знание студентов, что представляет собой ИМП;
- частоту участия студентов в ИМП;

- барьеры студентов при участии в ИМП;
- способы активного участия студентов в ИМП.

Задачи исследования были направлены на определение вовлеченности студентов, регулярность, формы и причины участия в мероприятиях ИМП, а также выявление барьеров, которые мешают активному участию в них.

Для проведения исследования были использованы методы анкетного опроса со стихийным отбором, который помог изучить процесс вовлечения студентов в инклюзивную молодежную политику, были использованы закрытые, полузакрытые и поливариантные вопросы. Опрос прошли 75 человек, из них 56 – женщин, 19 – мужчин, большинство из них студенты бакалавриата/специалитета (48), студенты СПО (14), студенты магистратуры (13).

Результаты опроса свидетельствуют о хорошем уровне информированности студентов о том, что представляет собой инклюзивная молодежная политика. Большинство респондентов либо имеют представление о том, что представляет из себя ИМП (32), либо отлично знают и могут объяснить другим данное понятие (23), 11 опрошенных слышали это понятие, но не уверены в его значении и 9 первые встречаю это понятие, это указывает на системный пробел в коммуникации между институтами, реализующими ИМП, и непосредственной целевой аудиторией – студентами, а отсутствие четкого понимания сути ИМП является первым и основным барьером на пути вовлечения молодежи. Активное участие в мероприятиях и проектах ИМП принимает незначительная часть опрошенных (1–2 раза в месяц – 12 человек, еженедельно – 2 человека). Основная масса студентов либо делает это несколько раз в год (40), либо не принимает участие вовсе (21). Это демонстрирует, что студенты не часто принимают участие, мало вовлечены и не проявляют сильного внимания к ИМП. В большей степени для студентов стало причиной участия в инклюзивных проектах возможность получить новые навыки (40), требование университета (25), интерес к теме инклюзии (21). Опрос позволил четко идентифицировать основные барьеры, препятствующие активному участию студентов в ИМП: отсутствие времени из-за учёбы/работы (46), недостаток информации о таких возможностях (39), страх или неуверенность в общении с людьми с инвалидностью (37). Информация об ИМП либо отсутствует в медиапространстве университета, привычном для молодежи (соцсети, мессенджеры, университетские платформы), либо подается в не привлекательной для них форме. В результате потенциально активные молодые люди просто не видят точки входа в инклюзивную деятельность. Страх общения с людьми с

инвалидностью – это прямой результат недостаточного просвещения и отсутствия практики, а предварительная неуверенность может заставить студента сознательно игнорировать даже ту информацию об ИМП, которая до него доходит. Студенты четко обозначили, что мотивировало бы их принимать более активное участие в ИМП: Волонтерские программы, творческие проекты (театр, выставки), образовательные тренинги/лекции.

Таким образом, согласно результатам опроса наиболее популярными, по мнению респондентов, методами вовлечения студентов в инклюзивную молодежную политику являются волонтерские программы, творческие проекты (театр, выставки), образовательные тренинги/лекции. Волонтерство позволяет через практику помощи и сопровождения усвоить принципы инклюзии на эмоциональном и этическом уровне. Творческие же проекты становятся универсальным языком, который ломает коммуникационные барьеры и позволяет пережить ценность совместного творчества, где различия отходят на второй план, а на первый выходит общий результат. Для студентов самым главным фактором мотивации посещения мероприятий инклюзивной молодежной политики является получение новых знаний и навыков по данной области, это свидетельствует о их прагматической мотивации. Они видят возможность для собственного профессионального и личностного роста, развития таких гибких навыков, как эмпатия, коммуникация, работа в разнородной команде и нестандартное решение задач. Следовательно, успешная инклюзивная молодежная политика в университете – это не набор разрозненных мероприятий, а целостная экосистема, а создание успешной экосистемы зависит от способности предложить студентам не просто знания об инклюзии, а реальный опыт проживания инклюзии через деятельность, которая им интересна.

Литература:

1. Положение об Управлении молодежной политики и воспитательной работы // Новосибирский государственный технический университет НЭТИ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nstu.ru/static_files/91442/Pologenie_UMP.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

2. Федеральный закон РФ "О молодежной политике в Российской Федерации" от 30.12.2020 N 489-ФЗ" [Электронный ресурс] // Официальный интернет портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cd00000&intelsearch=%CE+%EC%EE%EB%EE%E4%E5%E6%ED%EE%E9+%EF%EE%EB%E8%F2>

%E8%EA%E5+%E2+%D0%EE%F1%F1%E8%E9%F1%EA%EE%E9+%D4%E5%E4%E5%F0%E0%F6%E8%E8&sort=-1 (дата обращения 18.11.2025)

3. Что такое инклюзия? Понятие инклюзии простыми словами [Электронный ресурс] // Специальная олимпиада России – URL: <https://specialolympics.ru/blog/inclusion-simple-words#popup:closepop> (дата обращения 18.11.2025)

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СТУДЕНТОВ: АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

К. В. Бахтиярова, М. О. Мелентьева

**Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, ksenia112003@mail.ru, marimelenteva@yandex.ru
Научный руководитель: Лебедева-Несевря Н. А.,
д-р социол. наук, проф.**

На материалах социологического опроса (НГТУ, n=188, 2025 г.) произведена оценка уровня психологического благополучия студентов. Установлены связи отдельных эмпирических индикаторов благополучия с индивидуальными социально-демографическими характеристиками, элементами образовательной среды и формами студенческой активности, в т.ч. участием во внеучебной жизни и практиками заботы о себе. Определены факторы риска и ресурсы, которые могут быть учтены при планировании программ профилактики психологического неблагополучия и поддержки студенческой молодежи.

Based on the materials of a sociological survey (NSTU, n=188, 2025), the level of psychological well-being of students was assessed. The links of individual empirical indicators of well-being with individual socio-demographic characteristics, elements of the educational environment and forms of student activity, including participation in extracurricular activities and self-care practices, have been established. Risk factors and resources have been identified that can be taken into account when planning programs for the prevention of psychological distress and support for students.

Сегодняшнее высшее образование функционирует в условиях жесткой конкуренции, что создает повышенную психоэмоциональную нагрузку на студентов. Они сталкиваются с трудностями поступления, борьбой за стипендии, прохождением стажировок и стремлением к старту карьеры. Расширение масштабов высшего образования и активное использование гибридных форматов обучения увеличивают личную ответственность учащихся за результаты и требуют от них хорошо развитых способностей к самоорганизации и самоконтролю.

Психологическое здоровье студентов становится ключевым ресурсом, обеспечивающим успешность прохождения учебного процесса, профессиональный рост и адаптацию. Внутривузовские системы психологической помощи часто демонстрируют низкую эффективность, обусловленную отсутствием должного контроля над состоянием студентов и запоздалостью реакций на начальные признаки эмоционального истощения, тревоги, депрессии и других проблем [1]. Социальная работа в университетах должен включать механизмы повышения внутренних резервов студентов, направленные на предупреждение ухудшений их психологического здоровья посредством своевременного обнаружения факторов риска.

Термин «психологическое благополучие» впервые был введен Н. Брэдберном, определившим его как баланс позитивных и негативных эмоций, и положившим начало гедонистическому направлению, согласно которому уровень благополучия измеряется соотношением приятных и неприятных переживаний [2]. Позже американская исследовательница и психолог К. Рифф предложила рассматривать благополучие как эффективное функционирование личности в шести основных сферах: принятие себя, хорошие взаимоотношения, независимость, способность управлять окружающей обстановкой, наличие жизненных целей и стремление к развитию собственной личности [3]. Данный подход фокусируется на внутренних возможностях и потенциале человека, а не исключительно на его чувствах. Российский специалист в области психологии личности П.П. Фесенко представил интегрированную модель, объединяющую гедонистический и экзистенциальный подход и подчёркивающую значимость как эмоционального комфорта, так и личного роста для достижения полноценного ощущения благополучия [4].

В рамках настоящего исследования психологическое благополучие понимается как состояние устойчивого эмоционального опыта жизнедеятельности, характеризующееся высоким уровнем общей удовлетворённости значимыми жизненными аспектами, преобладанием позитивных эмоций над негативными переживаниями, сохранением внутренней психической гармонии и целостностью самоощущения субъекта.

Целью работы является определение приоритетных направлений социальной работы с молодежью в вузе на основе оценки уровня психологического благополучия студентов НГТУ.

Эмпирической базой работы выступил социологический опрос студентов НГТУ, носивший во многом разведывательный характер. С помощью стихийного механизма отбора в выборку были включены 188

студентов в возрасте от 17 до 31 года, в т.ч. 81 мужчина и 107 женщин. Анализировались следующие компоненты психологического благополучия: интенсивность переживаемого стресса, наличие депрессивной симптоматики, субъективное чувство одиночества и самооценка настроения. Оценка осуществлялась посредством валидизированных в российских исследованиях психологических методик: 1) шкалы воспринимаемого стресса (PSS), выявляющей уровень субъективного напряжения и ощущения контроля над внешними обстоятельствами, где высокие значения свидетельствуют о повышенной реакции на стрессовые ситуации, сопровождающейся общим ухудшением физического и психологического состояния [5]; 2) шкалы самооценки депрессии Зунга, позволяющей определить степень выраженности депрессивных проявлений [6]; 3) опросника С.Г. Корчагиной, направленного на выявление чувства одиночества как индикатора недостатка социального взаимодействия и поддержки, расширяющего оценку ментального здоровья социально-психологическим контекстом [7]. Для оценки настроения использовался вопрос «Что бы вы могли сказать о своем настроении в последние дни?», включенный в мониторинги российских организаций изучения общественного мнения.

Оригинальный опросный инструментарий также включал вопросы для оценки финансового благополучия студентов, уровня их информированности, вовлеченности во внеклассные мероприятия и пр.

Анализ результатов исследования показал, что на второй и третий месяц учебы (полевой этап проводился в октябре–ноябре 2025 г.) у 58,9% респондентов наблюдается средний уровень стресса, при этом 11,4% опрошенных уже испытывают высокий уровень стресса и лишь 29,7% студентов имеют низкий уровень. По шкале самооценки депрессии Зунга признаки легкой или умеренной депрессии выявлены у 18,4% студентов, что указывает на клинически значимую зону риска и необходимость профилактики и раннего вмешательства. По опроснику С.Г. Корчагиной лишь 1,3% респондентов вовсе не испытывают чувства одиночества, для большинства характерна та или иная его выраженность, что подчёркивает важность мер по укреплению социальных связей и чувства принадлежности к университетскому сообществу.

Пол респондентов значимо связан с рядом показателей психоэмоционального состояния и поведения. Женщины чаще, чем мужчины, осведомлены о направлениях внеучебной деятельности в вузе ($\chi^2(1) = 8,32$; $p = 0,004$; V Крамера = 0,23; $OR = 2,90$; 95% ДИ 1,39–6,06). В то же время студентки несколько чаще сообщают о менее благоприятном настроении в последние дни (ρ -Спирмена = 0,19; $p =$

0,025), чаще предпринимают целенаправленные действия по поддержанию своего психоэмоционального состояния (ρ -Спирмена = 0,31; $p < 0,001$) и чаще отмечают сильную тревогу перед экзаменами (ρ -Спирмена = 0,29; $p < 0,001$).

Среди других социально-демографических характеристик слабая отрицательная связь выявлена между возрастом и экзаменационной тревожностью: с увеличением возраста выраженность тревоги перед экзаменами несколько снижается (ρ -Спирмена = -0,16; $p = 0,050$). Сильная положительная связь выявлена между уровнем воспринимаемого стресса и субъективной оценкой настроения в последние дни: более высокий стресс ассоциирован с более неблагоприятным эмоциональным состоянием (ρ -Спирмена = 0,53; $p < 0,001$).

В ходе исследования было определено, что в среднем только 3% используют университетские ресурсы психологической поддержки и около 75% не используют их, и не хотели бы (см. табл.1).

Таблица 1- Использование студентами НГТУ внутривузовских ресурсов психологической поддержки (в % к общему числу опрошенных)

	Волонтерское объединение «Интер клуб»	Центр инклюзивного сопровождения	Тренинги психологической помощи	Центр психологической помощи	Комната релаксации	Программа волонтерских психологов
«Не использую, и не хочу»	82,7%	86,3%	77,7%	67,9%	57,1%	77,1%
«Не использую, но хотел бы»	15,1%	10,1%	19,4%	27,1%	38,6%	20,7%
«Использую»	2,2%	3,6%	2,9%	5,0%	4,3%	2,1%

Социальный работник вуза выступает посредником между студентами и службами поддержки, обеспечивая своевременное выявление потребностей студентов. Его задача заключается в преодолении низкой информированности и стереотипов через понятную коммуникацию, навигацию и сопровождение до результата, координацию подразделений, профилактические форматы и регулярный мониторинг качества и доступности. Такой комплекс мер позволяет превратить потенциальный запрос студента в конкретное действие и сделать процесс обращения за помощью прозрачным и эффективным.

Результаты исследования показали, что студенты имеют высокий уровень стресса, но при этом не желают использовать ресурсы вуза для решения вопросов сохранения психологического благополучия. Вероятно, данные ресурсы плохо адаптированы под потребности студента из-за чего воспринимаются студентами как неэффективные. В будущем стоит провести исследование, которое позволит лучше понять, чем мотивирован отказ студентов от данных ресурсов и как можно изменить эти ресурсы и информированность о них, для повышения психоэмоционального благополучия студентов.

Таким образом, в ходе исследования было определено, что общее психологическое благополучие студентов формируется на пересечении личных усилий и условий образовательной среды. Данные выделяют управляемые точки: информированность, доступность и профилактику некомфортного самоощущения и требуют точечной социальной работы, учитывающей индивидуальные риски каждого студента и обеспечивающей своевременное сопровождение обучающихся, без перекладывания всей ответственности на студентов.

Литература:

1. Ерицын К.Ю., Антонова Н.А., Клопкова Е.А., Цветкова Л.А. Психологические службы российских вузов – мониторинговое исследование практик и ресурсов // Психологическая наука и образование. – 2025. – 30(5). – С. 49–61.
2. Bradburn N. The Structure of Psychological well-being. – Chicago: Aldine Pub. Co., 1969. – № 4. – 318 с.
3. Рифф К. Психологическое благополучие: критерии эффективного функционирования личности // Психологическая наука и образование. – 2006. – № 1. – С. 34–47.
4. Фесенко П.П. Психология психологического благополучия личности. – Москва: Институт психологии РАН, 2019. – 206 с.
5. Актуальные шкалы и опросники для оценки стрессовых состояний и их применение в медицине / А.А. Кузюкова, Я. Г Пехова, О. И Одарущенко, Н.А. Левченко, Л.А. Марченкова // Bulletin Of Rehabilitation Medicine. – 2025. – Т. 24, №2. – С. 71-86
6. Балашова Т. И. Шкала самооценки депрессии Цунга (SDS). В: Методы психодиагностики в наркологии – Санкт-Петербург: НИИ им. В. М. Бехтерева, 1992 г.
7. Корчагина С. Г. Психология одиночества: учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2008. – 228 с.

СЕМЕЙНАЯ МЕДИАЦИЯ: ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. С. Беляевская

Новосибирский государственный технический университет,

г. Новосибирск, ebelaevskaa44@gmail.com,

Научный руководитель: Баженова Т. В.

В данной статье рассматривается семейная медиация в Российской Федерации в аспекте оценки уровня осведомлённости и обращаемости среди молодёжи 18–35 лет, с целью фиксации фактического состояния информирования и практики обращения к процедуре; проверяется гипотеза о низкой осведомлённости и сопутствующих барьерах, даны практические рекомендации по повышению информированности и расширению применения семейной медиации.

This article examines family mediation in the Russian Federation through an assessment of awareness and utilization among young people aged 18–35, with the aim of documenting the actual state of awareness and practice of using the procedure. It tests the hypothesis of low awareness and associated barriers, and provides practical recommendations for raising awareness and expanding the use of family mediation.

Несмотря на нормативное закрепление процедуры медиации и наличие практик её применения, фактическое использование семейной медиации в РФ остаётся ограниченным. **Проблемой** исследования выступает высокий уровень неосведомлённости о семейной медиации среди молодёжи 18–35 лет, что препятствует обращаемости к процедуре при семейных спорах. В этих условиях необходима эмпирическая проверка масштабов информационного дефицита, что позволит предложить меры по развитию института. **Цель исследования** — оценить уровень осведомлённости и ключевые барьеры применения семейной медиации среди молодёжи 18–35 лет в Российской Федерации, по итогам представить практические рекомендации по повышению информированности и расширению применения процедуры.

Объект исследования – семейная медиация как социально-правовой институт урегулирования семейных конфликтов в РФ.

Предмет исследования – уровень осведомлённости, намерения воспользоваться процедурой и барьеры применения семейной медиации у молодёжи 18–35 лет.

Гипотеза: среди молодёжи 18–35 лет преобладает неосведомлённость о семейной медиации (доля «не знаю/затрудняюсь» $\geq 50\%$), что отрицательно сказывается на доверии и готовности пользоваться процедурой.

Новизна результатов: эмпирически оценён уровень осведомлённости о семейной медиации среди молодёжи 18–35 лет в РФ, и на этой основе сформулированы практические рекомендации по повышению информированности и расширению применения процедуры.

Область применения результатов: практическая работа центров медиации, для проектирования клиентского пути; в деятельности психологов и юристов — включение пошагового маршрута QR-кода; в коммуникациях и цифровом просвещении — внедрение сайта с просветительской информацией в сети Интернет.

По результатам анкетирования мы смогли подтвердить нашу гипотезу о неосведомленности населения о процедуре семейной медиации. При объединении ответов в две группы (1–2 — «неосведомлён(а)», 3–5 — «осведомлён(а)»: «впервые слышу» (62,0%), «слышал(а), но не уверен(а)» (15,5%), «в общих чертах знаю» (19,7%), ответы «хорошо знаю» носят единичный характер (2–3%), личный опыт отсутствует), получаем: около 77,5% — неосведомлённые, около 22–23% — осведомлённые, что подтверждает нашу гипотезу (Рисунок 1).

Анкетирование имеет два разветвления: осведомленным о процедуре семейной медиации и неосведомленным респондентам задавались разные вопросы.

Основными каналами распространения в подвыборке осведомлённых (n=16) выступают: социальные сети/медиа (50,0%), учёба/работа (31,3%), знакомые — 12,5%, ЗАГС/суды/МФЦ (6,3%), юрист/психолог (6,3%) (вопрос был с множественным выбором). Слабая доля «знакомых» указывает на ограниченный «сарафанный» эффект, что согласуется с низкой общей обращаемостью и редким личным опытом (Рисунок 2).

Распределение «первой линии обращения» среди осведомлённых (n=16): к психологу/семейному консультанту (43,8%), к адвокату/юристу (31,3%), попытка договориться самостоятельно (12,5%), к медиатору (6,3%), к родственникам (6,3%), при этом обращение в суд не выбрал никто (Рисунок 3). Такая иерархия показывает, что даже у осведомленных процедура является невостребованной. Несмотря на это большинство респондентов относится к процедуре нейтрально — (50,0%), скорее доверяю (31,3%), совсем не доверяю (12,5%), затрудняюсь ответить (6,3%); варианты «скорее не доверяю» и «полностью доверяю» не выбраны (Рисунок 4).

Ключевыми барьерами среди осведомлённых (n=16) названы: низкая информированность населения (81,3%) и неясность начальных шагов (50,0%); недоверие к процедуре (37,5%) и дефицит специалистов (37,5%); далее следуют социально-культурные установки (18,8%), вопрос был с множественным выбором (Рисунок 5).

В подвыборке неосведомлённых (n=55) распределение «первой линии обращения» следующее: попытка договориться самостоятельно (65,5%), к адвокату/юристу (16,4%), к психологу/семейному консультанту (10,9%); ответы «в суд» встречаются единично (1–3%). Это отражает информационный дефицит, респонденты не видят преимуществ процедуры семейной медиации (Рисунок 6).

Желаемые каналы получения подробной информации о процедуре среди неосведомлённых (n=55): от юриста/психолога при первом обращении (38,2%), социальные сети/медиа (32,7%), ЗАГС/МФЦ/суды (14,5%), в вузе/на работе (12,7%); варианты «неинтересна процедура» (30,9%), «затрудняюсь» (1,8%) (возможен множественный выбор ответов) (Рисунок 7). Важно отметить, что запрос на информацию у неосведомлённых распределяется не случайно, юрист/психолог — это места, где человек уже находится в режиме решения задачи, и там же хотел бы получить информацию об альтернативных вариантах. Высокая доля «неинтересно» указывает на непонимание пользы процедуры, что усиливает необходимость в информировании населения.

Ключевые барьеры среди неосведомлённых (n=55): низкая информированность населения — (70,9%) и неясность начальных шагов («где искать, что делать») — (47,3%); недоверие к процедуре (30,9%); социально-культурные установки («в суд привычнее») — (27,3%); и дефицит подготовленных специалистов/центров (18,2%); возможен множественный ответ (Рисунок 8). Эта структура подтверждает преобладание информационных барьеров над ценностными, что определяет приоритет мер: дать чёткий маршрут доступа (куда обратиться, как проходит сессия, как оформляется результат).

Ключевые выводы исследования:

По результатам анкетирования молодёжи 18–35 лет гипотеза о низкой осведомлённости подтверждается: подавляющее большинство респондентов либо впервые слышат о семейной медиации, либо не уверены в понимании её сущности. На поведенческом уровне это проявляется в выборе самостоятельных переговоров, когда дело касается серьезных семейных конфликтов, медиатор практически не рассматривается как способ решения ситуации. Преобладающее отношение к медиации в группе, знающей о процедуре, остаётся нейтральным, что указывает не на сопротивление, а на дефицит информации о процедуре и ее преимуществах.

Структура барьеров носит в основном информационный характер. И у неосведомлённых, и у осведомлённых респондентов на первом плане — недостаточная информированность и неясность начальных шагов.

Недоверие к процедуре и социально-культурная установки («в суд привычнее») присутствуют, но отмечаются реже.

На основе проделанного анализа, можно предложить следующие рекомендации:

Создание платформы с реестром медиаторов. Публичный портал, снимающий ключевые информационные барьеры: «где искать специалиста», «как оценить квалификацию» и «с чего начать». На одной веб-площадке пользователю предоставляется поиск медиатора по городу и формату работы, специализациям, диапазону стоимости и ближайшей доступности, конкретизируется информация о медиаторе и ближайшие свободные окна.

Пошаговый маршрут QR-код, который может быть размещен в местах первых обращений граждан (кабинеты юристов и психологов, ЗАГСы, МФЦ, приёмные судов), цифровых каналах связи. Переход по коду открывает страницу, содержащую сведения о семейной медиации, перечень типичных ситуаций её применения (развод, план родительства, график общения, раздел имущества), ожидаемые результаты процедуры и три первых шага для начала (где найти медиатора, как проходит сессия, как оформляется результат), а также информацию о правилах и принципах медиации, примеры медиативных соглашений. QR-код позволяет выявленные в исследовании запросы на разъяснение информации.

Интеграция QR кода и платформы с реестром медиаторов. Из страницы «Как начать» пользователь переходит к реестру с фильтрами, выбирает медиатора, бронирует медиатора, назначает первую сессию.

Рисунок 1.

Рисунок 3.

Рисунок 2.

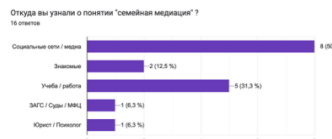

Рисунок 4.

Рисунок 5.

Рисунок 6.

Рисунок 7.

Рисунок 8.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант Плюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения 13.11.2025)
2. Гвоздарева М. В. Посредничество как метод альтернативного разрешения корпоративных конфликтов: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. — 16 с
3. Мета Г., Похмелкина Г. Медиация — Искусство разрешать конфликты. — М.: «Verte», 2004 — 8С.
4. Реутов С. И. Проблемы и перспективы применения примирительных процедур (медиации) при урегулировании конфликтов в сфере брачно-семейных отношений. // В сборнике: Проблемы применения примирительных процедур (медиации) в различных сферах юридической практики. Материалы круглого стола в рамках 5 Пермского международного конгресса ученых-юристов. Пермь, 2014. — С. 48.
5. Паркинсон Л. Семейная медиация. — М.: ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2016 — 1— 94 С.

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ОПЫТ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

К. И. Винс

**Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, vins-kostia@mail.ru**

Научный руководитель: Жданова И. В., к.ф.н., доцент

В статье рассматриваются современные технологии социальной работы, применяемые религиозными организациями на примере Русской Православной Церкви. Анализируются особенности социального служения в приходах и епархиях Сибирского Федерального Округа, включая поддержку семей, помощь пожилым, инвалидам, бездомным, зависимым.

The article examines modern technologies of social work used by religious organizations through the case of the Russian Orthodox Church. It analyzes the specifics of social ministry in parishes and dioceses of the Siberian Federal District, including support for families, assistance to the elderly, disabled, homeless, and people with addictions.

Русская Православная Церковь (далее РПЦ) всегда занимала важное место в системе социального призрения народа. С принятием христианства на Руси идея любви к ближнему стала основой церковного милосердия [11]. Однако длительное время социальное служение Церкви не выделялось в самостоятельную сферу деятельности, а в советский период фактически замалчивалось. В современной России в рамках «Основ социальной концепции РПЦ» и решений Архиерейских Соборов были сформулированы ключевые принципы церковного благотворительного служения [11,12]. Тем не менее проблема согласованного взаимодействия Церкви с государством и обществом в решении социальных задач остаётся актуальной.

Современное социальное служение РПЦ сталкивается с рядом проблем. Оно во многом остаётся неформализованным и разрозненным: несмотря на церковные документы, в большинстве приходов помощь оказывается добровольно и часто стихийно [8]. В сельских общинах она ограничивается разовыми акциями для пожилых и многодетных, тогда как в крупных городах действуют благотворительные фонды и специализированные службы. Серьёзной трудностью является нехватка кадров и ресурсов: во многих приходах нет квалифицированных социальных работников, волонтёров и стабильного финансирования, а отсутствие крупных организаций с регулярной деятельностью во многом обусловлено дефицитом кадров и пожертвований [6]. Рекомендации

Архиерейского Собора 2011 г. о введении должностей педагога и социального работника в крупных приходах реализуются медленно.

В практическом плане РПЦ реализует широкий спектр направлений социальной помощи [5]. Одним из важнейших направлений является поддержка семьи, материнства и детства. При приходах и монастырях создаются центры помощи беременным женщинам и матерям с детьми, находящимся в кризисной ситуации. Они предоставляют временное жильё, юридическую и психологическую помощь, содействуют сохранению беременности и преодолению трудностей материнства. Такие проекты часто включают работу консультационных пунктов и организацию сборов вещей и продуктов для нуждающихся семей. Примерами конфессиональных учреждений в данной сфере могут служить Центр защиты материнства и детства «Нечаянная Радость» г. Омск и Православный Центр защиты жизни и семейных ценностей во имя свт. Иоанна Шанхайского г. Новосибирск [4,13].

Второе значимое направление – помощь пожилым людям. При епархиях и приходах действуют сестричества милосердия, организующие патронажный уход за одинокими пожилыми и маломобильными гражданами. Создаются дома дневного пребывания и «дома сестринского ухода», где обеспечивается забота, питание и духовное окормление престарелых. В сельских приходах эта помощь нередко выражается в раздаче продуктовых наборов, регулярных посещениях и бытовой поддержке. Выделить можно такие учреждения как Сестричество в честь преподобномученицы княгини Елизаветы г. Тогучин и Центр гуманитарной помощи Енисейской епархии РПЦ [13].

Отдельное внимание уделяется помощи людям с инвалидностью: Церковь развивает православные реабилитационные центры и мастерские, православные детские сады и коррекционные школы для детей с особыми образовательными потребностями, а также организует паломничества, инклюзивные лагеря и культурные мероприятия, способствующие их социальной интеграции [18]. Помощь людям с инвалидностью оказывают, в частности, Православная социальная служба при обществе инвалидов «Надежда» (г. Дудинка) и Православный центр содержания инвалидов «Спиридоновский» (г. Лесосибирск) [13]. Особое место занимает служение глухим и слабослышащим, с которыми работают община при храме Иоанна Предтечи в г. Красноярске и Православная община глухих и слабослышащих при Покровском храме г. Новосибирска [7; 13].

Важным направлением церковного социального служения является паллиативная помощь: на базе епархий, монастырей и сестриществ милосердия действуют дома сестринского ухода, хосписы и патронажные

службы, обеспечивающие медицинский уход, духовное сопровождение и психологическую поддержку тяжело больных и их семей (в том числе Сестричество при храме св. ап. и ев. Луки в г. Новокузнецке и Сестричество во имя свт. Луки (Войно-Ясенецкого) при храме Рождества Христова в п. Горный) [1;13]. Значительное внимание уделяется также помощи бездомным, беженцам и мигрантам: в крупных городах действуют мобильные проекты («Автобус спасения», «Сотвори милость» в Новосибирской епархии), пункты раздачи гуманитарной помощи, центры ночного пребывания и дома временного пребывания, например в г. Омске [9; 13]. Церковь организует для этой категории помощь в питании, одежде, медицинском и временном жилье, а также содействует в оформлении документов и социальной адаптации, нередко во взаимодействии с государственными структурами и благотворительными фондами.

Особую нишу занимает реабилитация людей, страдающих от алкогольной и наркотической зависимости. При монастырях и приходах открываются центры духовно-нравственной реабилитации, где совместно с психологами и священнослужителями выстраиваются программы ресоциализации. В них входят трудотерапия, молитвенная практика, консультирование и постепенное возвращение в общество. С зависимыми группами населения работают, в частности, Епархиальный Душепопечительский православный центр реабилитации пострадавших от наркомании, алкоголизма и других видов зависимостей во имя св. Иннокентия Иркутского, Братство общества трезвости в честь иконы Божией Матери Неупиваемая Чаша, г. Иркутск и Епархиальный реабилитационный центр во имя св. прп. Серафима Саровского г. Новосибирск [13].

По результатам исследования подтверждается, что основная миссия Церкви – духовное окормление человека – не утрачивается, а социальное служение выступает как органичное дополнение к ней. При этом подчёркивается, что церковная благотворительность не должна замещать государственные социальные службы; наоборот, эффективные социальные технологии требуют синергии ресурсов Церкви и государства. Практика Сибирской епархии (Новосибирска, Томска и др.) показывает, что такая кооперация возможна и уже приносит ощутимые результаты: совместные программы (например, с отделом соцзащиты города) расширяют охват помощи, а образовательные инициативы воспитывают новые кадры добровольцев.

Литература:

1. Белоус А. А. Развитие паллиативной помощи в религиозных организациях России // Здоровье и общество. – 2021. – № 4. – С. 33–41.
2. Бурова Н. С. Институционализация церковного волонтерства // Гуманитарные исследования. – 2022. – № 5. – С. 88–97.
3. Горлова Н. И., Певная М. В. Волонтерство и социальная активность в религиозных организациях России // Вестник социального образования. – 2020. – № 2. – С. 45–58.
4. Иванова Е. В. Социальное служение Русской Православной Церкви: теоретические основы и региональные практики // Социальное пространство. – 2020. – № 6. – С. 120–130.
5. Кривошеев В. М. Церковное социальное служение как форма взаимодействия государства и гражданского общества // Социальная политика и практика. – 2022. – № 1. – С. 67–75.
6. Лопатин П. Н. Проблемы кадрового обеспечения церковных социальных проектов // Вестник религиоведения. – 2023. – № 1. – С. 77–85.
7. Носова В. А. Социальная работа Русской Православной Церкви: концептуальные основы и практика. – М.: Академия, 2019. – 248 с.
8. Новосибирская епархия Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – URL: <https://nsk-eparhia.ru> (дата обращения: 03.10.2025).
9. Новосибирская епархия Русской Православной Церкви. Отчёт о деятельности за 2023 год. – Новосибирск: Новосибирская епархия РПЦ, 2024. – 56 с.
10. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2000. – 73 с.
11. Определение Архиерейского Собора Русской Православной Церкви от 4 февраля 2011 г. «О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви». – М.: Изд-во Московской Патриархии, 2011. – 25 с.
12. Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – URL: <https://diaconia.ru> (дата обращения: 03.10.2025).
13. Томская епархия Русской Православной Церкви. Отчёт о деятельности за 2023 год. – Томск: Томская епархия РПЦ, 2024. – 49 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ И ПРОФИЛАКТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ У СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ

С. А. Геласимов

**Новосибирский государственный технический университет
г. Новосибирск, dlyaigr-96@mail.ru**

Научный руководитель: Жданова И. В., к.ф.н., доцент

В статье представлен анализ нормативных и практических материалов по профилактике профессиональных деформаций у специалистов в сфере социальной защиты населения в РФ. На основе анализа профессионального и образовательного стандартов, учебных планов вузов, нормативно-правовых актов и региональных/местных практик выявлены основные пробелы в нормативной базе и успешные практики профилактики (супервизия, наставничество, тренинги, цифровые инструменты). Предложены практические рекомендации по включению в профстандарты требований по регулярной диагностике и системной организации различных профилактических мер.

The article presents an analysis of regulatory and practical materials on the prevention of professional deformation among specialists in the field of social protection of the population in the Russian Federation. Based on the analysis of professional and educational standards, university curricula, legal acts, and regional/local practices, the main gaps in the regulatory framework and successful prevention practices (supervision, mentoring, training, digital tools) are identified. Practical recommendations are proposed for including in professional standards the requirements for regular diagnostics and the systematic organization of various preventive measures.

Профессиональные деформации (выгорание, эмоциональное истощение, цинизм, формализм) у специалистов социальной защиты негативно влияют на качество услуг и устойчивость кадрового потенциала. Статистические индикаторы указывают на рост текучести и обращений за психологической помощью, что делает проблему значимой для практики и управления социальной сферой [1]. В то же время нормативная база и стандарты содержат фрагментарные требования к профессиональной устойчивости, а практические меры преимущественно реализуются на региональном уровне и инициативно, что требует системного исследования и обоснования рекомендаций.

Цель данной работы — осуществить анализ документов и программ, направленных на профилактику и коррекцию профессиональных деформаций у специалистов в сфере социальной защиты населения в РФ,

и на основе результатов сформулировать рекомендации по включению эффективных мер в образовательную и нормативную практику.

1. Операционализировать объект и предмет исследования; выделить единицы анализа.

2. Проанализировать требования ФГОС и профессионального стандарта в части формирования компетенций, относящихся к психической устойчивости и профессиональной пригодности.

3. Изучить наличие дисциплин и модулей по профилактике профессиональных деформаций в учебных планах вузов.

4. Проанализировать региональные и ведомственные программы/проекты профилактики профессиональных деформаций.

5. Сформулировать практические рекомендации.

Методы исследования. Применялись такие методы как анализ документов и контент-анализ (тексты профессиональных и образовательных стандартов, учебные планы вузов, нормативные акты и методические рекомендации, описания региональных проектов). Были выделены следующие единицы анализа [2]:

- пункты и формулировки стандартов;
- наименования и цели дисциплин/модулей;
- описания программ профилактики и их результаты (отчётные показатели);
- инструменты диагностики (опросники, платформенные метрики);
- индикаторы эффективности (текущее, обращения к психологам, жалобы клиентов).

Результаты исследования. Нормативно-правовая и стандартная база. Профессиональный стандарт и ФГОС задают базовые профессиональные и универсальные компетенции (включая элементы самоорганизации и знание психологических основ), однако в них отсутствуют обязательные требования к регулярной диагностике психического здоровья сотрудников и к организации супервизии как штатной функции работодателя [3]. Это создаёт нормативную пустоту: вопросы профилактики профессиональных деформаций остаются преимущественно в зоне рекомендаций и локальных инициатив.

Учебные планы вузов. Анализ учебных планов показал, что дисциплины, прямо посвящённые профилактике профессиональных деформаций либо же формированию стрессоустойчивости, встречаются нерегулярно и чаще в вариативных/элективных блоках [4]. Основные элементы подготовки по психологии и этике присутствуют, но практические тренинги и супервизорские практики не всегда включены

в обязательную часть. Следствие — выпускники получают базовые знания, но не всегда практические навыки саморегуляции.

Региональные практики и проекты. На региональном уровне отмечены эффективные проекты: супервизорские группы, наставничество, тренинговые циклы и цифровые платформы поддержки (диагностика выгорания, микротренинги, онлайн-консультации). Аналоги показали снижение текучести и обращений за экстренной помощью в пилотных зонах (данные локальных отчётов). Это свидетельствует о высокой практической эффективности комплексных вмешательств при условии системного внедрения

Наиболее информативными единицами анализа оказались: формулировки компетенций в ФГОС и профстандартах, учебные планы и описания дисциплин, тексты программ профилактики (что показывает набор интервенций) и показатели мониторинга (текучесть, обращения к психологам, результаты пост-тренинговых анкет). Сопоставление этих единиц позволило выявить расхождения между формальной подготовкой и практическими потребностями.

Рекомендации по результатам анализа:

- нормативные изменения: включить в профессиональный стандарт требования к регулярной психологической диагностике и к организации супервизии/консультаций для сотрудников соцзащиты (например, периодичность и минимальный набор мероприятий); [5]

- образовательные меры: ввести в обязательную часть программ подготовки и повышения квалификации модули по стресс-менеджменту, супервизии и практическим техникам саморегуляции;

- организационные инструменты: распространить модели наставничества, супервизии и цифровых платформ (онлайн-тестирование, микротренинги) как обязательные элементы внутренней политики учреждений;

- мониторинг: внедрить «паспорт психического здоровья» или регулярный анонимный мониторинг (индикаторы: уровень выгорания, частота обращений к психологу, текучесть) для прогнозирования групп риска и планирования превентивных мер. [1]

Контент-анализ документов и практик показал, что в России имеются эффективные региональные решения по профилактике профессиональных деформаций, однако отсутствует единый нормативный механизм, обеспечивающий их обязательное распространение.

Литература:

1. Федеральная служба государственной статистики. Численность работников социальной сферы в России [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстата. 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 23.11.2025).
2. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Отчет о кадровом аудите в социальной сфере 2024 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Минтруда РФ. 2024. – URL: <https://mintrud.gov.ru/docs> (дата обращения: 28.11.2025).
3. Астахов Р.Л. Ключевые аспекты и демаркация феномена профессиональной деформации [Электронный ресурс] / Р.Л. Астахов // Социология профессий. 2024. №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovaniya-kontseptsii-professionalnoj-deformatsii-p-a-sorokina> (дата обращения: 22.11.2025).
4. ВЦИОМ. Психологическое состояние сотрудников социальной сферы: аналитический отчет [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/psycho-social> (дата обращения: 20.11.2025).
5. Куприянова Э.Р. Шульгина Т.А. Супервизия как инструмент профилактики профессионального выгорания специалистов социальной работы [Электронный ресурс] / Э.Р. Куприянова, Т.А. Шульгина // Коллекция гуманитарных исследований. 2024. №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/superviziya-kak-instrument-profilaktiki-professionalnogo-vygoraniya-spetsialistov-sotsialnoy-raboty> (дата обращения: 23.11.2025).

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗРЕШЕНИЯ СУПРУЖЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В МОЛОДЫХ СЕМЬЯХ

Э. А. Гордиенко

Новосибирский государственный технический университет,

г. Новосибирск

Научный руководитель: Волченко С. Ю.

Статья посвящена обобщению результатов эмпирического исследования гендерных аспектов разрешения супружеских конфликтов в молодых семьях.

This article summarizes the results of an empirical study of the gender aspects of resolving marital conflicts in young families.

Актуальность. Современные молодые семьи, находясь на начальном этапе совместной жизни, особенно уязвимы перед лицом экономической нестабильности, трансформации социальных норм и высокой ответственности. Высокий показатель разводов в этой группе указывает на необходимость более глубокого изучения механизмов возникновения и разрешения супружеских конфликтов.

Значительное влияние на динамику отношений и выбор стратегий поведения в конфликтах оказывают гендерные роли и особенности мужского и женского поведения. Исследование этих аспектов позволяет выявить факторы, способствующие стабилизации и гармонизации молодой семьи, что отвечает как потребностям самих пар, так и государственным приоритетам в области укрепления института семьи. Полученные данные могут быть использованы для повышения эффективности психологической помощи молодым парам и вносят вклад в развитие семейной психологии, социологии и гендерных исследований.

В начальный период брака супруги сталкиваются с необходимостью адаптации, распределением обязанностей и выработкой общих правил взаимодействия. При этом значительную роль играет гендерная специфика — различие в восприятии, эмоциональной реакции и стратегиях поведения мужчин и женщин.

Изучение гендерных аспектов супружеских конфликтов имеет не только теоретическую, но и практическую значимость. Понимание особенностей поведения мужчин и женщин в конфликтных ситуациях позволяет выстраивать более эффективные стратегии психологического консультирования и профилактики разрушительных тенденций в молодой семье.

Современные молодые семьи сталкиваются с множеством вызовов - экономической нестабильностью, изменением социальных норм и ростом числа разводов. Особенно уязвимыми являются первые годы брака, когда происходит адаптация супругов друг к другу, формируются основные модели поведения и распределение ролей.

Супружеский конфликт — это противоречие, возникающее между супругами вследствие несовпадения их интересов, ценностей и потребностей (А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов) [1]. В Конфликт может касаться распределения ролей, финансов, воспитания детей, эмоциональной близости и других аспектов совместного существования. И. Курбатов рассматривает конфликт как состояние психологического напряжения [2]. Причины конфликтов различны: неудовлетворённые потребности, психосексуальная несовместимость, финансовые трудности, вмешательство родителей (В.А. Сысенко, Н.А. Осипова) [3].

К. Левин указывал, что супруги вступают в брак для удовлетворения значимых потребностей. Когда ожидания не совпадают, возникает фрустрация, ведущая к напряжению и конфликтам [4]. У.Ф. Харли показал различия в приоритетах: для мужчин ключевыми являются половая удовлетворённость, привлекательность жены и восхищение, для женщин - нежность, честность и поддержка [5].

Супружеские конфликты выполняют как разрушительную, так и конструктивную функции. Разрушительная функция проявляется в снижении эмоциональной близости, отчуждении и риске распада семьи. Конструктивная функция состоит в том, что через конфликт супруги учатся лучше понимать потребности друг друга, вырабатывают навыки взаимодействия и согласования интересов. Таким образом, конфликт может быть не только деструктивным, но и необходимым этапом развития отношений.

Н. Пезешкиан выделяет базовые и актуальные конфликты: первые связаны с семейным опытом родителей супругов, вторые - с текущими обстоятельствами [6]. О.А. Карабанова описывает динамику конфликтов: актуальные, прогрессирующие и привычные. Конфликты могут быть конструктивными (ведут к улучшению отношений) или деструктивными (угрожают целостности семьи) [7].

Особенности молодых семей: возраст супругов до 35 лет, неопытность, высокая эмоциональность, экономическая и жилищная нестабильность, зависимость от родителей. Паршина В.В. отмечает также снижение репродуктивной функции и трудности с ролевой гармонией [8]. Все эти факторы усиливают конфликтный потенциал.

Последствия конфликтов могут быть разрушительными (развод, психотравмирующая обстановка для детей, ухудшение климата в семье) и конструктивными (снятие напряжения, поиск компромиссов, укрепление навыков коммуникации).

Управление конфликтами включает предупреждение, урегулирование и разрешение. Основные технологии:

1. Конфликтологическое консультирование - индивидуальная работа с семьёй для выявления и устранения источников напряжения (Е.Г. Сорокина, М.В. Вдовина) [9].

2. Посредничество - участие нейтральной стороны, задача которой помочь супругам самостоятельно выработать решение.

3. Арбитраж - привлечение третьей стороны, чьё решение носит обязательный характер.

4. Семейная медиация - современная форма урегулирования конфликтов, при которой независимый медиатор помогает найти компромисс, сохраняя при этом равноправие сторон.

Гендер — это социальный конструкт, отражающий культурные ожидания относительно мужского и женского поведения. Статус женщины в обществе зависит от её участия в производстве и репродуктивных функциях, а Дж. Скотт трактует гендер как стратификационную категорию наряду с классом и расой [10].

Женщины, как правило, проявляют большую эмоциональную чувствительность к проблемам отношений, стремятся к диалогу и обсуждению трудностей. Для них важно выражать чувства, проговаривать обиды и искать поддержку. Мужчины чаще стремятся избегать излишней эмоциональности, склонны к рациональному анализу ситуации и поиску конкретных решений. Такое различие не означает противоположность интересов, а лишь отражает разные способы реагирования на стресс и конфликт.

Таким образом, гендерные различия оказывают прямое влияние на восприятие проблем и стратегий их разрешения.

Для анализа гендерных аспектов было проведено анкетирование 16 респондентов (7 мужчин и 9 женщин).

Женщины чаще указывали на распределение обязанностей как основную причину конфликтов (4 из 9), мужчины выделяли финансовые трудности (3 из 7). Это отражает традиционные стереотипы: мужчина - обеспечивающий семью, женщина - отвечающая за быт.

Главным условием успешного разрешения конфликтов обе группы назвали взаимное уважение (8 из 16). Это подтверждает стремление к равноправию и конструктивному взаимодействию.

При выборе способов решения проблем женщины чаще выбирали обсуждение или игнорирование (4 из 9), мужчины - активные действия (4 из 7). Это связано с традиционным ожиданием от мужчин решительности, а от женщин - стремления к коммуникации.

Интересно, что большинство респондентов (9 из 16) заявили о нежелании обращаться за внешней помощью (к психологам или родственникам), предпочитая решать проблемы самостоятельно. Это может объясняться как традиционными стереотипами, так и установкой на закрытость семейного пространства.

В целом исследование показало, что женщины склонны к эмоциональному и коммуникативному стилю разрешения конфликтов, мужчины - к практическому и активному. Однако общим фактором, объединяющим оба пола, остаётся уважение как основа гармоничных отношений.

Супружеские конфликты в молодых семьях обусловлены сочетанием социальных, экономических и психологических факторов. Основные причины связаны с неудовлетворённостью потребностей,

распределением обязанностей, финансовыми трудностями и вмешательством родственников.

Гендерные различия оказывают значительное влияние на восприятие проблем и стратегии поведения супругов. Женщины чаще стремятся к коммуникации и эмоциональному обсуждению, мужчины - к практическим действиям. При этом обе группы считают уважение ключевым условием успешного взаимодействия.

Результаты исследования могут быть использованы в консультативной и медиативной практике, а также в программах профилактики разводов и укрепления института молодой семьи.

Литература:

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога / Анцупов А.Я., Шипилов А.И. [Электронный ресурс] // Онлайн библиотека Djvu. – URL: <https://djvu.online/file/0gdmF2DB6Kj9I> (дата обращения: 23.11.2025).
2. Курбатов В. И. Конфликтология / Курбатов В. И. [Электронный ресурс] // Общедоступные библиотеки СПб. – URL: <https://spbib.ru/en/catalog/-/books/10036875-konfliktologiya> (дата обращения: 25.11.2025).
3. Сысенко В. А. Супружеские конфликты / Сысенко В. А. [Электронный ресурс] // Общедоступные библиотеки СПб. – URL: <https://spbib.ru/en/catalog/-/books/10589543-supruzheskiye-konflikty> (дата обращения: 27.11.2025).
4. Левин К. Разрешение социальных конфликтов / Левин К. [Электронный ресурс] // Онлайн библиотека Djvu: [сайт]. – URL: <https://djvu.online/file/L2YgOjqrWeV5> (дата обращения: 13.11.2025).
5. Харли Уиллард Ф. Законы семейной жизни / Харли Уиллард Ф. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. – URL: <https://www.universalinternetlibrary.ru/book/43794/ogl.shtml> (дата обращения: 20.11.2025).
6. Пезешкиан Н. Психотерапия повседневной жизни: тренинг разрешения конфликтов. – М.: Речь, 2001. –288 с.
7. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования / Карабанова О.А. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека МГППУ. – URL: <https://psychlib.ru/mgppu/KPs-2001/KPS-001.HTM#%24p1> (дата обращения: 03.11.2025).
8. Паршина В. В. Специфика молодой семьи и ее основные проблемы // Проблемы Науки. 2013. №4 (18). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-molodoy-semi-i-ee-osnovnyye-problemy> (дата обращения: 26.11.2025).

9. Сорокина Е.Г., Вдовина М. В. Конфликтология в социальной работе / Сорокина Е.Г., Вдовина М. В. [Электронный ресурс] // Znanium. URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=431604> (дата обращения: 23.11.2025).

10. Грошев И. В. Психология половых различий / Грошев И.В. [Электронный ресурс] // DisserCat электронная библиотека диссертаций. – URL: <https://www.dissercat.com/content/psikhologiya-polovykh-razlichii> (дата обращения: 29.11.2025).

ОСНОВНЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ДОВЕРИТЕЛЬНЫХ И УСТОЙЧИВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРИЕМНОЙ СЕМЬЕ.

М. В. Гуринова

Новосибирский государственный технический университет,

г. Новосибирск, mariagurinowa@yandex.ru

Научный руководитель: Ярышева А. А., к.псих.

В статье рассматриваются препятствия в формировании детско-родительских отношений в приемной семье, их причины и последствия для эмоционального и поведенческого состояния ребенка. Проанализированы этапы адаптации, возрастные особенности и основные проблемы, с которыми сталкиваются замещающие семьи.

The article discusses the obstacles in the formation of parent-child relationships in a foster family, their causes and consequences for the child's emotional and behavioral state. The stages of adaptation, age-related characteristics, and the main problems faced by foster families are analyzed.

Актуальность изучения детско-родительских конфликтов в период адаптации ребенка в замещающей семье обусловлена несколькими ключевыми факторами:

Дети, которые только попали в замещающую семью на начальном этапе испытывают сильный стресс, из-за этого они нуждаются в более длительном периоде адаптации. Данный период особенно наполнен различными конфликтными ситуациями, которые влияют на психологическое и физическое состояние ребёнка и дальнейшую интеграцию в замещающую семью.

Особенности развития ребёнка при возникновении конфликтных ситуаций. Конфликты между приемными родителями и ребенком могут негативно сказаться на эмоциональном состоянии ребёнка и его

поведении, приводят к различным проблемам, таким как тревожность, повышенный уровень стресса, расстройство поведения и другие. [1]

Значимость изучения данной темы для социальной работы и конфликтологии может дать понимание причин и механизмов возникновения конфликтных ситуаций, что поможет специалистам разработать более эффективные методы взаимодействия и поддержки на этапе сопровождения замещающей семьи, а исследование конфликтов позволяет создать комплексную систему психосоциальной поддержки и профилактики семейных кризисов.

Проблемой детско-родительских конфликтов занимались Р.В. Бортов, М.В. Быкова, Ю.Б. Гиппенрейтер, И.А. Логинова, Л.Г. Матвеева, О.В. Переломова, О.Е. Смирнова и др. Ученые отводят особую роль раннему опыту воспитания ребенка в конкретной культурной среде, семейным традициям и эмоциональному аспекту отношений родителей к ребенку.

В психологической науке нет конкретного определения к понятию детско-родительские конфликты, но изучая различные подходы к исследованию данной темы можно вывести следующее, что детско-родительские конфликты — это столкновение и возникновение противоречий в отношениях между ребенком и родителем, которые проявляются в виде эмоционального напряжения и противоположных ожиданий от каждой стороны конфликта. [3]

Детско-родительские конфликты рассматриваются в психологии в качестве одной из наиболее распространенных категорий конфликтов. Они присутствуют даже в благополучных семьях и основываются чаще всего на противоречиях, возникающих между родителями и их детьми.

В психологии принято выделять несколько типов детско-родительских конфликтов, в частности И.Н. Гамаюнова классифицируются следующие из них:

- конфликт, связанный с неустойчивостью родительского отношения, который основывается на постоянном изменении родителями критериев оценивания ребенка;
- конфликт, связанный с чрезмерной заботой, который предполагает чрезмерную опеку и высокие ожидания со стороны родителей по отношению к ребенку;
- конфликт, основанный на отсутствии со стороны родителей уважения прав на самостоятельность ребенка, в основе которого лежат тотальные указания и контроль;
- конфликт «отцовского авторитета», который заключается в желании добиться своего любой ценой. [4]

Принимая ребёнка в семью, родители не всегда задумываются о трудностях, с которыми могут столкнуться в процессе адаптации ребенка

в новую семью. Основной целью замещающей семьи является обеспечение базовых потребностей и интересов ребенка.

С какими конфликтными проблемами сталкиваются замещающие семьи:

- трудности периода адаптации приемного ребенка в замещающей семье;
- возрастные особенности поведения приемного ребенка;
- ожидание/реальность замещающей семьи;
- проблемы взаимоотношений с членами замещающей семьи.

Адаптация — это психологически сложный процесс для ребенка, поскольку новая семья, обстановка и правила могут приводить к постоянному стресс и, как следствие, к конфликтам на фоне проявления протестного характера ребенка как защитной реакции на окружающую среду.

Психологи выделяют несколько стадий при адаптации ребенка в условиях замещающей семьи.

1) Первая стадия - знакомство.

Родители уделяют особенно много внимания ребенку, он в свою очередь получает удовольствие от своего нового положения.

2) Вторая стадия - “выпускание коготков”

Ребёнок анализирует предпочтения родителей и членов семьи. Ребёнок ищет способы как привлечь на себя внимание и по привычке прибегает к способам из прошлого. Старые привычки родители воспринимают с опаской и негативом. Д

3) Третья стадия - привыкание

Дети начинают свободно обсуждать свои проблемы и не ощущают напряжение. Ребенок уже лучше влился в семью и ведёт себя как кровный член семьи, активно принимает участие в жизни семьи. [2]

Следующая проблема, с которой сталкиваются замещающие семьи — это возрастные особенности.

Кризисы возрастного развития являются самым трудным переходом в процессе формирования детско-родительских отношений, а в замещающей семье переживать данные кризисы в разы сложнее. Возрастные особенности поведения приемных детей сильно варьируются в зависимости от их возраста, травматического опыта и условий адаптации в новой семье.

Таким образом, педагогические и психологические подходы к воспитанию и адаптации приемных детей должны учитывать их возрастные особенности, травматический опыт и индивидуальные потребности, чтобы обеспечить их успешную социализацию и развитие.

Также, существует такая проблема как несоответствие ожиданий реальности, существуют такие причины, как:

1) Приемные родители не всегда готовы принять приемных детей такими, какие они есть.

2) Выставляют возвышенные или нереальные требования к ребенку, не принимая во внимание его прошлое.

3) Приемные родители ожидают очень быстрого установления теплых, крепких отношений с приемным ребенком.

4) В начале процесса, когда проходит период периода взаимной идеализации и стремления сблизиться. [5]

На практике все гораздо сложнее. Приёмный ребёнок зачастую имеет травму от негативного прошлого опыта, на этой почве у него возникают смешанные чувства: радость и тревога. Родители могут ощущать разочарование из-за того, что ребенок не соответствует их ожиданиям, а период первичной адаптации проходит сложнее, чем они предполагали. при воспитании родители прибегают к более жёстким способам воспитания, попытки подчинить ребенка, использование манипулятивных приемов (если не будешь меня слушаться отвезу обратно в детский дом).

При появлении приемного ребенка все члены замещающей семьи испытывают эмоциональные трудности в период адаптации. Приемные дети переносят свои старые обиды из прошлого на приемных родителей, могут возникать конфликты с сёстрами и братьями из-за борьбы за внимание от родителей.

Литература:

1. Профилактика и урегулирование детско-родительских конфликтов при споровождении замещающих семей [Электронный ресурс] // Вестник науки. 2024. №5 (74). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-predposylki-primeneniya-vosstanovitelnogo-podhoda-dlya-profilaktiki-i-uregulirovaniya-detsko-roditelskih-konfliktov> (дата обращения: 12.11.2025).

2. Алексушина И. В., Ослон В. Н. Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. М.: генезис, 2006. 368 с. ISBN 5-98563-055-2 // ЖИСП. 2009. №2 [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oslon-v-n-zhizneustroystvo-detey-sirot-professionalnaya-zameschayuschaya-semya-m-genezis-2006-368-s-isbn-5-98563-055-2> (дата обращения: 12.11.2025).

3. Стукачёва Т. А. Возможности восстановительных программ в разрешении конфликтов в замещающих семьях [Электронный ресурс] // Развитие территорий. 2018. №3 (13). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-vosstanovitelnyh-programm>

v-razreshenii-konfliktov-v-zameschayuschih-semyah (дата обращения: 12.11.2025).

4. Кажарская О. Н., Королёва С. В. Проблема психопрофилактики семейных детско-родительских конфликтов [Электронный ресурс] // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2021. №8 (58). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-psihoprofilaktiki-semeynyh-detsko-roditelskih-konfliktov> (дата обращения: 12.11.2025).

5. Поставнева И. В., Поставнев В. М. Типичные ожидания приемных детей и адаптационные ресурсы приемного ребенка [Электронный ресурс] // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2013. №3 (25). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipichnye-ozhidaniya-priemnyh-roditeley-i-adaptatsionnye-resursy-priemnogo-rebenka> (дата обращения: 17.11.2025).

ВИДЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ КОНФЛИКТЕ

О. А. Журавлева

Новосибирский государственный технический университет,

г. Новосибирск, zhuravlva_2004@inbox.ru

Научный руководитель: Ярышева А. А., к.псих.н.,

доцент кафедры СРСА

Статья посвящена анализу литературы по проблеме манипулятивного воздействия в ходе межличностного конфликта. Отражены причины использования манипуляций, их виды и рекомендации по защите от манипулятивного влияния.

The article is devoted to the analysis of literature on the problem of manipulative influence in the course of interpersonal conflict. The reasons for the use of manipulations, their types and recommendations for protection from manipulative influence are reflected.

В условиях современного общества, характеризующегося высокой динамикой социальных связей, ростом неопределенности и интенсивностью межличностных коммуникаций, манипулятивное поведение приобретает все более масштабный характер. Повышение психологической грамотности населения, стимулированное активностью психологов-просветителей в цифровой среде, привело к формированию своеобразного «диалектического эффекта». С одной стороны, оно способствует росту осведомленности о манипулятивных техниках и

развитию навыков психологической самозащиты. С другой стороны, доступность знаний создает предпосылки для возникновения осознанных манипуляций, когда индивид, владея терминологией и понимая механизмы воздействия на психику, начинает применять их целенаправленно, оказывая давление открыто или маскируя свои действия под психологически грамотную коммуникацию. Данный феномен приводит к изначально неравномерному распределению сил не только между сторонами конфликта, но и между участниками межличностных отношений в целом. Манипулятивное поведение выступает одним из ключевых факторов деструкции отношений, приводя к росту психологического неблагополучия, эмоциональному выгоранию, формированию токсичных паттернов общения в семьях, кругах общения, профессиональных коллективах. Именно по этим причинам понимание и анализ механизмов манипулятивного поведения в межличностном конфликте необходимы для прогнозирования и профилактики деструктивных социальных последствий.

В психологической литературе манипуляция понимается как попытка негативного воздействия на чужую психику, принуждение, перенимание контроля, действие с разрушительными намерениями в отношении интересов другого человека или группы людей. Довольно часто психологи при описании данного понятия отмечают скрытый характер манипуляций, как один из ключевых факторов. Известный психолог Битянова М. Р. интерпретирует манипуляцию как довольно распространенную форму общения, предполагающую желание воздействовать на партнера, чтобы достичь своих истинных скрытых намерений [1]. При этом она отмечает, что манипулятор ставит цель добиться контроля над оппонентом, его поведением и мыслями, скрывая свои действия, либо подменяя свою цель на более благородную. Данная работа рассматривает манипуляцию как неявное воздействие на психику другого человека, направленное на совершение им действий, выгодных манипулятору.

Попробуем разобраться в причинах манипулятивного поведения в межличностном конфликте. В условиях нарастающего напряжения, при открытом столкновении с чужой точкой зрения, неуверенный в себе человек чувствует страх из-за потери контроля над ситуацией и пытается взять все в свои руки с помощью манипуляции. Это позволяет ему остаться в выигрыше и с чувством безопасности, не применяя никаких силовых мер и не получая мгновенный негативный ответ. Эрик Берн в своей книге «Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры» описывал манипуляции, как игры, к которым люди прибегают для ощущения своей безопасности и избегания открытого столкновения:

«Игры – это всегда порочный круг. Они ведут к повторяющимся результатам, причем не самым лучшим. Однако люди играют в них именно потому, что они помогают структурировать время и избегать настоящей близости, которая кажется им опасной» [2, с. 55]. Часто человек использует манипуляцию из-за недоверия к собственным силам и недоверия к окружающим. Он полагает, что с помощью манипуляций сможет контролировать чужое поведение и даже заставлять делать что-то в пользу самому себе. Еще одной причиной является страх потери собственной идентичности. Манипуляторы склонны видеть себя и всех остальных людей как объекты воздействия. В их понимании миром правят сильнейшие, и в любом конфликте побеждает не тот, кто привел больше аргументов, а тот, кто раньше смог что-то предпринять и найти обходной путь. Манипуляция в межличностном конфликте возникает в тот момент, когда одна из сторон понимает, что не может открыто переиграть другую, а полностью ее подавить не представляется возможным.

Говоря о причинах, нельзя не разобрать классификации манипуляторов, которые выделяют психологи. Американский психолог Эверетт Л. Шостром в своей работе «Человек-манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации» подробно рассмотрела различные тактики манипуляций и разделила их на семь отдельных видов, которые используются в межличностном конфликте:

1. Диктатор (преувеличивает свою силу, доминирует и командует).
2. Тряпка (преувеличивает свою сладость, зачастую является жертвой Диктатора, пассивен в поведении).
3. Хулиган (преувеличивает свою агрессивность и жестокость, прибегает к угрозам).
4. Калькулятор (обманывает, просчитывает действия оппонента, анализирует).
5. Прилипала (играет роль добряка, хочет понравиться).
6. Судья (преувеличивает свою критичность, мстителен и склонен не доверять).
7. Защитник (прикрывается благими намерениями, решает за других под видом поддержки).

Каждому типу манипулятора Эверетт Шостром противопоставляет соответствующий тип актуализатора – человека, который воспринимает все искренне и считает свои действия осознанными. Описывая данную классификацию, она объясняет: «Манипулятор – это многогранная личность, которая выступает в разных ролях, надевая различные маски. В основе этих масок лежит фундаментальное нежелание быть человеком, то есть актуализирующейся личностью» [3].

Американский психолог Джордж К. Саймон в своей работе «Манипулятор в овечьей шкуре (как не стать жертвой его уловок)» рассматривает манипуляцию как способ проявить агрессию в скрытой форме [4]. Он подробно описывает манипулятивные тактики, которые применяются в межличностном конфликте. Таким образом, он выделяет пять основных видов манипуляций:

1. Газлайтинг.

Манипулятор искажает реальность и пытается заставить своего оппонента считать, что у него проблемы с памятью, интеллектом или восприятием реальности. «Я такого не говорил» - особенно яркий пример того, что говорит подобный манипулятор. Целью данной тактики является искажение восприятия собеседника, его полное подчинение и доверие. Жертва в этом случае начинает путаться в своих воспоминаниях, обвиняет себя и отдает контроль за своим поведением в руки манипулятору, как «единственному человеку, который мыслит здраво». Главная особенность данной манипуляции в том, что она долговременная и систематическая.

2. Отказ от сотрудничества

Манипулятор усердно делает вид, что не слышит или не понимает просьбу оппонента. Он может кивать, создавать вид активного и понимающего слушателя, но на деле ничего не выполняет. Данная тактика используется в конфликте с целью вывести собеседника на эмоции или взвалить все на себя. Часто она применяется в момент, когда он говорит о своих чувствах и просит манипулятора прислушаться к нему или изменить что-либо в своем поведении.

3. Проекция

Манипулятор, использующий эту стратегию, склонен отражать собственные недостатки на собеседника. В ответ на любые обвинения он всегда возвращает их оппоненту и выставляет жертвой себя. Таким образом, он атакует в ответ и одновременно с этим снимает с себя ответственность. Цель данной манипуляции – заставить обвинителя отвлечься от своих претензий и начать защищаться.

4. Игра на чувстве долга и вины

Это одна из самых распространенных и эффективных тактик. Манипулятор применяет ее в тот момент, когда понимает, что ситуация разворачивается не в его пользу. Он начинает использовать слабые места своего собеседника и эксплуатирует чужую эмпатию и совесть, чтобы заставить его ощутить вину или давление «долга». Часто он преподносит все хорошее, что делал в отношении оппонента, под видом «жертвенности» и тем самым заставляет его чувствовать себя обязанным. Жертва делает все, чтобы перестать чувствовать это давление. Поэтому

цель данной стратегии – заставить человека действовать в пользу манипулятора, забывая о своих желаниях.

5. Избирательное невнимание

В этом случае манипулятор игнорирует слова и действия своего собеседника и делает вид, будто его не существует. Он может заниматься своими делами, отвлекаться на других людей или же отвечать очень избирательно, оставляя без внимания часть того, что было сказано. Иногда он может использовать данную манипуляцию в более скрытой форме и просто старается переключать внимание на другую тему, чтобы не отвечать на заданные вопросы. Целью избирательного невнимания является попытка показать незначительность собеседника и его чувств.

В своих записях Джордж Саймон решительно отвергает старую модель, которая часто оправдывала манипуляторов в силу их низкой самооценки, страха потери контроля над ситуацией и неуверенности в себе. Он старается донести, что люди, применяющие описанные тактики – действительно расчетливые, хитрые и безжалостные манипуляторы, полностью осознающие свои действия. Манипуляция в его понимании – это скрытое оружие против самых сильных человеческих качеств. И их использование, в особенности, в ходе конфликта, уже признак того, что манипулятор не готов к компромиссу. Точка зрения психолога радикальна, но она во многом раскрывает истинные мотивы и ощущения людей, прибегающих к манипуляциям.

На основе описанных тактик Джордж Саймон описывает конкретные меры защиты от манипуляций. В своей книге он указывает пять основных способов:

1. Изучить своего противника и его тактики.

Это непростая задача, но именно ее выполнение позволит остаться в выигрыше в споре с манипулятором. Необходимо тщательно следить за его поведением, чтобы распознать техники, которые он использует. На это понадобится много времени, в особенности, если человек, использующий манипуляции, в длительных и близких отношениях с жертвой.

2. Разобраться в своих убеждениях и ценностях

Осознание собственных желаний и ценностей позволяет глубже разобраться в себе и научиться отличать собственные чувства от навязанных извне. Это снижает риск стать удобной жертвой для манипулятора.

3. Не принимать решения под давлением времени

Чаще всего трудно сразу уловить манипуляцию в словах или действиях собеседника, в особенности, когда он требует немедленного решения или ответа. Не стоит позволять руководить собой и куда более

правильным решением будет отложить данный вопрос и дать себе время все переосмыслить. Манипулятору гораздо проще оказывать давление в условиях ограниченного времени.

4. Задавать уточняющие вопросы и просить объяснений

Как правило, в случае неожиданных вопросов и уточнений манипулятор начинает теряться и нервничать, не имея заранее заготовленных ответов. Решительная позиция может заставить его отступить.

5. Ставить себя на первое место

Проще всего огордить себя от манипуляций путем осознания ценности собственных интересов и границ. Не стоит бояться выражать свое мнение и говорить людям «нет». Для каждого человека, в первую очередь, важнее всего должны быть его собственные потребности и чувства.

Таким образом, в рамках проведенного исследования были рассмотрены психологические причины использования манипуляций в межличностных конфликтах, выявлена основная проблема, объясняющая поведение людей, прибегающих к использованию манипулятивных тактик, и были рассмотрены методические рекомендации по защите от их влияния в ходе конфликта. На данный момент манипулятивное воздействие признается самым эффективным методом влияния на человеческую психику. Оно используется в самых различных сферах и, к сожалению, в корыстных целях. Именно поэтому данная проблема с каждым годом становится все актуальнее. Применение указанных мер защиты от манипуляций не только может способствовать эффективному взаимодействию, но и поможет снизить уровень конфликтного потенциала на данной почве, укрепляя взаимное доверие между партнерами в дальнейшем.

Литература:

1. Битянова М. Р. Социальная психология [Электронный ресурс]. - URL: [https://psychlib.ru/mgppu/Bsp-2001/Bsp-576.htm?ysclid=mi95ngb5dk636719400#\\$p1](https://psychlib.ru/mgppu/Bsp-2001/Bsp-576.htm?ysclid=mi95ngb5dk636719400#$p1) (дата обращения: 13.11.2025).
2. Эрик Берн. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. — СПб: Издательство «Мидгард», 2007. — С. 55.
3. Ковалева У.К., Прусова В.И., Жидкова М.А. Манипуляция vs диалог. Темные стороны партнерской коммуникации [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-vs-dialog-temnye-storony-partnerskoy-kommunikatsii> (дата обращения: 16.11.2025).
4. Джордж Саймон. Манипулятор в овечьей шкуре (как не стать жертвой его уловок) [Электронный ресурс]. - URL:

<https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/psihologiya/393596-dzhordzh-sajmon-manipulyator-v-ovechej-shkure-kak-ne-stat-zhertvoj-ego-ulovok-litres.html> (дата обращения: 19.11.2025).

ОБЩЕДОМОВЫЕ ГРУППЫ КАК ИНСТРУМЕНТ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СОСЕДСКИХ КОНФЛИКТОВ

Т. С. Завадина

**Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, zavadinatyana@mail.ru
Научный руководитель: Баженова Т. В., ст.преп.**

Статья посвящена исследованию роли общедомовых чатов в решении или возникновении соседских конфликтов. На основе анкетирования модераторов установлено, что такие чаты способствуют конструктивной коммуникации и выполняют функцию локальной самоорганизации жильцов.

This article examines the role of community chats in resolving or igniting neighborhood conflicts. Based on a survey of moderators, it was found that such chats facilitate constructive communication and serve as a means of local self-organization for residents.

Интернет-коммуникация – важная часть современного общества, охватывающая все сферы жизнедеятельности человека. Байкулова А. Н. и Кормилицына М. А. в своей статье рассматривают групповые чаты как особый вид речевой деятельности отличающийся мультимедийностью и специфической этикой общения. Выделяется что первоначально такие чаты служили средством компенсаторного общения – способом неформального взаимодействия и ухода от одиночества. Постепенно, виртуальные площадки и чаты стали использоваться не только для досуга, но и для решения организационных и бытовых вопросов, что особенно ярко проявилось в практике общедомовых чатов.

Общедомовые чаты – способ взаимодействия между собственниками, пользователями помещений и управляющими многоквартирными домами. Они создаются жителями самостоятельно, и чаще всего они находятся в таких мессенджерах как Telegram и WhatsApp. В подобных чатах обсуждаются публикация объявлений или срочной информации, поиск потерянных вещей и отслеживание проблем, связанных с управлением домом. Для стабильной работы общедомового чата создаются и закрепляются правила коммуникации, чаще всего запрещается нецензурная лексика и угрозы. Но даже при наличии четко закреплённых правил не всегда получается избежать конфликт. Чаше

всего они урегулируются путем диалога, иногда – в досудебном порядке. К примеру, за любые высказывания, содержащие оскорбления в сообществах, включая общедомовые чаты, в соответствии со статьей 5.61 КоАП РФ может быть наложен штраф в размере от 3 до 5 тысяч рублей.

Для того, чтобы минимизировать риск возникновения подобных ситуаций и поддерживать конструктивное общение в чатах важную роль играют модераторы. Модераторы чатов – это люди, которые управляют коммуникацией на цифровых платформах. Администратором или модератором общедомовых чатов чаще всего являются либо управляющая компания дома, либо инициативный житель. Чаты, модерлируемые управляющей компанией, отличаются большей формальностью и информативностью, тогда как в чатах с модератором-жителем чаще ведутся обсуждения на отвлеченные темы. Модератор чата обладает рядом полномочий, направленных на поддержание конструктивной коммуникации среди жильцов и собственников квартир. Часто он имеет право удалять провокационные, оскорбительные и запрещенные правилами чата сообщения, блокировать участников, а также временно ограничивать их активность. При возникновении конфликтных ситуаций в чате модератор может вмешиваться в обсуждение и пытаться перенаправить диалог в конструктивное русло.

Проблема исследования состоит в недостаточной изученности общедомовых чатов, как инструмента локальной самоорганизации граждан. Несмотря на широкое распространение мессенджеров и онлайн-сообществ, механизмы их воздействия на коммуникацию среди соседей остаются слабо описанными.

Цель заключается в выявлении особенностей функционирования общедомовых чатов и оценке их влияния на характер соседских взаимодействий, включая конфликтные ситуации.

Объектом исследования являются общедомовые чаты как форма цифровой коммуникации между жителями многоквартирных домов.

Предмет исследования – роль и эффективность этих чатов в предупреждении и урегулировании конфликтов между соседями.

В рамках исследования роли общедомовых чатов в урегулировании конфликтов между соседями было проведено исследование. Проведено анкетирование среди 41 респондента - модератора общедомовых чатов из различных районов города Новосибирска. Все респонденты ответили на 15 вопросов опросника, посвященного эффективности общедомовых чатов в урегулировании соседских конфликтов.

Первые 2 вопроса, были направлены на то, чтобы понять сколько квартир охватывает общедомовой чат и сколько активных участников в нем состоит. 23 респондента указали что в их чате состоит более 70

квартир, однако количество активных участников в каждом из них отличается. Более 50 активно принимающих участие в обсуждении людей состоит только в 14 из 40 чатов. Нижний порог, то есть менее 20 активных участников состоит в 17 чатах. Сами чаты в основном, существуют от 1 до 3-х лет, либо более 3-х.

Инициаторами создания таких чатов чаще всего выступают жильцы, реже – представители управляющих компаний или ТСЖ. В 21 чате доступ открыт только для собственников жилья, однако в отдельных домах к обсуждениям допускаются и арендаторы.

19 опрошенных отметили наличие правил общения, которые закрепляются в сообщении или отдельном документе. Реже эти правила существуют в неформальном виде. 6 респондентов ответили, что правил в их общедомовом чате нет.

В вопросе «Какие полномочия имеет администратор/модератор?» можно было выбрать несколько вариантов ответа. 26 респондентов отметили, что имеют полномочия удалять сообщения и блокировать участников. Шестеро отметили, что могут только предупреждать и просить прекратить спор.

Ситуации открытого конфликта отмечались в чатах почти всех респондентов, однако большинство указали что они случаются редко. 17 из 40 сообщили, что вмешиваться для прекращения споров им приходится не чаще одного раза в несколько месяцев, 16 – примерно раз в месяц. Наиболее распространенными поводами для конфликтов являются бытовые вопросы (шум, парковка, ремонт) и коммунальные проблемы. Лишь один из респондентов отметил только личные разногласия как причину конфликтов в общедомовом чате.

Динамика разрешения конфликтов преимущественно мирная. 19 модераторов отметили, что споры чаще всего утихают без формального решения, один – что в таких случаях применяется блокировка участников и удаление сообщений.

На вопрос о том, чему способствуют общедомовые чаты основываясь на опыте респондентов, 16 отметили, что чат помогает в урегулировании конфликтов, 23 модератора оценивают его влияние как нейтральное. Двое респондентов отметили, что общедомовой чат способствует обострению конфликтов. Общая оценка полезности чатов оказалась положительной: 17 участников опроса охарактеризовали их как «скорее полезные», 10 как «очень полезные».

Последний вопрос опросника был связан с тем, что по мнению модераторов нужно предпринять, чтобы конфликтов в общедомовом чате стало меньше. 21 респондент считает, что ничего менять не нужно.

8 модераторов предложили закрепить более четкие правила общения, еще 8 – ограничить обсуждение бытовыми и коммунальными темами.

Изучая результаты проведенного исследования среди модераторов общедомовых чатов, можно сформулировать следующие выводы:

- Общедомовые чаты являются устойчивой формой взаимодействия жильцов.

- Большинство конфликтов носят бытовой характер и разрешаются мирным путем.

- Общедомовые чаты воспринимаются как преимущественно полезный инструмент коммуникации.

Большинство проанализированных чатов, охватывают значительное количество квартир и имеют длительный срок существования. Это свидетельствует о том, что такие сообщества не являются временными инициативами, а закрепляются в структуре взаимодействия жильцов. Однако, участие жильцов в чатах сложно охарактеризовать как активное, что может создать проблемы со своевременным реагированием на возникающие в доме проблемы.

Тенденция самоорганизации подчеркивается тем, что в основном инициаторами создания таких чатов являются сами жильцы. Почти во всех случаях чаты имеют формализованные правила общения, закрепленные в сообщениях или документах, что подчеркивает осознание необходимости внутреннего регулирования и предотвращения конфликтов.

Хотя почти все респонденты подтвердили наличие случаев открытых конфликтов между соседями, такие ситуации возникают редко. Природа этих конфликтов в основном бытовая, но также затрагивает вопросы коммунальных услуг и отношений с управляющей компанией. В большинстве случаев споры разрешаются самопроизвольно, что говорит о развитии у жильцов навыков саморегуляции и конструктивного взаимодействия. По данным опроса, очень редко конфликт переносится в офлайн среду.

Оценка общей эффективности демонстрирует преимущественно положительное восприятие чатов. Часть участников анкетирования полагает, что текущая система чата работает оптимально и не требует изменений.

Таким образом, результаты исследования позволяют заключить, что общедомовые чаты представляют собой эффективный механизм коммуникации, который способствует самоорганизации жильцов и укрепляет социальную организацию внутри общества. Общедомовые чаты способствуют формированию устойчивых социальных связей между соседями. Роль домового чата как инструмента урегулирования

конфликтов реализуется через сочетание четко установленных правил, активной позиции модератора и сформированной культурой взаимного уважения в сообществе. При сохранении этих условий чаты не только снижают уровень конфликтности, но и становятся важным элементом повседневного социального взаимодействия.

Литература:

1. Абагеро Д. Д. Социальные механизмы включения индивида в коммуникативное пространство города [Электронный ресурс] // Социодинамика. 2020. № 2. С. 35–45. - URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32264 (дата обращения: 23.11.2025).
2. Байкулова А. Н., Кормилицына М. А. Позитивная деловая коммуникация: средства гармонизации общения в групповых коммерческих чатах [Электронный ресурс] // СибСкрипт. 2023. №4 (98). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitivnaya-delovaya-kommunikatsiya-sredstva-garmonizatsii-obscheniya-v-gruppovyh-kommercheskih-chatah> (дата обращения: 01.10.2025).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 декабря 2001 года N 195-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант Плюс. - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.10.2025).
4. Тулиганова Ирина Валерьевна Коммуникативное пространство города: вызовы и ответы современности [Электронный ресурс] // Манускрипт. 2021. №7. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnoe-prostranstvo-goroda-vyzovy-i-otvety-sovremennosti> (дата обращения: 01.10.2025).

СПОСОБЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕСТРУКТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ПОВЕДЕНИЯ В СУПРУЖЕСКИХ КОНФЛИКТАХ

В. А. Зеленова

Новосибирский государственный технический университет,

г. Новосибирск, varia.zelenova@yandex.ru

Научный руководитель: Ярышева А. А., к.псх.и.

Статья представляет собой теоретический обзор на проблему применения деструктивных стратегий поведения в супружеских конфликтах. Описаны способы решения проблем у супружеских пар, для профилактики конфликтов.

This article presents a theoretical review of the use of destructive behavioral strategies in marital conflicts. It describes methods for resolving the problem for married couples and preventing conflicts.

Семья является основополагающим институтом общества и источником психологической поддержки и эмоциональной стабильности для личности. Тем не менее, современные супружеские отношения существуют в условиях высокой социальной и экономической нестабильности, что непременно влияет на возникновение или обострение конфликтов. Конфликт сам по себе естественный элемент, побуждающий развитие отношений, способность перехода на новый уровень близости. Проблема возникает, когда супруги начинают часто применять негативные модели поведения, превращающих разговор в спор, а совместную жизнь – в постоянный источник напряжения. Без эффективных способов разрешения конфликтов, деструктивное поведение угрожает отношениям.

Исследование направленно на решение проблемы, связанную с тем, что, несмотря на широкое распространение деструктивных моделей поведения в супружеских конфликтах и их последствий, отсутствуют эффективные и доступные профилактические способы для самостоятельного применения.

На основе изученных теоретических исследований были определены три главные проблемы, которые делают профилактику деструктивных моделей поведения необходимой.

Американский психолог Дж. Готтман в своих трудах убедительно доказал, причиной разрушения отношений является не интенсивность споров, а повторяющиеся паттерны взаимодействия, названные им «четырьмя всадниками Апокалипсиса»: критика, презрение, защита и уход от проблем [1]. Эти модели поведения не только мешают разрешить спор, но и создают «багаж» негатива, приводят к эмоциональной дистанции, утрате доверия и разрушению близости. Продолжительное существование в такой атмосфере ведет к «эмоциональному разводу», когда супруги фактически остаются вместе, но при этом имеют эмоциональную дистанцию друг от друга.

Пары заключают брак, не имея базовых навыков рационального общения. Вместо этого они применяют модели, которые приобрели из родительских семей, или руководствуются распространенными культурными представлениями, например, идеей о том, что любящий человек должен предвидеть все потребности.

Предметом исследования являются превентивные психологические и педагогические методы для проведения их в семейных отношениях.

Достигнутый уровень научной разработки проблемы включает в себя комплексные исследования, которые направлены на коррекцию или решение уже устоявшихся конфликтов.

Первым способом для профилактики деструктивных стратегия поведения в супружеских конфликтах можно предложить уже упомянутую выше концепцию Дж. Готтмана «Четыре всадника Апокалипсиса»: критика, презрение, защитная реакция и игнорирования. Эта идея ориентирована на предупреждение, так как выполняет функцию диагностической карты, давая возможность парам распознать определенные паттерны в их взаимоотношениях. Поняв и осознав перечисленных «всадников», пара способна заменить их конструктивными альтернативами: критику – на деликатное начало разговора, презрение – безусловное уважение, защиту – на признание ответственности, а игнорирование – на согласованное время для самоуспокоения. Следовательно, концепция является своеобразным практическим инструментом, который перенаправляет конфликт из разрушительного хаоса в контролируемый процесс.

Вторым способом является модель ненасильственного общения (ННО) Маршала Розенберга, которая дополняет способ «всадники апокалипсиса» [2]. Она направлена на использование языка эмпатии и ответственности, и содержит четыре компонента: наблюдение (изложением ситуации без оценки и критики), чувство (выражение своих эмоций устно в связи с ситуацией), потребность (указание на свои глубинные потребности, скрывающиеся за чувствами) и просьба (конкретное действие, нацеленное на удовлетворение потребностей). Главным инструментом ненасильственного общения выступает «Я-высказывание», сосредоточенное на личном опыте, а не на претензии к партнеру (например, «Я чувствую... мне важно... я бы хотел(а)...»). Модель ННО обучает партнеров проявлять негативные эмоции без вторжения, открытому слушанию без оборонительной позиции и понимать истинные нужды партнера, скрывающиеся за конфликтом. Это трансформирует противоборства в совместный поиск решения, которое принесет удовлетворение обоим.

И наконец, третий способ для профилактики – теория эмоционального интеллекта Даниэля Гоулмана [3]. Она определяет эмоциональный интеллект как возможность распознавать, понимать и управлять на эмоции окружающих людей. В него входят такие компоненты как самосознание, эмпатия, мотивация и социальные навыки. Развитие эмоционального интеллекта дает способность улавливать эмоциональные состояния, что в свою очередь, позволяет своевременно остановиться, чтобы не допустить ранивших высказываний.

Посредством эмпатического понимания чувств другого, конфликт может быть трансформирован в конструктивное взаимодействие, нацеленное на консенсус. Следовательно, эмоциональный интеллект способствует минимизации импульсивного эмоционального поведения, а также формированию фундамента для прочных и здоровых отношений.

Анализ приведенных концепций показывают высокий уровень и целостную систему научной разработки проблемы профилактики супружеских конфликтов. Вышеприведенные способы не противоречат, а дополняют друг друга, создавая комплексный процесс.

Исследование предоставило возможность создать комплексную модель проактивной профилактики. Суть новизны состоит в акценте на превентивность, так как эта модель предназначена для использования на ранних этапах взаимоотношений и до эскалации конфликта, что обеспечивает укрепление союза заблаговременно. Совокупность подобранных способов имеет выраженный практико-ориентированный характер и состоит из инструментов, что позволяет супругам самостоятельно выполнять данную практику без обязательного участия специалиста.

Разработанная модель имеет практическое применение в следующих сферах: сфера практического консультирования и психотерапии, в образовательной и в сфере саморазвития.

Таким образом, освещая проблему деструктивных моделей поведения в супружеских конфликтах, оценивается степень ее изученности и предлагается модель для ее предотвращения. Чтобы предотвратить деструктивное поведение, важно активно создавать культуру общения, где стабильно присутствует эмоционально грамотное согласованное поведение. Для укрепления супружеских отношений и минимизации риска распада отношений, вызванного деструктивным взаимоотношением, предлагается модель, основанная на установках, навыках и ресурсах отношений.

Литература:

1. Кривошапова-Дёмина М. Джон Готтман. 7 принципов счастливого брака, или Эмоциональный интеллект в любви [Электронный ресурс]. – URL: <https://knizhnik.org/dzhon-gottman/sem-principiov-schastlivogo-braka-ili-emocziionalnyj-intellekt-v-ljubvi/1> (дата обращения: 20.11.2025).
2. Крылова А. С., Андреева И. Н. Ненасильственное общение как эффективный способ взаимодействия с окружающими [Электронный ресурс] // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2023. №2. - URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/nenasilstvennoe-obschenie-kak-effektivnyy-sposob-vzaimodeystviya-s-okruzhayuschimi> (дата обращения: 20.11.2025)

3. Александрова Н. П. К вопросу о сущности понятия «Эмоциональный интеллект» [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2009. №1. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suschnosti-ponyatiya-emotsionalnyy-intellekt> (дата обращения: 20.11.2025)/

ДИАГНОСТИКА ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ В СФЕРЕ ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ

В. В. Земляникина

**Новосибирский государственный технический университет
г. Новосибирск**

Научный руководитель: Мозговая Т.П. ст. преп. кафедры СР СА

Актуальность исследования обусловлена проблемой низкой эффективности трудоустройства выпускников вузов из-за недостаточной координации между субъектами этого процесса. Цель статьи — проанализировать взаимодействие между вузами, работодателями, государством и общественными институтами в сфере трудоустройства выпускников. Результаты показали фрагментарность взаимодействия, разрыв между образовательными программами и потребностями рынка труда, слабую вовлеченность малого и среднего бизнеса.

The relevance of this study stems from the issue of low employment efficiency among university graduates, caused by insufficient coordination among the key stakeholders involved in the process. The article aims to analyze the interaction between universities, employers, the state, and public institutions in the field of graduate employment. The results revealed fragmented interaction, a disconnect between educational programs and labor market needs, and weak involvement of small and medium-sized businesses.

Проблема трудоустройства выпускников высших учебных заведений остается одной из наиболее острых социально-экономических проблем в современной России. Как показывают данные, лишь около 60% выпускников находят работу по специальности в течение первого года после окончания вуза, при этом работодатели отмечают несоответствие их подготовки реальным требованиям рынка труда. В основе данной проблемы лежит не столько отсутствие инструментов содействия занятости, сколько низкая эффективность взаимодействия между ключевыми субъектами этого процесса: вузами, работодателями,

государственными структурами и общественными организациями. Целью настоящего исследования является диагностика данной проблемы, выявление ее системных компонентов и определение приоритетных направлений для научного поиска и практических решений.

Методология исследования:

Метод исследования: Системный анализ, основным инструментом которого выступил анализ документов.

Цель исследования: Проведение анализа взаимодействия между вузами, работодателями, государством и общественными институтами в сфере содействия трудоустройству выпускников.

Объект исследования: Нормативно-правовые акты направленные на содействие трудоустройства между организациями и вузами.

Предмет исследования: Взаимодействие и координация между ключевыми субъектами процесса трудоустройства выпускников (вузами, работодателями, государственными структурами и общественными институтами), его эффективность и системные барьеры.

1. Характеристика проблемы

Сущность: низкая эффективность взаимодействия субъектов, ведущая к несоответствию подготовки выпускников требованиям рынка, длительным срокам поиска работы и росту молодежной безработицы.

Объектная область: проблема проявляется в сфере высшего образования (слабая связь вузов с работодателями), деятельности центров карьеры, социальной работе с молодежью и региональной политике.

Степень проявленности: проблема является «открытой» и широко признанной на государственном, академическом и бизнес-уровнях, что подтверждается ее обсуждением в стратегических документах и экспертном сообществе.

Абсолютная и относительная величина: абсолютно проблема выражается в уровне молодежной безработицы (~12%), относительно - в том, что 40% выпускников не трудоустраиваются по специальности, что влечет значительные социально-экономические издержки.

Основным методом исследования выступил анализ документов. В рамках данного анализа были изучены:

1. Нормативно-правовые акты и государственные программы, регулирующие сферу занятости и образования: Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», национальный проект «Демография» (федеральный проект «Содействие занятости»), региональные программы содействия трудоустройству.

2. Данные официального мониторинга трудоустройства выпускников, предоставляемые Министерством науки и высшего образования РФ и порталом «Мониторинг трудоустройства выпускников» (МИСС).

3. Профессиональные стандарты по наиболее популярным среди выпускников направлениям подготовки и образовательные программы (учебные планы, рабочие программы дисциплин) нескольких крупных региональных вузов.

4. Аналитические отчеты и публикации кадровых агентств (например, HH.ru) и экспертных сообществ, посвященные проблемам адаптации молодых специалистов.

Для сравнительного анализа были сформулированы критерии:

1. Наличие и четкость механизмов координации между вузами, работодателями и государством.

2. Степень интеграции требований профессиональных стандартов в содержание образовательных программ.

3. Доступность и актуальность информации о потребностях рынка труда для студентов и выпускников.

В ходе анализа были выявлены как взаимосвязи, так и системные различия. Взаимосвязь прослеживается в декларируемых целях документов — все они направлены на повышение эффективности трудоустройства. Однако ключевое различие заключается в их инструментарии и фокусе:

Во-первых, государственные программы носят преимущественно общественно-социальный характер и недостаточно учитывают специфику отраслевых потребностей.

Во-вторых, образовательные программы вузов демонстрируют слабую ориентацию на практические компетенции, закрепленные в профессиональных стандартах.

В-третьих, данные мониторинга трудоустройства фиксируют результат (процент трудоустроенных), но не анализируют причины несоответствия подготовки выпускников, что ограничивает их полезность для корректировки образовательного процесса.

1. Анализ проблемного поля и существующих решений

Проведенный анализ позволяет констатировать реальное наличие проблемы, подтверждаемое статистическими показателями: уровнем трудоустройства (в среднем 60%), средним сроком поиска работы (4-6 месяцев) и значительным разрывом в зарплатных ожиданиях и реальности. Динамика за последние пять лет демонстрирует чувствительность ситуации к внешним шокам (пандемия 2020 г., санкционное давление 2022 г.), что подчеркивает нестабильность существующих механизмов адаптации.

В предметном поле социальной работы проблема трудоустройства рассматривается шире, чем просто экономический показатель.

Она включает задачи социальной интеграции, поддержки уязвимых групп (выпускники-сироты, лица с ОВЗ), преодоления институциональных и территориальных барьеров. Это требует развития социального партнерства и адресных программ сопровождения.

Анализ позволяет зафиксировать сегменты, где взаимодействие субъектов уже имеет позитивные прецеденты. К ним относятся государственные программы (например, «Содействие занятости» в рамках нацпроекта «Демография»), система целевого обучения и корпоративных стажировок с крупными компаниями («Газпром», «Сбербанк»), деятельность вузовских центров карьеры и цифровых HR-платформ. Однако эти успешные кейсы носят часто локальный или отраслевой характер и не решают проблему системно.

2. Ключевые проблемные компоненты и направления исследования. Анализ проблемной ситуации позволяет выстроить иерархию ключевых проблемных компонентов:

Во-первых, системный разрыв между образовательным процессом и потребностями рынка труда. Образовательные программы не успевают за динамикой профессиональных требований, сохраняется перекос в сторону теоретической подготовки.

Во-вторых, отсутствие действенных механизмов координации между субъектами. Взаимодействие между вузами, бизнесом и государством носит фрагментарный и несистемный характер, особенно в регионах.

В-третьих, низкая вовлеченность малого и среднего бизнеса (МСП) в процессы трудоустройства из-за отсутствия стимулов, ресурсов и информационных барьеров.

К второстепенным, но значимым аспектам относятся недостаточная информированность студентов, слабое использование цифровых инструментов и региональные диспропорции.

Таким образом, основное направление исследовательского поиска должно быть сфокусировано не на изучении уже известных сегментов, а на выявлении механизмов преодоления указанных системных противоречий. Приоритетными задачами являются:

Во-первых, исследование моделей интеграции профессиональных стандартов в образовательные программы.

Во-вторых, разработка эффективных моделей координации (включая межведомственное взаимодействие и создание платформ для диалога).

В-третьих, поиск методов стимулирования и вовлечения малого и среднего предпринимательства в процесс подготовки и трудоустройства выпускников.

Таким образом, проведенный анализ подтверждает, что проблема трудоустройства выпускников вузов носит системный характер, и ее решение лежит не в создании новых разрозненных инструментов, а в налаживании эффективного, устойчивого взаимодействия между всеми субъектами. Ключевыми барьерами являются разрыв между образованием и рынком труда, отсутствие координации и низкая вовлеченность МСП. Перспективы дальнейшего исследования связаны с поиском институциональных механизмов и моделей, способных преодолеть данные фундаментальные противоречия. Практическая реализация таких моделей позволит не только повысить процент трудоустройства, но и обеспечить более качественную профессиональную адаптацию выпускников, способствуя тем самым снижению социальной напряженности и устойчивому экономическому развитию.

Литература:

1. МИСС. Мониторинг трудоустройства [Электронный ресурс]. - URL: <https://miccedu.ru/static/monitoring-trudoustroystva.html> (дата обращения: 28.11.2025).
2. НН.ru. Как найти работу мечты: советы от экспертов [Электронный ресурс]. - URL: <https://novosibirsk.hh.ru/article/31759> (дата обращения: 28.11.2025).
3. НН.ru. Топ-10 ошибок при поиске работы [Электронный ресурс]. - URL: <https://novosibirsk.hh.ru/article/30582> (дата обращения: 28.11.2025).
4. Молуч. Проблемы и перспективы внедрения тренинговых технологий в образовательный процесс [Электронный ресурс]. - URL: <https://moluch.ru/archive/352/78929/> (дата обращения: 28.11.2025).
5. Звезда. Тренинговые технологии в обучении: опыт и практика. [Электронный ресурс]. - URL: <https://hvzvezda.ru/archives/25055> (дата обращения: 28.11.2025).

АНАЛИЗ ЦИФРОВОГО СЛЕДА КАК СТРАТЕГИЯ ПРОФИЛАКТИКИ КОНФЛИКТОВ В ОРГАНИЗАЦИИ

С. С. Изарова

Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, izrova@yandex.ru

Научный руководитель: Мельникова М.С., ст.преп. каф. СРСА

В статье исследуется потенциал анализа цифрового следа кандидата как инструмента предупреждения конфликтов в организационных коллективах. Описаны основные виды цифрового следа, его компоненты, роль в HR-практиках, а также риски и этические ограничения. На основе анализа теоретических положений и эмпирических примеров предложена поэтапная стратегия внедрения технологий цифровой аналитики с целью снижения вероятности возникновения межличностных и межгрупповых конфликтов. Практические рекомендации ориентированы на HR-специалистов и менеджеров по персоналу.

The article explores the potential of digital footprint analysis as a tool for preventing conflicts in organizational teams. It describes types and components of digital footprints, their role in HR practices, as well as risks and ethical constraints. Based on theoretical analysis and practical examples, a stepwise strategy for implementing digital analytics technologies is proposed to reduce the likelihood of interpersonal and intergroup conflicts. Practical recommendations target HR professionals and personnel managers.

Современная кадровая среда характеризуется высокой динамичностью, цифровой трансформацией и усложнением межличностных коммуникаций. Конфликт в трудовом коллективе выступает индикатором несоответствия между ценностями сотрудников и корпоративными нормами, а также отражает недостатки в процессе подбора и адаптации персонала [3]. В условиях цифровизации становится возможным использовать новые источники данных, среди которых особое место занимает цифровой след сотрудника.

Цифровой след включает информацию, оставляемую пользователем в сети, как намеренно, так и автоматически. Он состоит из активного следа (публикации, комментарии, профессиональные профили), пассивного следа (технические данные, cookie, метаданные) и коммуникативного компонента, отражающего стиль общения, реакцию на критику и способы ведения диалога [2]. Именно коммуникативная составляющая позволяет прогнозировать поведенческие особенности и потенциальную склонность к конфликтам внутри коллектива.

HR-практика всё активнее использует анализ цифрового следа как инструмент принятия решений. Согласно данным исследований, более 60% работодателей в России проверяют социальные сети кандидатов

перед трудоустройством [1]. Изучение цифрового следа помогает выявить уровень профессиональной вовлечённости, культурную совместимость, коммуникативные особенности и склонность к конструктивному или деструктивному взаимодействию. Например, регулярная агрессивная риторика, открытые конфликты в сети, участие в токсичных дискуссиях могут свидетельствовать о рисках возникновения напряжённости в коллективе [7].

Несмотря на значительный потенциал цифровой аналитики, существует ряд этических и правовых ограничений. Неправомерный сбор данных, нарушение частной жизни, неверная интерпретация контента или алгоритмическая предвзятость могут привести к дискриминации кандидатов [5]. Поэтому внедрение анализа цифрового следа требует соблюдения принципов прозрачности, информированного согласия и соразмерности. Кандидат должен понимать, какие данные анализируются и с какой целью.

Анализ цифрового следа является эффективным инструментом профилактики организационных конфликтов. Во-первых, он позволяет выявлять несовпадение ценностных ориентаций кандидата и корпоративной культуры, что является частой причиной межличностных противоречий [7]. Во-вторых, цифровые данные помогают распознать признаки деструктивного поведения: систематическое участие в конфликтных обсуждениях, негативизм, отсутствие способности к конструктивной критике. В-третьих, они дают основания для оценки эмоциональной устойчивости, стрессоустойчивости и способности кандидата к саморегуляции — качеств, определяющих успешность в командной работе.

Эффективное внедрение анализа цифрового следа требует поэтапного подхода. На первом этапе разрабатываются внутренние регламенты использования цифровых данных, где фиксируются цели, источники и границы анализа. Второй этап предполагает формирование стандартизированных критериев оценки цифрового следа, включающих профессиональные, коммуникативные и поведенческие показатели. На третьем этапе внедряются технологические решения: алгоритмы машинного обучения, специализированные платформы обработки больших данных, позволяющие автоматически анализировать большие объёмы разнородной информации [4]. Завершающим этапом является обучение HR-специалистов корректной интерпретации данных и настройка системы мониторинга эффективности.

Применение цифровой аналитики открывает перспективы перехода к проактивному управлению конфликтами. Компании могут прогнозировать риски задолго до их проявления, что способствует

снижению текучести кадров, формированию устойчивых рабочих групп и поддержанию благоприятного социально-психологического климата. Вместе с тем существуют риски: ложные корреляции, чрезмерное вмешательство в частную цифровую активность сотрудников, снижение доверия и формирование так называемого «эффекта самоконтроля», когда кандидаты искусственно ограничивают своё присутствие в сети, что снижает информативность анализа.

Таким образом, анализ цифрового следа является значимым инструментом профилактики конфликтов и повышения качества управления персоналом. Он должен использоваться в сочетании с традиционными методами оценки и психологической диагностики, что обеспечивает комплексный подход к формированию гармоничных и продуктивных коллективов. Баланс между технологическими возможностями и этическими принципами является ключевым условием успешного внедрения цифровой аналитики в HR-процессы.

Литература:

1. Большинство работодателей проверяют соцсети кандидатов // Журнал «Зарплата». – 2023.
2. Валеева Г. В. Цифровой след и цифровая тень в контексте цифрового образования // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2023. – № 4. – С. 60–61.
3. Галиуллина Г. И., Губайдуллина Р. Т. Организационные конфликты: теоретические аспекты их выявления // Скиф. – 2019. – № 4. – С. 165–168.
4. Низаева С. Р. Цифровые следы. Виды, перспективы использования // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 4.
5. Фурсов А. Л. Использование Big Data в отборе персонала // Вестник современных исследований. – 2018. – № 9.4(24). – С. 314–316.
6. Шамсутдинова Т. М. Когнитивная модель траектории электронного обучения на основе цифрового следа // Открытое образование. – 2020. – № 2. – С. 48–49.
7. Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство. – СПб.: Питер, 2002.

ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ, ВОЗНИКАЮЩИМИ С УЧАСТИЕМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ФЕМИНИСТСКИХ ДВИЖЕНИЙ

Э. О. Ильина

Новосибирский государственный технический университет,

г. Новосибирск, evelinailina656@gmail.com

Научный руководитель: Жданова И. В., к.ф.н., доцент

В статье рассматриваются особенности управления конфликтами, возникающими с участием представителей феминистских движений. Рассмотрены основные причины и формы конфликтов, а также методы и технологии их разрешения. Особое внимание уделено анализу эмпирических данных, полученных в ходе исследования публикаций российских СМИ за последние пять лет, в которых отражается активность феминистских движений.

The article examines the specifics of conflict management involving representatives of feminist movements. It analyzes the main causes and forms of such conflicts, as well as the technologies and methods used to resolve them. Particular attention is paid to the empirical analysis of Russian media publications over the past five years, which reflect the activity of feminist movements.

Современное общество характеризуется активным развитием социальных движений, отстаивающих ценности равенства, справедливости и прав человека. Одним из наиболее заметных направлений стала деятельность феминистских движений, которые на протяжении десятилетий борются за устранение дискриминации и достижение реального равноправия полов [1]. Однако наряду с положительными изменениями в социальной структуре общества, деятельность феминистских организаций часто становится источником общественных и политических конфликтов. Эти конфликты возникают как между сторонниками и противниками феминизма, так и внутри самих движений, где наблюдаются разногласия относительно стратегий и методов борьбы. Актуальность изучения технологий управления подобными конфликтами обусловлена необходимостью выработки эффективных подходов, способных минимизировать социальную напряженность и способствовать развитию диалога между различными общественными группами.

В теоретическом плане феминизм представляет собой сложное многосоставное явление, объединяющее различные течения и идеологические направления — от либерального и социалистического до радикального и интерсекционального [2,3]. Каждое из них по-своему

интерпретирует причины неравенства и пути его преодоления. Для одних феминизм — это прежде всего правовая и политическая борьба за равные возможности, для других — революционная трансформация культурных и социальных структур [4,5]. Многообразие подходов формирует внутри движения высокий уровень идейного разнообразия, что, в свою очередь, делает возможным возникновение внутренних конфликтов.

В рамках проведённого эмпирического исследования были проанализированы десять публикаций в российских средствах массовой информации, в которых освещалась деятельность феминистских движений. Анализ показал, что 60% случаев (6 из 10) были связаны с организацией митингов и пикетов, направленных на защиту репродуктивных прав женщин и противодействие насилию. Остальные акции носили форму инсталляций, контр-рекламы и художественных перформансов. Подобные формы активности свидетельствуют о стремлении феминистских движений воздействовать на общественное мнение через визуальные и символические средства коммуникации, используя искусство и публичное пространство как инструменты выражения гражданской позиции.

Содержательный анализ лозунгов и высказываний, сопровождавших акции, показал, что ключевые темы, затрагиваемые активистками, — это защита права на аборт, борьба против домашнего и сексуального насилия, а также противостояние патриархальным структурам власти. Примером может служить акция челябинских феминисток «Зато не аборт», где с помощью визуальной инсталляции активистки привлекли внимание к опасности запрета абортот. Подобные формы протеста не только демонстрируют позицию движения, но и служат способом выражения социального несогласия, формой коммуникации между активистами и обществом.

Особенностью феминистских конфликтов является их двойственная природа. С одной стороны, они направлены против внешних структур — государства, традиционных институтов, СМИ. С другой стороны, внутри самих феминистских движений также возникают споры о формах и границах протеста, о допустимости радикальных лозунгов и методов. Это указывает на то, что управление конфликтами в данной сфере требует комплексного подхода, сочетающего диалог, просвещение и институциональные меры.

С точки зрения конфликтологии, управление конфликтами с участием феминистских движений предполагает использование профилактических и превентивных технологий. К первым относятся информационные кампании, направленные на просвещение населения по вопросам гендерного равенства и прав женщин. Превентивные

технологии включают медиацию, переговорные практики и развитие общественных форумов, где представители власти и гражданского общества могут обсуждать спорные вопросы. Постконфликтные технологии ориентированы на восстановление доверия между сторонами и предупреждение повторного обострения противостояния [6].

Что касается направленности действий на разрешение или эскалацию конфликта, результаты неоднозначны. Такие методы, как сбор подписей или согласованные пикеты, можно расценивать как попытки инициировать диалог и добиться изменений законными методами. В то же время несанкционированные митинги и провокационные перформансы в большей степени направлены на эскалацию конфликта с целью привлечения максимального внимания к проблеме.

Основным оппонентом в данных конфликтах феминистские движения видят органы государственной власти, что обусловлено их требованием законодательных изменений. Роль управления этими конфликтами со стороны государства часто сводится к силовому подавлению несанкционированных акций или их игнорированию, что не способствует конструктивному разрешению противоречий.

Эффективное управление подобными конфликтами требует комплексного подхода. Со стороны государственных структур необходим переход от тактики игнорирования или силового подавления к стратегии диалога и медиации.

Со стороны самих феминистских движений для повышения эффективности их деятельности целесообразно сочетать протестные акции с конструктивной работой: разработкой конкретных законодательных инициатив и просвещением.

Результаты исследования показывают, что большинство феминистских движений в России выбирают ненасильственные и публично-ориентированные формы воздействия, стремясь к конструктивному диалогу. Несмотря на случаи давления и ограничений, активистки продолжают развивать сеть горизонтальных связей, опираясь на поддержку в социальных сетях и международные контакты. Феминистские организации вырабатывают собственные стратегии управления конфликтами — от юридической поддержки пострадавших до проведения кампаний против дискриминационных законопроектов. Это свидетельствует о постепенном формировании гражданского поля взаимодействия, где конфликт становится не разрушительным, а трансформирующим фактором общественного развития.

В целом, анализ деятельности феминистских движений показывает, что конфликты, возникающие на этой почве, являются неотъемлемой частью процесса социальной модернизации. Эффективное управление

ими требует не подавления, а включения всех заинтересованных сторон в процесс обсуждения и выработки решений. В этом контексте важно развивать институциональные механизмы поддержки диалога — экспертные площадки, общественные советы и независимые медиа, способные служить посредниками между активистами и властью. Только на основе взаимного уважения и правового равенства возможно достижение устойчивого консенсуса в вопросах гендерной политики [7].

Таким образом, исследование технологий управления конфликтами с участием представителей феминистских движений позволяет сделать вывод о необходимости перехода от модели конфронтации к модели сотрудничества. Феминистские движения выступают не только инициаторами изменений, но и важными субъектами общественного диалога, способствующими развитию демократических институтов и утверждению принципов равенства в современном обществе.

Литература:

1. Клименкова Т. А. Феминизм [Электронный ресурс] // Словари. — URL: <https://rus-gender-terms.slovaronline.com/566-Феминизм> (дата обращения: 28.11.2025).

2. Муслумова Т. В. Феминизм: истоки, этапы развития и основные направления [Электронный ресурс] // Вестник Шадринского государственного педагогического университета 2015. - №5. — С. 112 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/feminizm-istoki-etapy-razvitiya-i-osnovnye-napravleniya> (дата обращения: 27.11.2025).

3. Беспанская-Павленко Е. Д. Феминология [Электронный ресурс]: учеб.-метод. пособие / Е. Д. Беспанская-Павленко. — Минск: БГУ, 2013.

4. РФО "ОНА". Теория: либеральный феминизм [Электронный ресурс] // РФО "ОНА" 2021. — URL: <https://ona.org.ru/post/650815913245999104/liberal-feminism-theory> (дата обращения: 25.11.2025).

5. Муравьева М. Радикальный феминизм и конфликты [Электронный ресурс] // Социдиггер 2022. — URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/radikalnyi-feminizm-i-konflikty> (дата обращения: 20.11.2025).

6. Управление персоналом организации: учебник / под ред. А. Я. Кибанова. М., 2008. С. 531-536.

7. Армен А. С. Феминистская интерпретация марксизма: к вопросу об особенностях феминистской субкультуры [Электронный ресурс] // Культура и цивилизация 2018. - №2. — С. 5 — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/feministskaya-interpretatsiya-marksizma-k-voprosu-ob-osobennostyah-feministskoy-subkultury> (дата обращения: 28.11.2025).

КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОГРАНИЧНОГО РАССТРОЙСТВА ЛИЧНОСТИ В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

А. Е. Кайруллина

Новосибирский государственный технический университет,

г. Новосибирск, veroyatnovv@gmail.com

Научный руководитель: Можейкина Л. Б.

В статье рассматривается специфика клинической картины в отношении людей, обладающих признаками пограничного расстройства личности. Изучен социальный портрет, с которым взаимодействуют специалисты в сфере психиатрии. Раскрывается сущность ПРЛ и выявляется конфликтный потенциал рассматриваемого диагноза при построении коммуникаций больным. В результате оценки ответов респондентов, принявших участие в опросе, выявлены позиции человека с ПРЛ и определены факторы развития его конфликтного потенциала.

The article examines the specifics of the clinical picture in relation to people with signs of borderline personality disorder. The social portrait with which specialists in the field of psychiatry interact has been studied. The essence of PRL is revealed and the conflict potential of the diagnosis under consideration is revealed when building patient communications. As a result of evaluating the responses of respondents who took part in the survey, the positions of a person with PDL were identified and the factors of the development of his conflict potential were determined.

Пограничное расстройство личности (ПРЛ) относится к эмоционально неустойчивым расстройствам и характеризуется импульсивностью, быстрой сменой настроения и выраженными трудностями в межличностном взаимодействии. По данным современных исследований, признаки ПРЛ имеют от 2,7 до 5,9 % населения, при этом лишь небольшая часть пациентов получает медикаментозную и психотерапевтическую помощь. Высокая распространённость самоповреждающего поведения, наличие вторичных психических отклонений и наркологических диагнозов усиливают риск деструктивного поведения и формирования конфликтных ситуаций.

В международных диагностических классификациях ПРЛ описывается как эмоционально неустойчивое расстройство, тесно связанное с отсутствием стабильной самоидентификации. Пациенты испытывают хроническое чувство внутренней пустоты, страх одиночества и выраженную потребность в интенсивной коммуникации, которая нередко завершается конфликтами. Защитные механизмы, возникающие в ответ на психотравмирующие раздражители,

закрепляются в поведении и становятся основой дисфункционального реагирования. Нарушения самооощущения, непоследовательность в поведении и повышенная чувствительность к эмоциональным триггерам формируют высокий уровень напряжённости во взаимодействии с окружающими.

Для выявления особенностей конфликтного поведения у людей с ПРЛ было проведено анкетирование среди 17 респондентов с подтверждённым диагнозом. Большинство участников – женщины, что соответствует клиническим наблюдениям о более высокой обращаемости среди женской аудитории. Ответы респондентов отражают характерную для ПРЛ частоту столкновений: значительная часть участников признала, что вступает в конфликты часто или очень часто, при этом многие видят причину конфликтов во внешних обстоятельствах или действиях другого человека. Эмоциональная реактивность проявляется в затруднениях управления гневом, раздражением и в обидчивости при восприятии критики. Более половины респондентов связывают собственное конфликтное поведение с недостаточным контролем эмоций и импульсивностью.

Поведенческие реакции пациентов с ПРЛ в конфликтных ситуациях отличаются выраженной интенсивностью: большинство отмечают стремление кричать, использовать оскорбления, а в отдельных случаях – прибегать к физической агрессии. При этом наблюдается двухполярная модель реагирования: часть стремится «победить» в споре, а другая часть – избежать конфликта полностью. Для многих респондентов характерны трудности в поддержании длительных отношений и высокий уровень эмоциональной напряжённости в общении с близким окружением.

В ходе опроса некоторые участники отметили, что прохождение терапии помогло лучше понимать собственные эмоции, распознавать повторяющиеся модели поведения и снижать частоту конфликтов. Однако многие не считают терапию по-настоящему эффективной, что связано с устойчивостью внутренней системы убеждений, особенностями ценностной структуры и закреплёнными защитными механизмами.

Анализ полученных данных позволяет говорить о том, что конфликтный потенциал при ПРЛ обусловлен не только эмоциональной нестабильностью, но и когнитивными особенностями личности. Для людей с ПРЛ характерно восприятие конфликта как столкновения систем ценностей, а не как решения конкретного разногласия. Нередко они склонны к обесцениванию позиции другой стороны, трудности принятия ответственности за собственные эмоции и действия, а также к использованию нездоровых форм эгоцентризма, в рамках которых

собственная точка зрения рассматривается как единственно верная. Всё это приводит к усилению напряжённости и развитию агрессивных форм коммуникации.

Обобщая итоги исследования, можно отметить, что конфликтное поведение пациентов с ПРЛ связано с импульсивностью, эмоциональной неустойчивостью, нарушениями самоидентификации и особенностями ценностной структуры личности. Конфликты преимущественно возникают в бытовой и межличностной сферах, часто сопровождаются агрессивными проявлениями и трудностью принятия альтернативной точки зрения. Различные исследования показывают, что признаками пограничного расстройства личности (ПРЛ) обладают 2,7-5,9 % населения мира. Из общего числа диагностированных больных лишь 10 % получают медикаментозную помощь [2, с. 27]. В других исследованиях указано, что среди пациентов психиатрических учреждений большая часть – женщины. Однако это не означает, что ПРЛ характерно преимущественно женщинам. Гендерный состав пациентов с ПРЛ лишь характеризует, что женщины чаще склонны распознать в себе проблему и призвать ее, а также обратиться за помощью к специалисту [4, с. 66]. При этом исследования также показывают, что в 75 % случаев среди людей, страдающих ПРЛ, наблюдается самоповреждающее поведение, что объясняет рекордную частоту суицидального поведения среди пациентов с ПРЛ [2, с. 28]. Снижение конфликтного потенциала возможно при комплексной психокоррекционной работе, направленной не только на эмоциональную регуляцию, но и на реконструкцию когнитивных установок, развитие культурного интеллекта и формирование навыков межличностного взаимодействия. Такой подход позволяет расширить представление пациентов о социальном контексте, повысить способность к саморефлексии и снизить вероятность возникновения деструктивных конфликтов

Литература:

1. Классификация и диагностика психических заболеваний DSM–5–TR [Электронный ресурс] // MSD Manuals. - URL: <https://clck.ru/3A27aC> (дата обращения: 11.04.2024).
2. Ласовская Т.Ю., Яичников С.В., Сахно В.Е., Лябах Н.Г. Пограничное расстройство личности и нанесение татуировок // *Journal of Siberian Medical Sciences*. 2013. №3. С. 27–29.
3. Линехан М.М. Руководство по тренингу навыков при терапии пограничного расстройства личности: пер. с англ. – СПб.: ООО «Диалектика», 2020. – 336 с.

4. Петрова Н.Н., Чарная Д.И., Чумаков Е.М. Пограничное расстройство личности: к вопросу о диагнозе // Доктор.Ру. 2022. №8. С. 66–71.

**ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ, СПОСОБСТВУЮЩИХ
УСПЕШНОЙ АДАПТАЦИИ ВОСПИТАННИКОВ
И ВЫПУСКНИКОВ ЦЕНТРОВ ПОМОЩИ ДЕТЯМ,
ОСТАВИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ
(НА ПРИМЕРЕ Г.НОВОСИБИРСКА)**

Т. А. Кадочникова, А. П. Шевченко

**Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, taaati2610@mail.ru**

Научный руководитель: Котельникова Е.А., к.соц.н., ст.преп.

Статья посвящена исследованию вопросов социальной адаптации воспитанников и выпускников центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей. Обозначены ключевые навыки, способствующие социальной адаптации лиц с опытом социального сиротства. Представлены результаты сравнительного анализа пяти реализованных социальных проектов, направленных на формирование навыков, необходимых для успешной адаптации к новым и постоянно меняющимся условиям жизни.

The article is devoted to the study of the issues of social adaptation of pupils and graduates of centers for helping children left without parental care. Key skills are identified that contribute to the social adaptation of persons with experience of social orphanhood. The results of a comparative analysis of five implemented social projects aimed at developing the skills necessary for successful adaptation to new and constantly changing living conditions are presented.

Исследование проблем социальной адаптации лиц, имеющих опыт социального сиротства, не теряет своей актуальности. Понятие «социальная адаптация» закреплено в ст. 24 Федерального закона от 23.06.2016 №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», и представляет собой комплекс мероприятий, направленных на оказание лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, содействия в реализации их конституционных прав и свобод, а также помощи в трудовом и бытовом устройстве [1]. Безусловно, социальная адаптация воспитанников и выпускников государственных учреждений имеет свои особенности, что обусловлено остротой и масштабами стоящих перед ними проблем – чаще они оказываются неподготовленными к взрослой жизни и зачастую не способны самостоятельно решать возникающие жизненные задачи.

В настоящее время в Новосибирске насчитывается 2 900 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Работают 3 центра помощи детям, оставшимся без попечения родителей: «Созвездие», «Теплый дом», «Жемчужина». Раньше таких учреждений было девять и число проживающих в них детей достигало одной тысячи человек. Сейчас в центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей, проживает 135 ребят [2]. Приобретая статус выпускника учреждения интернатного типа, лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, неизбежно сталкиваются с рядом проблем. Оценка проблемной ситуации, вариант(-ы) ее решения во многом определяются стилем поведения человека в стрессовой ситуации и характером имеющихся в его распоряжении ресурсов [3]. Успешность социальной адаптации воспитанников и выпускников центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей, зависит от сформированности у них навыков, необходимых для самостоятельной жизни: навыки самообслуживания, навыки ведения быта, экономические навыки (в т.ч. финансовая грамотность), коммуникативные навыки (межличностное общение, формирование социальных связей), знание правовых и культурных норм, социально-трудовые навыки. В свою очередь, своевременность создания условий для формирования и развития этих навыков – задача не только самих центров, но и общества, в т.ч. в лице общественных организаций. Одним из таких инструментов является реализация учреждениями и организациями проектной деятельности. За период с 2020 по 2025 гг. в г.Новосибирске было реализовано 5 проектов, направленных на формирование навыков, необходимых для успешной адаптации к новым и постоянно меняющимся условиям жизни:

1. Проект «Дать шанс» (МКУ Центр «Теплый Дом» совместно с Благотворительным фондом памяти им. Володи Женова). Проект направлен на социальную и профессиональную адаптацию подростков (14–18 лет) из центра «Теплый дом» и замещающих семей, а также выпускников-сирот (18–23 лет). Основная цель — создание мастерских допрофессиональной подготовки («Автодело», «IT-Мастерская», «Кулинарное дело», «Юный медик») для подготовки к самостоятельной жизни и интеграции в общество [4].

2. Проект «Клуб поддержки выпускников «Формула успеха» (Служба постинтернатного сопровождения МКУ Центр «Тёплый дом»). Проект направлен на выпускников детских домов 16–23 лет. Проект направлен на комплексную поддержку выпускников в адаптации к самостоятельной жизни через обучающие занятия, индивидуальное консультирование и социальное сопровождение [5].

3. Проект «Социальная гостиница» (МКУ Центр «Тёплый дом») – стационарный проект, предоставляющий временное жилье и комплексное сопровождение выпускникам из числа детей-сирот 18–23 лет, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Проект направлен на преодоление кризиса и формирование навыков самостоятельной жизни [6].

4. Проект «Наставничество» (ДБФ «Солнечный город»). Проект направлен на решение проблемы социальной изоляции и недостаточной подготовки к самостоятельной жизни, воспитывающихся в детских домах. Основная цель проекта — создание системы индивидуального сопровождения подростков-сирот через привлечение подготовленных волонтеров-наставников, которые становятся для детей старшими друзьями и проводниками во взрослую жизнь [7].

5. Проект «Центры для подростков «Тут поймут»» (ДБФ «Солнечный город»). Проект представляет собой сеть центров психологической поддержки и социальной адаптации для подростков, находящихся в кризисной ситуации. Основная цель — создание безопасных пространств, где подростки могут получить профессиональную помощь и поддержку в решении психологических, социальных и эмоциональных проблем [9].

Цель нашего исследования – описание опыта формирования навыков, способствующих успешной адаптации воспитанников и выпускников центров помощи детям, оставшихся без попечения родителей, путем сравнительного анализа реализованных социальных проектов. Сравнительный анализ проектов осуществлялся по 6 критериям: актуальность, соответствие цели и задач проекта, реалистичность, комплексность, результативность, масштабируемость.

Критерий №1: Актуальность. Все представленные проекты актуальны, поскольку они формируют непрерывную и комплексную систему поддержки лиц с опытом социального сиротства. Их ключевая цель — решить проблему неподготовленности к самостоятельной жизни после выхода из учреждения или замещающей семьи.

Критерий №2: Соответствие цели и задач проекта. Представленные в проектах задачи полностью соответствуют целям, что подтверждается в том числе достижением конкретных качественных и количественных результатов.

Критерий №3: Реалистичность. Все обозначенные проекты имеют высокий уровень реалистичности, который достигается в т.ч. на основе крепких партнерских отношений, поддержке органов власти и грантодателей. К примеру, для реализации проекта «Дать шанс» были сформированы прочные связи с колледжами и госучреждениями, что

помогло команде проекта реализовать все запланированные мероприятия.

Критерий №4: Комплексность. Каждый из проектов направлен на формирование и развитие у лиц с опытом сиротства разных навыков, создавая целостную систему поддержки на всех этапах взросления. Социальная гостиница и клуб «Формула успеха» обеспечивают бытовую и правовую адаптацию выпускников, в то время как мастерские проекта «Дать шанс» формируют профессиональные навыки у 76 подростков через 4 направления подготовки. В рамках проекта «Тут поймут» оказали психологическую помощь 3762 подросткам, развивая их эмоциональный интеллект, а программа наставничества создает индивидуальную поддержку через личное общение, развивая коммуникативные навыки. Такой подход охватывает абсолютно все ключевые направления развития - от практических бытовых компетенций и профессионального самоопределения до психологической устойчивости и социальной интеграции, что свидетельствует о реализации комплексного подхода. Взаимодополняемость проектов позволяет последовательно сопровождать лиц с опытом сиротства от 14 до 23 лет, обеспечивая плавный переход к самостоятельной жизни через формирование всех необходимых жизненных навыков.

Критерий №5: Результативность. Проекты комплексно развивают навыки, необходимые для успешной самостоятельной жизни. В рамках проекта «Дать шанс» 76 подростков получили допрофессиональные навыки в 4 мастерских в 2023 г. Центры «Тут поймут» оказали психологическую помощь и развили коммуникативные навыки у 3762 подростков в 2024 году. Параллельно проекты «Социальная гостиница» и «Формула успеха» формируют бытовые и правовые компетенции через обучение ведению хозяйства и правовой грамотности, формирование социальных связей, а программы наставничества способствуют социальной адаптации. Благодаря проектам достигается комплексный охват всех ключевых аспектов подготовки к взрослой жизни — от профессионального самоопределения до бытовой адаптации и психологической устойчивости.

Критерий № 6: Масштабируемость. Проекты демонстрируют высокий потенциал масштабируемости, подтвержденный практическими результатами и официальным признанием. К примеру, модель центров «Тут поймут» может быть рекомендована к тиражированию в других регионах для применения специалистами универсальной методики.

Сравнительный анализ проектов, направленных на формирование и развитие навыков, способствующих успешной социальной адаптации выпускников позволил сделать следующие выводы:

1. В городе сформировалась разветвленная система поддержки воспитанников и выпускников центров, где каждый проект занимает свою важную нишу и решает специфические задачи.

2. Большинство проектов реализуются на основе межсекторного и межведомственного взаимодействия. Наиболее успешны проекты, сочетающие в себе практическую направленность с устойчивой организационной структурой, ориентированной на своевременный ответ на запросы воспитанников и выпускников центров, в том числе через формирование у них навыков самостоятельной жизни.

3. Для дальнейшего развития системы сопровождения выпускников целесообразно создать механизмы интеграции между специализированными проектами, обеспечить преемственность поддержки на разных возрастных этапах и разработать единую систему мониторинга результатов. Опыт города Новосибирска демонстрирует эффективность сочетания муниципальных ресурсов и инициатив НКО, что может служить моделью для других регионов России.

Литература:

1. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ (последняя ред. от 08.08.2024) «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации «Кодекс» – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420361608> (дата обращения: 12.11.2025).

2. В Новосибирске создан кризисный центр «Остаться в семье»: [Электронный ресурс] // Администрация города Новосибирска – URL: <https://novo-sibirsk.ru/news/447238/> (дата обращения: 13.11.2025).

3. Старикова Е.А. Представления выпускников Центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей, о системе социального сопровождения в Новосибирске // Теория и практика общественного развития. 2022. № 12. С. 93–105. <https://doi.org/10.24158/tpor.2022.12.14>.

4. Проектная деятельность [Электронный ресурс] // Теплый Дом. – URL: <https://teplyidomnsk.ru/proektnaya-deyatelnost-1> (дата обращения: 26.11.2025).

5. Клуб поддержки выпускников «Формула успеха» [Электронный ресурс] // Теплый Дом. – URL: <https://teplyidomnsk.ru/klub-podderzhki-vypusknikov-formula-uspeha> (дата обращения: 26.11.2025).

6. Социальная гостиница [Электронный ресурс] // Теплый Дом. – URL: <https://teplyidomnsk.ru/socialnaya-gostinica> (дата обращения: 19.11.2025).

7. Наставничество: [Электронный ресурс] / Благотворительный фонд «Солнечный город». – URL: <https://sgdeti.ru/projects/resocialization/mentoring/> (дата обращения: 26.11.2025).

8. Центры для подростков «Тут поймут»: [Электронный ресурс] / Благотворительный фонд «Солнечный город». – URL: <https://sgdeti.ru/projects/prevention/tsentry-dlya-podrostkov-tut-poymut/> (дата обращения: 26.11.2025).

ВЛИЯНИЕ ОНЛАЙН ТЕСТИРОВАНИЙ НА ВНУТРЕННИЙ КОНФЛИКТ ПОДРОСТКОВ

Е. О. Комаркова

**Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, ekaterinakomarkova@mail.ru**

Научный руководитель: Ярышева А. А., к.псих.н.

Статья представляет собой теоретический обзор на проблему влияния онлайн тестирований в сети Интернет на внутриличностный конфликт подростков. Описаны варианты решения проблемы подростков, находящихся под влиянием результатов психологических онлайн-тестирований.

This article presents a theoretical review of the impact of online psychological experiments on adolescents' intrapersonal conflicts. Solutions to the problem of adolescents under the influence of psychological experiments are described.

В эпоху цифровизации, развитые технологии оказывают влияние на все сферы общественной жизни. Технологии и цифровые сети имеют большое значение для большинства групп людей: они не только открывают новые возможности для роста, меняют скорость развития человека, но и создают новые вызовы и угрозы.

Одной из самых уязвимых и чувствительных групп населения являются подростки. Вступая в подростковый возраст, границы которого до сих пор являются дискуссионными и относительными, подростки подвергаются значительному влиянию. Мы можем охарактеризовать этот возраст как период онтогенеза от 10-11 до 15 лет, соответствующий началу перехода от детства к юности [1]. Влияние подросткового возраста охватывает все сферы жизни: начиная от внутриличностных изменений и проблем и заканчивая социальным окружением.

В этом возрасте подростки являются особенно чувствительными к внешним воздействиям. Подростковый возраст характеризуется отделением ребенка от родителей, когда главными влиятельными

фигурами для него становятся друзья-сверстники, а в эпоху технологий, и Интернет.

Интернет, являясь всемирной сетью и содержа единицы информации, форумов и сайтов, которыми может пользоваться подросток, является не самой безопасной площадкой. Согласно социологическому исследованию, посвященному влиянию деструктивной информационной среды на детей и подростков за 2022 год, 36% опрошенных подростков признают опасность онлайн-среды [2].

Одной из набирающих популярность ветвей Интернета являются сайты, на которых размещены разнообразные психологические тесты. Психологические тесты, проводящиеся через специальные онлайн-платформы, можно охарактеризовать как психологические эксперименты, поскольку они помогают исследовать аспекты человеческой психики и выявлять механизмы ее работы. Кроме того, данные сайты собирают данные пользователей на основе их ответов и обобщают в одну систему, где похожие варианты ответов будут выдавать схожие результаты и интерпретации.

На наш взгляд, одной из главных проблем, с которой сталкиваются подростки при взаимодействии с психологическими тестированиями в онлайн-среде, является возникновение или усугубление внутриличностного конфликта. Данный вид конфликта является психологическим состоянием, которое вызвано столкновением разных потребностей и интересов [3]. У подростков такой конфликт проявляется двойственностью в поведении, проблемами с поиском идентичности, эмоциональными переживаниями, самокритикой.

Психологические онлайн-тесты являются инструментами, с помощью которых подросток может выявить внутренние проблемы, возникшие в результате внутриличностного конфликта. Однако, данные тесты могут приводить к некоторым проблемам.

В результате, мы можем выделить такую проблему как недостоверность информации. Частое использование сайтов с психологическими тестированиями и интерпретаций результатов может привести к искажению информации и восприятия: информация, полученная подростком извне о самом себе, является формирующей идентичность и побуждающей менять свое представление о себе.

Другой проблемой можно выделить излишнюю доверчивость к результатам тестирования. Данную проблему можно объяснить психоэмоциональной нестабильностью подростков, а также чувством одиночества и покинутости, что нередко приводит к внутриличностным конфликтам. Подросток, больше не доверяющий значимым взрослым, начинает искать ответы о себе в Интернете, и, зачастую, ответы,

полученные в ходе такого исследования личности как психологические тесты, являются некорректными. Точность ответов может различаться с реальной ситуацией из-за недоверия подростка самому себе или некачественного тестирования. Кроме того, подросток может оказаться не в состоянии понять результаты тестирования в силу своего возраста и развития – это приводит к самозапуговиванию.

В результате, для решения проблемы возникновения внутриличностного конфликта подростков, находящихся под влиянием психологических экспериментов, стоит предложить следующие варианты. Ограничение доступа подростков к материалам сайтов непроверенных тестов – такое решение оградит подростков от нежелательного влияния. Однако данное решение может спровоцировать большее отдаление подростка от родителей. Для превенции последствий конфликта, вызванного психологическими тестами, необходимо подвергать проверке возникающие тестирования на соответствие научным требованиям и компетенциям психолога. Кроме того, необходимой нормой можно выделить введение в школах качественной индивидуальной и групповой психологической работы для более легкого переживания подросткового кризиса.

Таким образом, хотя психологические онлайн тесты заявляются как помощники в познании и выявлении работы подсознания личности, зачастую они становятся одной из причин внутриличностного конфликта несформированной психики подростка. Решения возникшей проблемы заключается в обширном и качественном подходе, дающем подростку возможность оградиться от излишней информации и качественно пережить подростковый кризис.

Литература:

1. Кузнецова Е. В. Психология подросткового возраста: учебно-методическое пособие для студентов психологического факультета [Электронный ресурс] / Автор-составитель: Е. В. Кузнецова; под ред. Н. В. Гутовой; Куйб. фил. Новосиб. гос. пед. ун-та. – Новосибирск: Немо Пресс, 2016. – 72 с. – URL: https://prepod.nspu.ru/file.php/1273/ПСИХОЛОГИЯ%20ПОДРОСТКОВОГО%20ВОЗРАСТА_Текст%20пособия.pdf (дата обращения: 19.11.2025).
2. Титор С. Е. Роль сети «Интернет» в современной жизни детей и подростков: анализ социологического опроса [Электронный ресурс] // Вестник университета. 2023. № 1. – С. 213–221. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-seti-internet-v-sovremennoy-zhizni-detey-i-podrostkov-analiz-sotsiologicheskogo-oprosa> (дата обращения: 19.11.2025).

3. Новгородцева А. П. Внутренние конфликты подросткового возраста [Электронный ресурс] / Культурно-историческая психология, 2(3), [Электронный ресурс] 2006. – С. 38–50. - URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2006_n3/Novgorodtseva (дата обращения: 19.11.2025).

МОББИНГ В ТРУДОВОЙ СФЕРЕ: ПРОФИЛАКТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Ю. А. Кулик

**Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, culik.iulia2016@yandex.ru**

Научный руководитель: Жданова И. В, канд. филос. наук, доцент

В данной работе рассмотрены определения, цели, признаки причины, виды моббинга. Также даны понятия профилактики и предупреждения моббинга, и их различия. Проведено исследование на выявление моббинга в трудовой сфере, определены причины его проявления, отношение к моббингу и меры, которые применяются для профилактики и предупреждения моббинга в трудовой сфере.

This paper discusses the definitions, goals, signs, causes, and types of mobbing. It also provides definitions of prevention and mitigation of mobbing and their differences. The paper conducts a study to identify mobbing in the workplace, identifies the causes of mobbing, examines attitudes towards mobbing, and discusses measures that can be taken to prevent and mitigate mobbing in the workplace.

Трудовая сфера одна из важных сфер жизни человека, поскольку она не только обеспечивает материальное положение, определяет успех и престиж, а также способствует развитию личности, отношениям и реализации человека. В современном мире в трудовой сфере существует много факторов, которые влияют на рабочую атмосферу и взаимодействие между людьми, таким образом одной из острых тем в этой сфере является моббинг. Моббинг – это форма психологического воздействия, проявляющаяся в давлении коллег или/и руководства по отношению к сотрудникам в виде нападок, ущемления, принижения профессиональных и/или личностных качеств [8].

В настоящее время проблеме профилактики и предупреждения моббинга в трудовой сфере уделяется большое внимание в Европе и США. Так, 2014 году в Германии было проведено исследование частоты моббинга среди работников, которое показало, что 37% опрошенных было подвержены моббингу в трудовой сфере. В Словении за период

2014-2017 32% опрошенных сталкивались с моббингом и около половины слышали о таком феномене или были свидетелями [2].

Важность изучения моббинга в трудовой сфере, а также его профилактики и предупреждения заключается в том, что понятие такого вида психологического притеснения в России появилось относительно недавно, но количество людей, которые сталкиваются с моббингом растет.

Проанализировав различные типологии, а также работы И.С. Колмыкова [3], С. Эйнерсона, Д. Запфа, Х. Хозла, К.Л. Купера [8], можно выделить ряд признаков, которые отличают моббинг от других видов психологических воздействий:

- целенаправленный характер, то есть действия направлены на конкретного человека из коллектива или группу лиц;
- эскалация агрессии через разные промежутки времени от одной стороны к другой или игнорирование;
- периодичность деструктивного поведения по отношению к жертве моббинга;
- продолжительный характер, как минимум 6 месяцев;
- иерархический дисбаланс, то есть жертва моббинга занимает низший статус, имеет психологические слабости.

Для более глубокого понимания моббинга, его проявления, важно изучить основные причины проявления такого вида травли:

- отсутствие ясной и общей цели;
- неэффективное руководство;
- отсутствие обратной связи;
- проблемы с кадровой политикой.

Моббинг имеет различные виды своего проявления, так выделяют горизонтальный и вертикальный моббинг. Горизонтальный моббинг, который представлен в виде «сотрудник-сотрудник», встречается намного чаще, поскольку психологический террор часто может быть вызван личной враждой, завистью, неприязнью, конкуренцией за должность или заработную плату.

Вертикальный моббинг представляет собой взаимодействие руководителя с подчиненным, которое называется «боссинг». Моббинг со стороны руководителя может проявляться в таких формах как необоснованные требования, чрезмерный контроль за действиями сотрудников или ограничения полномочий, использование манипуляций, игнорирование, отстранение от важных задач, неинформирование, подстрекательство к конкуренции и целенаправленное настраивание сотрудников против друг друга.

Моббинг – это сложное по своей структуре явление, которое лучше не допускать. Сложность такого феномена заключается в том, что работа с запущенной ситуацией наименее эффективна, чем профилактика, предотвращение и недопущение. Превентивными мерами работы с моббингом в трудовой сфере является профилактика и предупреждение.

Профилактика моббинга – это комплекс мероприятий, направленных на преодоление социальных противоречий в целях сохранения и укрепления благоприятной атмосферы в коллективе, а также организует и реализует меры профилактики трудовых конфликтов в трудовой сфере [4].

В свою очередь предупреждение моббинга – это комплекс мер, которые направлены на предотвращение психологического террора на рабочем месте на стадии зарождения такого социального поведения в организации [7].

Таким образом профилактика и предупреждение моббинга это две взаимосвязанные, но при этом разные технологии. Профилактика моббинга заключается в создании условий, которые минимизируют появление конфликтных ситуаций, психологического террора на рабочем месте, а под предупреждением, в свою очередь, понимается предотвращение уже зародившегося конфликта с помощью заранее подготовленных мер.

С целью изучения моббинга в трудовой сфере было проведено эмпирическое исследование. Была разработана программа эмпирического исследования, а также анкета «Моббинг в трудовой сфере». Анкетирование имело анонимный характер, проходило в онлайн формате с использованием платформы для создания и анализа опросов YandexForms, общее количество респондентов, которые приняли участие в данном анкетировании, составило 53 человека.

В анкетирование участие приняли люди возраста от 17 лет до 56 лет, средний же возраст респондента составляет 25 лет. Сфера работы респондентов преимущественно обслуживающий персонал (17%) и спортивные клубы, фитнес, салоны красоты (13,2%). Средний общий стаж работы респондентов составил 4 года, а средний стаж работы в организации, в которой респонденты работают на данный момент составил 3,1 год.

В анкетировании респондентам было предложено оценить качество взаимоотношений в рабочем коллективе. Результаты показали, что преимущественное большинство (16 респондентов, 30,2%) оценили качество отношений, как хорошие профессиональные отношения, где есть сплоченный рабочий коллектив, который может быстро и сообща решать рабочие задачи. Результаты свидетельствуют о том, что

значительная часть опрошенных может характеризовать отношения в рабочем коллективе как хорошие, что говорит о сплоченности и командном духе.

На вопрос «Как Вам кажется, конфликты в рабочем коллективе является нормальным явлением?» большинство опрошиваемых (19 респондентов, 35,8%) ответили, что конфликты – это нормальное явление, но важно их разрешать и извлекать уроки из таких ситуаций. Такие результаты свидетельствуют о том, что респонденты имеют понимание, что конфликты помогают развиваться отношениям внутри коллектива, но при этом делают акцент на том, что большое значение имеет конструктивное разрешение их, а также извлечение уроков из таких ситуаций.

Следующий перечень вопросов был направлен на выяснение частоты ссор, споров или конфликтов, не связанных с выполнением рабочих обязанностей, а по личным причинам, а также причины, по которым они происходят. Результаты демонстрируют, что у большинства опрошиваемых в коллективе присутствуют споры, ссоры, конфликты, не связанные с рабочими обязанностями, а на негативную атмосферу в коллективе оказывает влияние недостатки в управлении коллективом вышестоящими должностями и в организации рабочих процессов между сотрудниками, личностные особенности отдельных членов коллектива тоже оказывают влияние на конфликтность в организациях.

Респондентам был задан вопрос, который был направлен на выяснение какими методами решаются конфликтные ситуации на рабочем месте. Большинство (19 респондентов, 35,8%) ответили, что коллектив старается конфликты решать совместно, не доводить эти ситуации до руководства. Такие результаты свидетельствуют о том, что среди сотрудников есть определенные правила взаимодействия между собой, которые ориентированы на самостоятельное решение конфликтных ситуаций.

В заключающем вопросе опрошиваемые должны были выбрать все, подходящие под организацию, в которой они работают, методы управления сотрудниками, рабочими процессами, профилактики и предупреждения конфликтов, а также организация вне рабочего времени. Так, наиболее популярными ответами стали: регулярные встречи руководства и коллектива для решения текущих проблем, определения общих целей и задач. В результате, выполнение этих задач позволило сформировать полное представление о проблеме моббинга в трудовой сфере, его причинах, признаках, зарождении, распространении, а также об технологиях работы с таким видом психологического воздействия, как профилактика и предупреждение.

В целом, создание комфортной и безопасной рабочей атмосферы, свободной от моббинга, требует постоянных усилий и системного подхода, направленного на недопущение возникновения ссор, споров и конфликтов в трудовой сфере. Для создания благоприятной среды и искоренения моббинга необходимо комплексно подходить к управлению и организации трудовой сферы.

Литература:

1. Демина Е. В., Милинкис Е. Б., Милинкис С. Е., Полагин К. С. Исследование проявления моббинга в российских компаниях [Электронный ресурс] / Е.В. Демина, Е.Б. Милинкис, С.Е. Милинкис, К.С. Полагин // Т-Comm: 2017. – №2. – 40-48 с. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-proyavleniya-mobbinga-v-rossiyskih-kompaniyah> (дата обращения: 23.11.2025).
2. Дуракова И. Б. Моббинг в организации: причины, последствия, формирование базы для статистического анализа [Электронный ресурс] / И.Б. Дуракова // Современная экономика: проблемы и решения. — 2017. — №8. — 77–90 с. — URL: <https://journals.vsu.ru/meps/article/view/6275/6338> (дата обращения: 21.11.2025).
3. Калмыков И. С. Моббинг. Проблемы изучения и возможности внедрения европейского опыта противодействия психологическому террору на рабочем месте [Электронный ресурс] / И.С. Калмыков // СТЭЖ. 2016. – №1 (22). – 33-38 с. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mobbing-problemy-izucheniya-i-vozmozhnosti-vnedreniya-evropeyskogo-opyta-protivodeystviya-psihologicheskomu-terroru-na-rabochem-meste> (дата обращения: 25.11.2025).
4. Кильмашкина Т. Н. Предупреждение социального конфликта как элемент управления им [Электронный ресурс] / Т.Н. Кильмашкина // Труды Академии управления МВД России. 2015. – №1 (33). – 40-48 с. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-sotsialnogo-konflikta-kak-element-upravleniya-im> (дата обращения: 22.11.2025).
5. Коваленко Т. В. Моббинг персонала, как явление в трудовой сфере [Электронный ресурс] / Т.В. Коваленко // Территория науки. 2020 – №2. – 50-58 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mobbing-personala-kak-yavlenie-v-trudovoy-sfere> (дата обращения: 25.11.2025).
6. Коновалова В. Моббинг как моббинг: источники и последствия психологического террора. [Электронный ресурс] / В. Коновалова // Кадровик. Кадровый менеджмент – 2011 – № 3. – 50-60 с. - URL:

<http://portal.ru/article/mobbing-kak-mobbing-istochniki-i-posledstviya-psihologicheskogo-terrora> (дата обращения: 29.11.2025).

7. Скалабан И. А. Технологии управления конфликтом: электронный учебно-методический комплекс [Электронный ресурс] / И.А. Скалабан // URL: <https://dispace.edu.nstu.ru/didesk/course/show/12788> (дата обращения: 28.11.2025).

8. Einarsen S., Hoel H., Zapf D., Cooper C. (ed.) Bullying and Emotional Abuse in the Workplace. International perspectives in research and practice [Электронный ресурс] / S. Einarsen, H. Hoel, D. Zapf, C.Cooper. // London: Taylor & Francis e-Library, 2004. 210 с. - URL: <https://www.researchgate.net/file.PostFileLoader.html?id=5613552d6307d93e378b45df&assetKey=AS%3A281421676597248%401444107564277> (дата обращения: 27.11.2025).

ПРОФИЛАКТИКА ВОЗВРАТОВ ДЕТЕЙ ИЗ ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЕЙ В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

О. В. Мунге

Новосибирский государственный технический университет,

г. Новосибирск, mungeoksana2004@mail.ru

Научный руководитель: Невзоров А.А.

В статье рассматривается проблема возврата детей из замещающих семей (вторичного сиротства) в Новосибирской области. Анализируются статистические данные за последние годы, выявляются основные причины возвратов и оцениваются действующие механизмы подбора, подготовки и сопровождения замещающих семей. Особое внимание уделяется региональным особенностям и недостаткам системы поддержки замещающих родителей. На основе изучения отечественных исследований предлагаются рекомендации по совершенствованию профилактики возвратов, направленные на повышение устойчивости семейного устройства и снижение социальной травмы для детей. Исследование имеет практическую значимость для органов опеки, социальных служб и специалистов, работающих с детьми, оставшимися без попечения родителей.

The article addresses the issue of children's returns from foster families (secondary orphanhood) in the Novosibirsk region. Statistical data from recent years are analyzed, the main reasons for returns are identified, and the current mechanisms for selecting, training, and supporting foster families are evaluated. Special attention is given to regional specifics and shortcomings in the support system for foster parents. Based on the review of domestic studies, recommendations are proposed to improve prevention of returns, aimed at increasing the stability of family placements and reducing social trauma for children. The study holds practical significance for guardianship

Вторичное сиротство или возврат детей из замещающих семей является одной из наиболее острых проблем в системе семейного устройства. Несмотря на преобладание семейных форм воспитания над интернатными для детей-сирот в Новосибирской области, ежегодно фиксируются ситуации, когда ребёнок вновь помещается в учреждение. Для несовершеннолетнего это оборачивается повторной психологической травмой от потери семьи и тяжёлым процессом адаптации к изменившимся условиям жизни, что негативно сказывается на его эмоциональном благополучии [1]. Особая значимость этой проблемы на региональном уровне обусловлена тем, что именно здесь формируется и реализуется практика работы служб сопровождения, принимаются управленческие решения, от которых напрямую зависит, будет ли предотвращён возврат в учреждение или система окажется не готова к возникшим вызовам.

Профилактика вторичных возвратов затрагивает фундаментальную социальную задачу, неразрывно связанную с жизненными траекториями детей, лишённых родительской опеки. Анализ причин возникновения и поиск путей предотвращения таких случаев способствуют сокращению числа повторных помещений в центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей, оптимизации деятельности поддерживающих служб и, что наиболее важно, позволяют сохранить для ребёнка стабильную и безопасную семейную среду [2].

Основным механизмом профилактики возвратов в Новосибирской области является сопровождение семьи, которое осуществляют службы органов опеки, центры помощи семье и детям, а также психолого-педагогические центры. В рамках этой работы проводится обязательная подготовка замещающих родителей, оказывается содействие в адаптации, предоставляются психологические и юридические консультации, организуются группы поддержки и тренинги по воспитательным практикам. При возникновении кризисной ситуации специалисты выезжают на дом, помогают восстановить контакт с ребёнком и обучают родителей эффективным техникам взаимодействия [3]. Подобные меры способствуют предотвращению конфликтов, снижению уровня стресса и формированию более устойчивой семейной среды, что в конечном счёте минимизирует риск возврата ребёнка в систему интернатных учреждений [4]. Для всесторонней оценки эффективности этих мер необходимо учитывать не только практический опыт, но и правовые основы, регламентирующие поддержку замещающих семей. Законодательство формирует базовые условия для реализации профилактических

механизмов и распределяет ответственность между всеми участниками процесса — от органов опеки и попечительства до приёмных родителей [5].

За период 2023–2025 гг. в Новосибирской области было зарегистрировано 7 876 детей, оставшихся без попечения родителей. Более 93% из них воспитываются в замещающих семьях, в то время как 392 ребёнка проживают в организациях для детей-сирот.

В 2024 году в семьи было передано 598 детей, что свидетельствует о активной политике семейного устройства в регионе. Параллельно органы соцзащиты предоставили единовременные пособия при устройстве в семью на 620 детей. В 2025 году размер выплаты составляет 26 941,71 рубль, а для детей-инвалидов, братьев и сестёр, а также детей старше 7 лет – 205 856,61 рубль. Указанные финансовые меры призваны стимулировать семейное устройство и снижать вероятность возвратов.

Проанализированные данные подтверждают один случай изъятия ребёнка из замещающей семьи по инициативе органов опеки в 2024 году. Также зафиксировано 43 случая отказа от новорождённых, 30 из которых были переданы в замещающие семьи. Отсутствие в открытом доступе полной официальной статистики по возвратам затрудняет оценку масштабов явления. Низкое число зарегистрированных изъятий по сравнению с общим количеством устройств может говорить как об эффективности работы, так и о недостаточной прозрачности учёта в данной сфере.

В Новосибирской области поддержку замещающим семьям оказывает ряд учреждений, среди которых следует отметить Новосибирский областной центр диагностики и консультирования, предоставляющий индивидуальную и групповую психолого-педагогическую помощь детям и консультации для родителей по вопросам развития и адаптации, а также ведущий методическую работу с образовательными организациями; ГБУ НСО «Центр развития семейных форм устройства детей-сирот», реализующий программы сопровождения семей, обучающий кандидатов в родители и оказывающий психологическую, правовую и социальную поддержку.

В Новосибирской области создана разветвлённая сеть государственных и некоммерческих организаций, занимающихся поддержкой детей-сирот и замещающих семей. Ключевым государственным учреждением является ГБУ НСО «Центр развития семейных форм устройства детей-сирот», который курирует вопросы семейного устройства, организует школы приёмных родителей, оказывает психолого-правовую поддержку семьям и ведёт мониторинг для профилактики возвратов детей в учреждения. Эту работу на местах

дополняют муниципальные центры, такие как «Жемчужина», «Тёплый дом» и центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей, расположенный в Татарском районе, которые специализируются на социальной реабилитации детей, подготовке их к жизни в семье, а также оказывают сопровождение и консультативную помощь уже состоявшимся замещающим родителям.

Значительный вклад в развитие системы вносят некоммерческие организации, выступающие партнёрами государства. Крупнейшим из них является благотворительный фонд «Солнечный город», который реализует масштабные программы по профилактике социального и вторичного сиротства, наставничеству и поддержке семей в трудной жизненной ситуации. Другие НКО, такие как проект «День Аиста» и фонд «Найди семью», фокусируются на узкоспециализированной помощи: они создают сообщества приёмных родителей, проводят тренинги и оказывают целенаправленную психологическую помощь, чтобы предотвратить кризисы и не допустить возврата ребёнка в детский дом.

Развитие системы профилактики социального сиротства продолжается через реализацию целевых программ и пилотных проектов. Стратегическим направлением является региональная программа по профилактике социального сиротства на 2025-2026 годы. Особое внимание уделяется работе с семьями, воспитывающими детей раннего возраста, в рамках федерального проекта «Профилактика социального сиротства среди детей в возрасте до 4 лет». Его уникальность для Новосибирской области заключается в активном привлечении негосударственных организаций, таких как центр «Вместе» и фонд «Солнечный город», для создания эффективных алгоритмов раннего выявления неблагополучия и работы службы «Дети в семье», которая предотвращает помещение малышей в учреждения, оказывая комплексную поддержку их кровным семьям. Эти организации ведут подготовку кандидатов, консультируют семьи, организуют тренинги и оказывают психологическую помощь. Однако факты возвратов указывают на то, что предпринимаемых усилий может быть недостаточно. В связи с этим крайне важно проанализировать эффективность существующих профилактических механизмов, выявить факторы, способствующие успешному сохранению ребёнка в семье, и определить направления, нуждающиеся в коррекции.

В Новосибирской области выстроена система нормативного регулирования и практического сопровождения замещающих семей, основанная на Законе Новосибирской области № 175-ОЗ «Об опеке и попечительстве» и Приказе № 840, определяющем порядок

взаимодействия с семьями. Дополнительной мерой является регулярная индексация выплат на содержание ребёнка и вознаграждения приёмным родителям. Комплекс этих действий нацелен на формирование стабильной среды для ребёнка и предупреждение возвратов, в особенности в первый, наиболее критический год совместного проживания.

Анализ показывает, что в 2024 году при 598 устройствах в семьи официально зафиксирован лишь один случай изъятия, что может свидетельствовать об эффективности поддержки в период адаптации. Широкий охват семей единовременными выплатами подтверждает доступность материальной помощи, дифференцированный характер которой стимулирует сохранение ребёнка в семье. Устройство 30 из 43 отказных новорождённых в замещающие семьи без последующих возвратов также говорит о слаженной работе служб в ситуациях повышенного риска. Таким образом, имеющиеся данные позволяют заключить, что целевые показатели в основном достигаются: большинство детей остаются в семьях, поддержка оказывается адресно, механизмы сопровождения работают.

В Новосибирской области достигнут высокий уровень семейного устройства детей-сирот – около 93% воспитываются в замещающих семьях, а в организациях остаются 392 ребёнка из 7 876. При этом официальная статистика по возвратам крайне ограничена: открытые источники подтверждают лишь один случай изъятия в 2024 году, что не позволяет в полной мере оценить масштаб проблемы. В регионе действует необходимая нормативная база и оказываются меры поддержки, включая выплаты и индексацию, направленные на сокращение возвратов. Однако отсутствие прозрачной и полной статистики указывает на потребность в налаживании её системного мониторинга для повышения эффективности профилактической работы.

В рамках исследования проанализированы механизмы профилактики возвратов детей из замещающих семей в Новосибирской области и определены пути повышения их эффективности. Проведён анализ нормативно-правовой базы, выявлены ключевые региональные и федеральные акты, составляющие правовой фундамент профилактики возвратов.

Обобщены статистические данные за 2023–2025 годы: подтверждён высокий уровень семейного устройства (свыше 93%), но также установлено, что случаи возвратов, особенно в первый год, продолжают иметь место. Оценена результативность действующих мер: выявлено, что большинство семей сохраняют ребёнка (что подтверждается низким уровнем изъятий), однако ограниченность данных не позволяет провести

глубокий количественный анализ. Разработаны предложения по совершенствованию системы профилактики, среди которых усиление межведомственной координации, внедрение цифровых инструментов, индивидуализация сопровождения и активное привлечение замещающих родителей к разработке программ помощи.

Литература:

1. Старикова Е. А. Представления выпускников центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей, о системе социального сопровождения в Новосибирске // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 12 (178). – С. 93–105.
2. Леонова Е. Е. Социально-педагогические проблемы возврата детей из замещающих семей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2017. – Т. 6, № 3. – С. 283–286.
3. Лаврентьева З. И. Возврат детей из замещающих семей как социально-педагогический феномен // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2017. – Т. 6, № 3. – С. 278–282.
4. Олейникова С. Г., Володина У. В. Правовые механизмы защиты приемной семьи в России // Отечественная юриспруденция. – 2018. – № 1 (26). – С. 29–30.
5. Соломатина Г. Н., Суменко Л. В. Социальная успешность приемного ребенка как фактор эффективности замещающей семьи // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. – 2022. – № 6 (46). – С. 104–113.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ФУНКЦИИ КВН В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Е. А. Мусалимов

Новосибирский государственный технический университет,

г. Новосибирск, muslimoverlan43gmail.com@mail.ru

Научный руководитель: Можейкина Л. Б., к.п.н., доцент

Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать различные интернет-источники для выявления представленности социокультурной функции КВН в медиaproстранстве, то есть понять, как и в каком ключе пишут про это явление различные авторы, а также найти в этом точки соприкосновения.

The purpose of this study is to analyze official and unofficial sources, scientific works, and articles to identify the representation of the sociocultural function of KVN in the media space, that is, to understand how and in what vein various authors write about this phenomenon, as well as to find points of contact in this regard.

КВН — это соревнование в собственном остроумии [1]. То есть для того, чтобы рассмешить зрителя и выдать качественный юмористический продукт, нужно придумывать нестандартные ходы, шутки, реквизит, чтобы обойти соперника. Для этого нужно культурно просвещаться, общаться с разными людьми и постоянно подчеркивать новую информацию, что в свою очередь и относится к социокультурной функции.

Медиапространство - в узком смысле это совокупность источников, которые на профессиональной основе обеспечивают информацией людей и следуют закономерностям развития социальной системы [2].

Анализ медиа - пространства осуществлялся по трём категориям: telegram-каналы, сообщества в социальных сети «ВКонтакте», а также статья на официальном сайте Министерства науки и высшего образования РФ, в общей сложности было проанализировано 5 источников. Такая выборка объясняется тем, что эти виды интернет-ресурсов имеют огромное количество пользователей, то есть публикации получают широкий охват среди разновозрастной аудитории. Вся анализируемая информация за 2025 календарный год.

Изучать интернет-источники начнём с telegram-каналов. Первым источником, выступит канал «движение КВН в ООВО» который создан для эффективного взаимодействия, координации и обмена полезной информацией, необходимой для всех, кто занимается КВН в ВУЗах России [3]. Канал предполагает наличие информации, связанной с творческой и методической поддержкой КВН, а также освещения различных событий. Там есть информация о таком мероприятии как всероссийская школа КВН, на которой 120 активных молодых людей со всей страны, развивали свой творческий, а также лидерский потенциал. Вот как это мероприятие описывают сами организаторы: «На протяжении нескольких дней на базе ГУУ участники погружаются в интенсивное обучение под руководством ведущих редакторов лиг МС КВН, включая Высшую Лигу. Завершится школа отчетной игрой, где молодые КВНщики смогут продемонстрировать все, чему научились», также участники посещали лекции и мастер-классы компетентных специалистов, поднимали темы развития движения КВН в ООВО, национальных ценностей РФ, методологических и педагогических аспектов деятельности ответственных за движение КВН. Таким образом не трудно заметить, что КВН — это разносторонняя сфера, которая с

каждым днём привлекает активную молодёжь для всестороннего развития и роста, ведь благодаря таким мероприятиям можно приобрести ценный опыт общаясь с коллегами из других регионов, а также обучаться чему-то новому перенимая информацию от опытных спикеров в этой сфере.

В том же telegram-канале, освещается такое событие как празднование день рождения КВН, в рамках Всероссийской акции «День единых действий» [4]! В рамках данной акции в социальных сетях различных лиг можно было познакомиться с наиболее успешными командами и отдельными участниками, которые добились высот, в частности благодаря КВН. Вот небольшая статистика от организаторов трёхдневного марафона празднований:

27 регионов по всей стране;

357 команд вышли на сцену;

3 304 участника сказали: «КВН – это моё!»;

9 262 зрителя пришли поддержать своих любимых;

397 постов опубликовано с хэштегом #7ЯКВН.

Таким образом, благодаря акции поклонники и любители игры, узнали, насколько масштабное КВН - движение и какой вклад оно вносит в нашу жизнедеятельность, ведь КВНщики задействованы в различных профессиях, науке, культуре и других сферах общества.

Продолжая анализировать медиа - пространство, а именно социальную сеть ВКонтакте, мы обратились к официальному паблику: «Движение детского КВН в Кузбассе», отдельную часть там занимает проект, под названием «Кавэнизация» [5]. Суть проекта заключается в том, что команда спикеров, наставников и действующих игроков ездит по разным уголкам Кузбасса и создают новые команды КВН на базах образовательных учреждений. Заинтересованные ребята на протяжении нескольких дней изучают правила написания и построения шуток, узнают новую информацию от опытных наставников и в первые выступают с собственными сочиненными шутками, показывая свои таланты и творческий потенциал. Не ходя далеко, хочется также отметить, что в этом регионе, стараются максимально развивать творческую молодёжь, так, например, была проведена интеллектуальная игра Что? Где? Когда? среди команд-участниц студенческой лиги г. Кемерово [6]. Молодые люди поучаствовали в умственных баталиях и посоревновались в остроумии, хоть и не всегда удавалось отвечать на заданные вопросы, а как мы помним КВН — это соревнование в остроумии получается не только на сцене, но и на таких мероприятиях. Таким образом анализ сообществ социальной сети ВКонтакте помог определить наиболее яркие мероприятия в КВНовской среде, но и показал, что КВН — это не только

юмористические баталии, но игра, в которой нужно постоянно, учиться, расширять свой кругозор и находить всё больше новых и полезных связей.

Также при анализе социальной сети ВКонтакте, а именно сообщества: Центр знаний «Машук» было обнаружено интервью в котором представители Государственного университета управления(ГУУ) говорили о воспитательном потенциале КВН и формировании личностных качеств через игру, а также какие условия нужны, чтобы КВН стал полноценным пространством развития. Хочется процитировать 2 высказывания, которые наиболее точно характеризуют социокультурную функцию КВН [7].

«КВН даёт формирование навыков во всех софт скиллс: умение коммуницировать, справляться с конфликтами и умение ёмко доносить свою мысль» (С.Гришаева)

«КВН многожанровая игра: где ты можешь найти то, что тебе больше подходит и обучиться тому, чего раньше не умел» (П.Павловский)

Таким образом, высказывания людей, которые занимаются развитием КВН в вузах и являются спикерами больших площадкой, в очередной раз доказывают, что требует всестороннего развития и немалую часть в этом занимает социокультурная составляющая.

Третьим видом источников стал сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, на котором есть информация о Всероссийской школе КВН, но проходившей в апреле 2025 года и организованной Министерством науки и высшего образования Российской Федерации совместно с ГУУ [8]. Помимо повышения и укрепления творческих, лидерских качеств, а также развития креативного мышления, участники в рамках пленарной сессии имели возможность напрямую пообщаться с представителями Минобрнауки России.

Приведём отрывок из приветственной речи заместителя Минобрнауки России Ольга Петровой: «Сообщество КВН – важный двигатель развития творческих навыков молодежи. А еще оно воспитывает равнодушных граждан, увлеченных жизнью страны и готовых проявить активную позицию». Эти слова подчеркивают важность социокультурной функции КВН, ведь это явление требует концентрации и заставляет развиваться в различных сферах нашей жизни, чтобы быть понятным зрителю, а также соответствовать определённому уровню.

Таким образом на основании анализа различных источников медиaprостранства, хочется сказать, что КВН является многожанровой и разносторонней игрой, которая сочетает в себе различные функции, в том

числе социокультурную. Также стоит отметить, что в анализируемых источниках подчёркивается, то, что КВН даёт молодому человеку не только сценический опыт, но и развивает коммуникационные навыки, лидерские качества, а также навыки креативного мышления. Также проекты, проводимые в КВН-сообществе, получают широкий охват, ведь носят не только юмористический характер, но и направлены на обучение и повышение различных компетенций.

Литература:

1. Что такое КВН? Сайт КВН. [Официальный сайт] [Электронный ресурс]. – URL: https://kvn.ru/static/what_is_kvn (дата обращения: 30.10.2025).
2. Евдокимов В. А. Информационное и медиапространство: соотношение понятий [Электронный ресурс] // Наука о человеке: научн. журн. – №4 (34) – 2018. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-i-mediaprostranstvo-sootnoshenie-ponyatiy> (дата обращения: 19.11.2025). – doi: 10.17238.
3. Всероссийская школа КВН. Telegram - канал «Движение КВН в ООВО». [Электронный ресурс]. – URL: https://web.telegram.org/k/#@KVN_v_OOVO (дата обращения: 08.11.2025).
4. День рождения КВН в рамках Всероссийской акции «День единых действий». Telegram - канал «Движение КВН в ООВО» [Электронный ресурс]. – URL: https://web.telegram.org/k/#@KVN_v_OOVO (дата обращения: 08.11.2025).
5. Проект «Кавэнизация». Сообщество «Движение детского КВН в Кузбассе» [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/det_kvnkuzbass (дата обращения: 09.11.2025).
6. Заседание интеллектуального клуба. Сообщество «Студенческая лига г. Кемерово» [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/kvn_v_kemerovo?from=groups (дата обращения: 11.11.2025).
7. Интервью с представителями Государственного университета управления. Сообщество центр знаний «Машук» [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/czmashuk?from=groups> (дата обращения: 05.11.2025).
8. В Государственном университете управления прошла Всероссийская школа КВН. Министерство науки и высшего образования РФ. [Официальный сайт] [Электронный ресурс]. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/molodezhnaya-politika/97379/> (дата обращения: 05.11.2025).

ИНСТРУМЕНТЫ ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

О. Д. Насатович

Новосибирский государственный технический университет

г. Новосибирск, odyssey2005@bk.ru

Научный руководитель: Дегтярева В. В., доцент

Национальный вопрос всегда был неотъемлемой частью России. В связи с современными вызовами в сфере национальной политики России, возникает необходимость в последовательной и комплексной работе по гармонизации межнациональных отношений в государстве. Вследствие этого возникает необходимость в понимании, как и какие в России, в частности в регионе (Новосибирской области), используются инструменты для гармонизации межнациональных отношений.

The national question has always been an integral part of Russia. Due to modern challenges in the sphere of national policy in Russia, there is a need for consistent and comprehensive work on the harmonization of interethnic relations in the state. As a result, there is a need to understand how and which tools are used in Russia, in particular in the region (Novosibirsk region), to harmonize interethnic relations.

1) На протяжении многих веков отличительной особенностью нашего государства была и остаётся его многонациональность. Данная особенность оказывала немалое влияние на многие исторические процессы в Российском государстве. При этом грамотно и последовательно выстроенные взаимоотношения между разными национальностями и этносами влекли за собой положительные последствия, и напротив, халатное и деструктивное отношение к сфере межнациональных отношений оказывало крайне негативное влияние на общество. Сегодня необходимость в гармонизации межнациональных отношений никуда не исчезла.

2) Во-первых, об этом говорит действующее законодательство Российской Федерации. С 31 марта 2015 года в России действует Федеральное агентство по делам национальностей, которое является основополагающим звеном национальной политики в государстве. В Указе Президента РФ от 31.03.2015 №168 «О Федеральном агентстве по делам национальностей» обозначены основные функции данного агентства, которые в своей основе направлены на: реализацию политики в отношении иностранцев, укрепление национального единства, взаимодействие с институтами гражданского общества, стратегическое планирование национальной политики и контроль за её реализацией, предупреждение межнациональных конфликтов, дискриминации и экстремизма.

3) Во-вторых, необходимость в гармонизации национальных связей диктуется современными вызовами и конфликтами. Одним из последних и ярких конфликтов стало онлайн-голосование от Центрального банка РФ за символы для новой банкноты 500 рублей. В ходе голосования российское общество поделилось на два лагеря: первые, в основном русские, агитировали за гору Эльбрус, вторые, в основном представители Кавказского региона, за чеченский комплекс небоскребов «Грозный Сити». По итогу данное мероприятие выросло в крупный конфликт с оттенками политического, а голосование было свёрнуто. Данный инцидент демонстрирует, как в рамках даже незначительного вопроса может разгореться крупная межнациональная рознь и взаимное неприятие.

4) В этой связи необходимо понимать, как в регионе (Новосибирской области) реализуются, заявленные на уровне Федерации, документы, какие инструменты сегодня применяются в регионе для гармонизации межнациональных отношений. Для этого в качестве эмпирического объекта исследования выступили региональные нормативно-правовые акты Новосибирской области, а также документы, информационные сообщения, отчёты о реализации мероприятий, связанные с деятельностью национально-культурных автономий Новосибирской области, размещенные на их официальных сайтах. Единицами анализа стали: цели и задачи деятельности, направления работы, механизмы, мероприятия, субъекты реализации.

5) Для анализа региональных нормативно-правовых актов Новосибирской области были взяты: Закон Новосибирской области от 03.10.2017 №203-ОЗ «Об отдельных вопросах развития российского казачества в Новосибирской области», Постановление Правительства Новосибирской области от 23.05.2022 г. №227-п «Об утверждении Стратегии государственной национальной политики в Новосибирской области на период до 2025 года», Распоряжение Правительства Новосибирской области от 19.04.2022 г. №164 «О Комплексном плане действий по гармонизации межэтнических отношений и реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в Новосибирской области на 2022–2025 годы», «Постановление мэрии города Новосибирска от 10.06.2020 г. №1831 «О Концепции устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска на период до 2025 года». В совокупности в данных нормативно-правовых актах приведен широчайший спектр мероприятий в области миграционной политики и взаимоотношений между гражданами России и приезжими из-за границы людьми.

6) Исходя из современных демографических и миграционных тенденций в России, в частности в Новосибирской области, определены ключевые направления работы по гармонизации межнациональных отношений:

7) 1. обеспечение равноправия граждан и реализации их конституционных прав;

8) 2. укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации, обеспечение межнационального мира и согласия, гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений;

9) 3. обеспечение социально-экономических условий для эффективной реализации государственной национальной политики;

10) 4. содействие этнокультурному и духовному развитию народов, проживающих в России;

11) 5. формирование у детей и молодежи общероссийской гражданской идентичности, патриотизма, культуры межнационального общения;

12) 6. сохранение и поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации и языков народов Российской Федерации;

13) 7. формирование системы социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции;

14) 8. совершенствование государственного управления в сфере государственной национальной политики Российской Федерации;

15) 9. совершенствование взаимодействия государственных органов и органов местного самоуправления с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации;

16) 10. информационное обеспечение реализации государственной национальной политики Российской Федерации;

17) 11. использование возможностей и механизмов международного сотрудничества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации;

18) 12. противодействие проявлениям экстремистской деятельности и терроризму в сфере этноконфессиональных отношений.

19) В качестве ключевых субъектов национальной политики в Новосибирской области выступают: Министерство региональной политики Новосибирской области, Совет при Губернаторе Новосибирской области по межнациональным отношениям, Управление общественных связей мэрии г. Новосибирск, Органы местного самоуправления г. Новосибирска, Национально-культурные автономии г. Новосибирска.

20) На основании заявленных направлений работы, мной, с помощью метода контент-анализа, были изучены сайты национально-культурных автономий г. Новосибирска. Единицами анализа стали: цели и задачи деятельности, направления работы, механизмы, мероприятия.

21) Исследование показало, что среди ключевых целей и задач стоят сохранения самобытности этнических сообществ и трансляции традиционных ценностей, а также выстраивание межкультурной коммуникации в многонациональной среде. Так, среди ключевых направлений деятельности выступили: возрождение, сохранение и развитие национальной культуры; сохранение самобытности этнических общностей; социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов; деятельность по гармонизации межэтнических отношений; сотрудничество с учреждениями образования и культуры Новосибирской области; историко-краеведческая деятельность; участие в федеральных, региональных и иных проектах; межрегиональное, международное и межэтническое сотрудничество. Среди конкретных форм мероприятий можно выделить: организацию культурно-творческих мероприятий и конкурсов, спортивных соревнований, научно-практических конференций, фестивалей национальных культур, участие в городских праздниках и патриотических событиях, информационно-коммуникационная деятельность в СМИ и социальных сетях, совместная общественная деятельность с органами власти и другими национально-культурными автономиями города.

Таким образом, сегодня сфера национальной политики всё также не остаётся без особого внимания нашего государства. В ответ на современные вызовы, не только органами власти, но и институтами гражданского общества, организуется и осуществляется широчайший спектр мероприятий, направленных на гармонизацию межнациональных отношений на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Тем не менее, даже такой объёмный комплекс действий нуждается в постоянном развитии. Например, существующая информационная и медиасреда на сегодняшний день недостаточно функциональна, поскольку поиск необходимых сведений о действующем законодательстве, устоявшихся общественных нормах, государственных и общественных организациях, проводимых мероприятиях и других, столь важных для иностранных граждан аспектов крайне затруднён.

Литература:

1. О Комплексном плане действий по гармонизации межэтнических отношений и реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в

Новосибирской области на 2022–2025 годы: Распоряжение Правительства Новосибирской области от 19.04.2022 № 164-рп [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nso.ru/npa/52470> (дата обращения: 16.10.2025).

2. О Концепции устойчивого этносоциального развития многонационального общества города Новосибирска на период до 2025 года: Постановление мэрии города Новосибирска от 10.06.2020 № 1831 [Электронный ресурс]. – URL: https://minregion.nso.ru/sites/minregionnew.nso.ru/wodby_files/files/news/2020/06/postanovlenie_no_1831_ot_10.06.2020_koncepciya_ustoychivogo_etnosocialnogo_razvitiya_mnogonacionalnogo_sobshchestva_goroda_novosibirska_na_period_do_2025_goda.pdf (дата обращения: 16.10.2025).

3. Об отдельных вопросах развития российского казачества в Новосибирской области: Областной закон от 03.10.2017 № 203-ОЗ [Электронный ресурс] // Министерство региональной политики Новосибирской области. – URL: <https://minregion.nso.ru/page/9039> (дата обращения: 16.10.2025).

4. Об утверждении Стратегии государственной национальной политики в Новосибирской области на период до 2025 года: Постановление Правительства Новосибирской области от 23.05.2022 № 227-п [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5400202205250009> (дата обращения: 16.10.2025).

5. Реализация государственной национальной политики на муниципальном уровне: материалы IV межрегиональной научно-практической конференции (25 ноября 2021 года) / сост. М. Н. Терентьева. – Новосибирск: ООО «Архимед», 2022. – 64 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://active-city.org/sites/default/files/2022-04/Полная%20версия%20разворотами.pdf> (дата обращения: 18.10.2025).

6. Нормативные документы [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН России). – URL: <https://fadn.gov.ru/documents/normativnyie-dokumentyi/> (дата обращения: 18.10.2025).

7. О Федеральном агентстве по делам национальностей: Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2015 № 168 (ред. от 22.04.2024) [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/70928316/> (дата обращения: 10.10.2025).

8. Министерство региональной политики Новосибирской области: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <https://minregion.nso.ru/> (дата обращения: 19.10.2025).

9. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – июнь 2025 года [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/68790619/?year=2025&month=5&day=27> (дата обращения: 10.10.2025).

10. Татарская Национально-Культурная Автономия Новосибирской области: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <https://fnkat.tatarstan.ru/novosib> (дата обращения: 19.10.2025).

11. Общественная организация «Региональная Еврейская Национально-Культурная Автономия Новосибирской области» (ОО «РЕНКАНО»): официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <https://fenka.online/region/novosibirskaya/> (дата обращения: 16.10.2025).

12. Новосибирский областной Российско-Немецкий Дом [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – URL: <https://nornd.ru/novosibirskij-oblastnoj-rossijsko-nemetskij-dom/> (дата обращения: 16.10.2025).

13. Об утверждении Плана мероприятий на 2021–2023 годы по реализации Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы на территории Новосибирской области: Распоряжение Правительства Новосибирской области от 18.05.2021 № 205-рп [Электронный ресурс]. – URL: https://minregion.nso.ru/sites/minregionnew.nso.ru/wodby_files/files/wiki/2020/04/plan_meropriyatij_po_kazachestvu.doc (дата обращения: 19.10.2025).

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК МОДЕЛЬ ИНТЕГРАЦИИ ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

К. С. Нейфельд

Новосибирский государственный технический университет,

г. Новосибирск, nejfeld.2024@stud.nstu.ru

**Научный руководитель: Мозговая Т. П., руководитель ЦИС НГТУ,
ст. преп. каф. СРСА НГТУ, специалист РУМЦ НГТУ**

Несмотря на предпринимаемые государством меры по интеграции лиц с инвалидностью в трудовые отношения, социально-трудовая эксклюзия остается проблемой. Традиционные подходы к трудоустройству лиц с инвалидностью не преодолевают системные барьеры, что актуализирует поиск альтернативных моделей их интеграции в сферу труда и занятости. В данной

статье рассматривается одна из эффективных моделей интеграции лиц с инвалидностью в трудовые отношения – социальное предпринимательство. Анализ опыта социальных предприятий России в области трудоустройства лиц с инвалидностью показал устойчивую тенденцию к эффективной интеграции данной категории работников в трудовые отношения.

Despite the measures taken by the state to integrate people with disabilities into labor relations, social and labor exclusion remains a pressing issue. Traditional approaches to employing people with disabilities fail to overcome systemic barriers, necessitating the search for alternative models for their integration into the sphere of work and employment. This article examines one of the effective models for integrating people with disabilities into labor relations—social entrepreneurship. The analysis of the experience of Russian social enterprises in the employment of people with disabilities has revealed a consistent trend of their successful integration into labor relations.

Согласно Концепции по повышению уровня занятости инвалидов в России общая численность инвалидов по состоянию на 31 декабря 2023 г. составила 11 млн человек, из них 4,2 млн человек находились в трудоспособном возрасте [1]. При этом официально занятыми являются менее трети от этой цифры, что свидетельствует о наличии значительного потенциала для их интеграции в экономику страны. Несмотря на сохраняющиеся барьеры, в последние годы наблюдается устойчивая положительная динамика в сфере трудоустройства лиц с инвалидностью, обусловленная как реализацией государственных программ и мер поддержки, так и активным развитием альтернативных моделей трудоустройства. Одной из таких моделей является социальное предпринимательство.

С 2019 года, с вступлением в силу Федерального закона № 245-ФЗ [2], в сфере трудовой интеграции инвалидов открылись новые возможности. Закон не только закрепил понятия «социальное предприятие» и «социальное предпринимательство», но и создал стимулы для реализации бизнеса, избравшего своей миссией решение социальных проблем. Государство в свою очередь взяло на себя миссию активного поощрения таких инициатив и предоставления им мер поддержки. Таким образом, можно говорить о формировании новой предпринимательской экосистемы. В этой экосистеме получение прибыли, как основная цель любого предпринимательства, сочетается с целью решения социально значимых проблем, а также достижением гармонизации общественных отношений.

Помимо трудоустройства лиц с инвалидностью, социальные предприятия выполняют и другие задачи: популяризируются ценности равенства, личного участия и преодолеваются коммуникационные барьеры. В соответствии с этим, данная модель интеграции в трудовые

отношения, демонстрирует как потенциал для занятости инвалидов, так и сферу реализации возможностей и способностей лиц с инвалидностью, включая как интеллектуальные, так и творческие. Именно эта особенность социального предпринимательства способствует его активной популяризации, о чем свидетельствует статистика: по данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства из числа социальных на 10.12.2024 г. зарегистрировано 12 114 субъектов, в то время как на 2020 год было зарегистрировано 2 894 [3].

Еще одной важной отличительной чертой социального предпринимательства является его вариативность, открывающая широкие возможности для трудоустройства людей с разными формами инвалидности. Они могут быть частью крупного социального предприятия, работать в малой компании или действовать как индивидуальные предприниматели, реализуя свой потенциал в самых разных сферах.

Целью работы является анализ опыта интеграции людей с инвалидностью в трудовые отношения в рамках социального предпринимательства. Анализ основан на изучении опыта предприятий из разных регионов России, позволивший идентифицировать и систематизировать две доминирующие модели интеграции. Первая – производственно-ремесленные мастерские (например, мастерская «Круг», «Елабужское предприятие УППИ», свечная мастерская «Candle Van»), где создаются специализированные рабочие места и производится конкурентоспособная продукция, обеспечивая экономическую устойчивость предприятия [4-6]. Во-вторых, предприятия сервисной сферы и гостеприимства (например, ресторан «В темноте», кофейня «На равных»), где личный опыт сотрудников с инвалидностью трансформируется в ключевой элемент предпринимательства и уникальную ценность, часто привлекающую потребителей [7-8].

Широкое распространение этих моделей в разных регионах подтверждает их универсальность и потенциал для масштабирования. Таким образом, социальное предпринимательство меняет сам подход к трудовым отношениям с участием лиц с инвалидностью. Вместо создания рабочих мест «сверху», оно формирует инклюзивную среду, где труд становится инструментом экономической независимости, самореализации и социальной интеграции. Эти предприятия на практике доказывают, что инклюзия в сфере труда и занятости – это достижимая и

экономически обоснованная стратегия интеграции лиц с инвалидностью трудовые отношения.

Литература:

1. Об утверждении Концепции по повышению уровня занятости инвалидов в Российской Федерации на период до 2030 г. и плана мероприятий по ее реализации [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 2 сентября 2024 г. № 2401-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://government.ru/docs/all/155143/> (дата обращения: 15.10.2025).

2. О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: федеральный закон от 26.07.2019 № 245-ФЗ (ред. от 31.07.2024) // Гарант. ру: [сайт]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72232770/> (дата обращения: 15.10.2025).

3. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба. – URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения: 15.10.2025).

4. Мастерская «Круг»: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <https://tokrug.ru/onas> (дата обращения: 18.10.2025)

5. Елабужское предприятие УППИ: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.upak.ru/> (дата обращения: 18.10.2025)

6. Candle Bar: свечи со смыслом [Электронный ресурс] // Форум «Социальное предпринимательство». – URL: <https://nb-forum.ru/stories/candlebar-svechi-so-smislom> (дата обращения: 18.10.2025).

7. Ресторан «В темноте?!»: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <https://v-temnote.ru/> (дата обращения: 18.10.2025).

8. Кофейня «На равных»: официальное сообщество [Электронный ресурс] // ВКонтакте. – URL: <https://vk.com/naravnihcoffee> (дата обращения: 18.10.2025).

ПОТРЕБНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВЫПУСКНЫХ КУРСОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА»

П. А. Немцева

**Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, chanangelok@yandex.ru**

Научный руководитель: Котельникова Е. А., к.соц.н., ст.преп.

На основе анализа теоретических подходов сформулировано определение профессионального становления применительно к социальной работе. Обозначена структура профессиональной компетентности как базового элемента профессионального становления. Представлены результаты анкетного опроса студентов выпускного курса специальности «Социальная работа» с целью выявления имеющихся потребностей профессионального становления.

Based on the analysis of theoretical approaches, a definition of professional development is formulated in relation to social work. The structure of professional competence as a basic element of professional development is indicated. The results of a questionnaire survey of students of the final course of the specialty "Social Work" are presented in order to identify the existing needs of professional development.

Профессиональное становление студентов среднего профессионального образования (СПО), особенно в таких социально ориентированных специальностях, как «Социальная работа», представляет собой сложный и многокомпонентный процесс, включающий развитие профессиональных компетенций, формирование профессиональной идентичности, эмоциональной устойчивости и мотивационной направленности. Специалисты, обучающиеся по данной программе, уже на этапе завершения образовательного процесса сталкиваются с высокой степенью социальной ответственности, что усиливает значимость изучения факторов и механизмов профессионального становления.

Понятие «профессиональное становление» широко представлено в психологических, педагогических и социологических исследованиях: 1) Этап развития профессиональной идентичности, включающий освоение профессиональных ролей, интеграцию мотивов, намерений и личностных качеств (психологический подход) [1]; 2) Результат образовательного процесса, предполагающий овладение профессиональными компетенциями, развитие практических навыков и социального опыта (педагогический подход) [2]; 3) Составная часть профессионализации – длительного макропроцесса, посредством

которого общество и человек формируют представление о конкретном виде занятий как о профессии (социологический подход) [3]. Рассматривая профессиональное становление через призму обозначенных подходов применительно к социальной работе, можно говорить о том, что профессиональное становление – многокомпонентный процесс, включающий когнитивный, мотивационный, практический и личностно-ценностный аспекты, где в качестве центрального элемента выступает профессиональная компетентность, подразумевающая под собой не только владение технологией социальной работы, но и наличие устойчивых гуманистических ценностей, направленных на оказание помощи людям [4]. Внутренне наполнение (структура) профессиональной компетентности отражена на рисунке 1.

Рис. 1 – Структура профессиональной компетентности социального работника

Следует отметить, что нам близка точка зрения В. Н. Медведевой, которая определяет профессиональное становление специалиста по социальной работе как целостный и непрерывный процесс развития практической, образовательной и исследовательской деятельности личности в области социальной работы, ориентированный на формирование у человека профессиональных знаний, умений, навыков и личностных качеств, адекватных квалификационным и этическим стандартам профессии [3].

Теоретический анализ показывает, что профессиональное становление студентов СПО определяется сочетанием их знаний, ценностей, мотивации и практического опыта. Для того чтобы сопоставить эти теоретические положения с реальным уровнем готовности студентов и определить, какие компоненты профессионального становления развиты в большей или меньшей степени, было выполнено эмпирическое исследование – анкетного опроса, в котором приняли участие студенты выпускных курсов (3 и 4 курс) по специальности «Социальная работа». Анкета включала широкий спектр вопросов, охватывающих теоретическую и практическую подготовку, мотивационные установки, эмоционально-волевую готовность, ожидания от профессии, самооценку готовности к трудоустройству, карьерные намерения и потребность в профессиональном сопровождении.

Результаты данного исследования позволяют перейти от теоретических предпосылок к объективной оценке профессиональной готовности выпускников СПО. Полученные результаты демонстрируют, что когнитивный компонент профессионального становления сформирован частично: большинство студентов оценивают свои теоретические знания как достаточные, но требующие углубления. 70 % респондентов указали на частичную уверенность в теоретической подготовке, что может быть связано с наличием у студентов проблем в систематизации и структурировании полученных знаний. Интересно, что более половины участников исследования (60%) отметили частичную нехватку теоретических знаний, что может быть связано с потребностью более углубленной подготовки, что в целом, естественно для студентов, завершающих обучение и «стоящих на пороге» вхождения в профессиональную деятельность.

Практический компонент профессиональной готовности проявился как менее устойчивый. 80% респондентов отмечали недостаточный опыт выполнения реальных профессиональных задач, особенно связанных с взаимодействием с различными категориями получателей социальных

услуг. Значительная часть студентов (52%) выражала опасения относительно работы с семьями в кризисе, пожилыми людьми, несовершеннолетними в трудной жизненной ситуации, что указывает потребность в большем количестве практических занятий, направленных на формирование устойчивых профессиональных навыков.

Мотивационный компонент, напротив, продемонстрировал выраженную устойчивость. 80% студентов характеризуют свою профессиональную мотивацию как ценностно ориентированную: большинство рассматривают профессию социального работника как способ помощи людям и вклад в улучшение качества жизни различных групп населения. Однако одновременно наблюдается неустойчивость карьерных ожиданий: часть респондентов не уверена в своём дальнейшем продвижении, допускает смену сферы или необходимость дополнительного образования.

Большую значимость имеют данные о эмоционально-волевой готовности. Респонденты (75%) отмечали высокий уровень эмпатии, терпения и способности к установлению контакта, что соответствует требованиям профессии. Однако многие (65%) указывали на недостаточный уровень стрессоустойчивости и опасения по поводу эмоционально насыщенных ситуаций, что говорит о потребности в развитии навыков саморегуляции и профессиональной рефлексии.

Особое внимание в исследовании уделено потребности в наставнической поддержке. Большинство студентов (90%) указали, что нуждаются в сопровождении тьютора или наставника в период адаптации на будущем рабочем месте. Это показывает осознание сложности будущей деятельности и необходимость профессионального сопровождения при выходе на работу, что соответствует современным моделям профессиональной социализации и осуществляемым в вузе программам постдипломного сопровождения и содействия трудоустройству.

Таким образом, результаты исследования показывают, что студенты СПО по специальности «Социальная работа» обладают выраженной мотивацией и формирующимся уровнем профессиональной компетентности, однако испытывают дефициты практического опыта, недостаточную уверенность в профессиональных умениях и повышенную потребность в наставничестве. Эти данные подтверждают теоретические представления о многоуровневой структуре профессионального становления и подчёркивают необходимость совершенствования практико-ориентированных методов обучения, расширения профессиональных проб и внедрения систем наставничества для выпускников СПО.

Литература:

1. Зеер Э. Ф. Психология профессионального развития. — М.: Академия, 2013. — 256 с.
2. Слепцова Л. Ю. Повышение квалификации педагогических кадров в контексте компетентностного подхода как условие инновационного развития региональной системы образования // Социальный ресурс образования региона : сб. материалов Областной науч.-практ. конф., Витебск, 8 декабря 2018 г. – Витебск : ВОИРО, 2018. – С. 16–20.
3. Медведева В. Н. Профессиональное становление специалистов по социальной работе [Электронный ресурс] // Наука и современность. – №12-2. – 2011. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-stanovlenie-spetsialistov-po-sotsialnoy-rabote> (дата обращения: 16.11.2025).
4. Холостова Е. И. Социальная работа: теория и практика. — М.: Дашков и К°, 2020. — 352 с.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ У МОЛОДЕЖИ

А. К. Новоселова

**Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, naprimerovaa@gmail.com
Научный руководитель: Волченко С. Ю.**

Статья посвящена исследованию влияния гендерного фактора на восприятие и стратегии разрешения конфликтов в молодежной среде. На основе теоретического анализа и эмпирического исследования (анкетирование 91 студента) выявлены ключевые различия в поведенческих паттернах и установках юношей и девушек.

The article examines the influence of the gender factor on the perception and strategies of conflict resolution among youth. Based on a theoretical analysis and empirical research (a survey of 91 students), key differences in the behavioral patterns and attitudes of young men and women were identified.

Актуальность изучения гендерных аспектов в разрешении конфликтов среди молодежи обусловлена тем, что молодежь как социально-демографическая группа находится в особом положении, на стыке множества социальных противоречий. Этот период жизни характеризуется активным поиском идентичности, становлением личности и интеграцией в общество, что неизбежно сопровождается высокой конфликтогенностью. Понимание факторов, влияющих на

поведение молодых людей в ситуациях противостояния, является ключом к эффективному управлению ими. Одним из таких фундаментальных факторов выступает гендер, понимаемый не как биологическая данность, а как сложный социальный конструкт, система предписанных ролей, ожиданий и моделей поведения, которые общество приписывает мужчинам и женщинам.

Социально-психологический подход акцентирует переходность этого этапа, сопровождающуюся гормональными перестройками и неустойчивостью психики, что обуславливает преобладание эмоций над логикой [4]. Психологический подход рассматривает молодость как уникальную стадию формирования ценностей и целей, сопряженную с внутренними конфликтами [9]. Субкультурный подход подчеркивает неоднородность молодежи, чье объединение в группы с особыми нормами может порождать конфликты с доминирующей культурой [4]. Стратификационный подход определяет молодежь как группу с неполным, часто низким социальным статусом, что создает почву для конфликтов неравенства. Интеграционный взгляд позволяет синтезировать эти позиции, определяя молодежь как группу с формирующимся личностным ядром, но изменчивой системой ценностей и недостаточным жизненным опытом, что и делает ее уязвимой.

Ключевыми технологиями являются переговоры как совместный поиск решения, которые среди молодежи часто носят неформальный и эмоциональный характер; консультирование у специалиста, чью роль в неформальной среде часто выполняют друзья или родители; посредничество с привлечением третьей стороны; медиация как структурированная форма посредничества, которая мало распространена из-за недостаточной информированности; и арбитраж как вынесение обязательного решения, используемое в крайних случаях [1].

Гендерный фактор является центральным для понимания заявленной проблемы. Необходимо проводить четкое различие между биологическим полом (sex) как совокупностью анатомо-физиологических характеристик и гендером (gender) как социальным конструктом, системой норм, ролей и ожиданий, предписывающих, как должны вести себя мужчина и женщина [2].

Основные теории гендера раскрывают его природу с разных сторон. Теория социального конструирования, разработанная Бергером и Лукманом, утверждает, что гендер не дан от природы, а создается в процессе социализации через семью, образование, СМИ и повседневные практики; индивид не только пассивно усваивает, но и активно воспроизводит эти нормы [5]. Подход к гендеру как к стратификационной категории рассматривает его как систему иерархии

и власти, где маскулинные черты и роли в патриархальном обществе ассоциируются с доминированием и высоким статусом, а фемининные – с подчинением [3]. Теория гендера как культурной метафоры показывает, что «мужское» и «женское» служат культурными кодами, проецируемыми на различные явления (рациональное/чувственное, культура/природа), где мужское традиционно оценивается выше. В контексте конфликтов ключевую роль играют гендерные стереотипы – устойчивые, обобщенные представления о поведении мужчин и женщин. Стереотипно мужское поведение в конфликте ассоциируется с агрессией, прямолинейностью и стремлением доминировать, а женское – с эмоциональностью, стремлением к компромиссу и обсуждению чувств. Эти стереотипы не просто описывают, но и предписывают поведение, ограничивая поведенческий репертуар молодых людей [7].

Эмпирическое исследование, проведенное среди студентов НГТУ (выборка 91 человек, из них 20 мужчин и 71 женщина), позволило выявить конкретные проявления этих теоретических положений на практике. Анализ восприятия конфликтов в целом показал, что хотя большинство респондентов считают их нормальной частью жизни, среди мужчин доля тех, кто оценивает конфликты как негативное явление, оказалась существенно выше (24% против 1% у женщин), что может указывать на их большую ориентацию на избегание конфликтов как угрозы стабильности. При этом лишь 21% опрошенных считают пол значимым фактором, влияющим на поведение в конфликте, и что примечательно, большинство из них – женщины. Это косвенно свидетельствует о том, что девушки более рефлексивно относятся к гендерным различиям.

Наиболее яркие результаты были получены при анализе стереотипного восприятия поведения в конфликте. Было выявлено разительное расхождение между самооценкой мужчин и восприятием их женщинами. Женщины склонны видеть в мужчинах агрессию и вспыльчивость (38 из 71), в то время как сами мужчины представляют себя рациональными переговорщиками, стремящимися к диалогу и компромиссу (8 и 9 человек соответственно из 20). Это яркое подтверждение силы гендерного стереотипа, который разделяется женщинами, но отрицается самими мужчинами. Аналогичный вопрос о поведении женщин показал, что образ «эмоциональной и конфликтной» женщины является доминирующим как для внешнего восприятия мужчинами (12 из 20 отметили вспыльчивость), так и для самооценки женщин (26 из 71). При этом женщины также отмечают у себя стремление доказать правоту и договориться.

Анализ «нехарактерного» поведения подтвердил устойчивость стереотипов: и юноши, и девушки сошлись во мнении, что для мужчин нехарактерны эмоциональная уязвимость, избегание конфликта и долгое размышление, а для женщин – прямолинейность, упорство в своей позиции и нежелание обсуждать эмоции. Однако, несмотря на стереотипы, практический выбор стратегий в смоделированных конфликтных ситуациях показал доминирование конструктивного подхода. Подавляющее большинство респондентов, независимо от пола, выбрали стратегию переговоров, что говорит о высокой ценности конструктивного диалога в молодежной среде. На втором месте оказались стратегии посредничества и консультирования. При этом мужчины несколько чаще демонстрировали склонность к конфронтационным действиям, но это не стало доминирующим трендом.

Подводя итог, можно сказать, что гендерные стереотипы оказывают влияние на восприятие и интерпретацию конфликтного поведения в молодежной среде, создавая существенный разрыв между самооценкой и внешним восприятием, особенно у молодых людей. Эти стереотипы выступают как социальные нормы, оказывающие давление и ограничивающие поведенческий репертуар. Однако на практике современная молодежь, независимо от половой принадлежности, демонстрирует выраженную ориентацию на конструктивные методы разрешения споров, в первую очередь на переговоры. Это указывает на высокий потенциал конфликтологической компетентности.

Таким образом, гендерный фактор влияет не столько на конечный выбор конструктивной стратегии, сколько на его эмоциональное сопровождение и восприятие действий оппонента через призму стереотипных ожиданий.

Литература

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология // Учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ. – 2023. – С. 399.
2. Бровина А. В., Маленко Е. Ю. К вопросу о дефинициях биологического пола, грамматического рода и гендера / [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. №2 (49). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-definitsiyah-biologicheskogo-pola-grammaticeskogo-roda-i-gendera> (дата обращения: 23.11.2025).
3. Воронина О. А. Теоретические, эмпирические и политические аспекты гендерных исследований в России / [Электронный ресурс] // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. №2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie>

empiricheskie-i-politicheskie-aspekty-gendernyh-issledovaniy-v-rossii (дата обращения: 20.11.2025).

4. Загребин В. В. Подходы к определению категории «Молодёжь» / [Электронный ресурс] // Концепт. 2014. №2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-opredeleniyu-kategorii-molodyozh> (дата обращения: 22.11.2025).

5. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальное конструирование гендера / [Электронный ресурс] // Социологический журнал. 1998. №3-4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-konstruirovanie-gendera> (дата обращения: 24.11.2025).

6. Зубок Ю. А. Конфликты / [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2005. №2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikty> (дата обращения: 23.11.2025).

7. Коноплева Н. А., Карабанова С. Ф. Гендерные основания имиджа личности в современной культуре / [Электронный ресурс] // Территория новых возможностей. 2014. №4 (27). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-osnovaniya-imidzha-lichnosti-v-sovremennoy-kulture-1> (дата обращения: 25.11.2025).

8. Крутько И. С., Попова Н. В., Толвайшис Л. Л. Конфликтология в работе с молодежью / [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. – 2020. – С. 68. - URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/95142/1/978-5-7996-3116-1_2020.pdf (дата обращения: 23.11.2025).

9. Масалов А. Г. Теоретические подходы к определению сущности молодежи / [Электронный ресурс] // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2012. №2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-opredeleniyu-suschnosti-molodezhi> (дата обращения: 26.11.2025).

10. Федеральный закон от 30.12.2020 N 489-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «О молодежной политике в Российской Федерации» / [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант Плюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/c5051782233a cca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ (дата обращения: 29.11.2025).

11. Шутемова О. Н. Управление разрешением конфликтов в системе образования / [Электронный ресурс] // Экономика и социум. 2019. №10 (65). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-razresheniem-konfliktov-v-sisteme-obrazovaniya> (дата обращения: 28.11.2025).

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

A. I. Onawharaye

Новосибирский государственный технический университет,

г. Новосибирск, loisakpevwe@gmail.com

**Научный руководитель: Лебедева-Несевря Н. А., д-р.социол.наук,
проф.**

Исследование посвящено анализу корреляции между полом, возрастом и психоэмоциональным благополучием студентов НГТУ. На выборке студентов Института социальных технологий показано мужчины и женщины заботятся о своем психоэмоциональном благополучии по-разному.

This study clearly illustrates the students' concern for their psycho-emotional well-being. This study is a compilation of data on 188 students of Novosibirsk State Technical University and reflects the level of correlation between their gender and age and how this affects their psycho-emotional well-being, regardless of their level of education and specialty (bachelor's degree, master's degree). It also reflects the level of their actions to ensure their psycho-emotional well-being.

Ежедневно в ходе своей повседневной деятельности мы сталкиваемся с различными вызовами (академическими, когнитивными, организационными, бытовыми), и умение соблюдать баланс является одним из важнейших инструментов, способствующих эффективности. Для любого человека здоровье имеет первостепенное значение в контексте существования. Настоящее исследование концентрируется на важности психоэмоционального благополучия студентов современного российского вуза.

Психологическое благополучие (ПБ) – это многогранное понятие, которое охватывает аспекты позитивного функционирования, самореализации и способности противостоять жизненным трудностям [1]. Многие студенты часто борются с различными проблемами, не зная, как улучшить свое психоэмоциональное состояние. Количество сообщений о проблемах с психическим здоровьем среди студентов растет во всем мире [2]. Согласно отчету Healthy Minds Network (HMS) за 2022–2023 годы, 36% опрошенных студентов указали, что получают консультации или проходят терапию. В Китае за последнее десятилетие значительно возросла распространенность тревожности, депрессии, проблем со сном и попыток суицида среди студентов колледжей [3].

Основной вопрос, возникающий в данном исследовании: обеспокоены ли студенты своим психоэмоциональным состоянием или

нет? И если да, то что они предпринимаются для стабилизации своего состояния, профилактики негативных эффектов.

Эмпирической базой исследования выступили результаты анкетирования студентов с использованием специально разработанного опросника. Объем выборочной совокупности составил 188 человек (43,1% мужчин и 56,9% женщин в возрасте от 17 до 37 лет) – российских и иностранных студентов дневного отделения Института социальных технологий Новосибирского государственного технического университета, обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры.

Согласно результатам анкетирования (см. таблицу), процент студентов из выборки, которые предпринимают конкретные усилия по поддержанию своего психоэмоционального благополучия – используют практики саморегуляции, общаются с друзьями и семьей, употребляют медикаменты и биологически активные добавки, занимаются спортом и периодически отдыхают – весьма высок.

**Таблица – Распределение ответов респондентов на вопрос
«Делаете ли вы что-то специально для поддержания своего
психоэмоционального благополучия, снятия стресса,
улучшения настроения?» (в % к общему числу опрошенных)**

Пол	Никогда	Редко	Время от времени	Часто	Постоянно
Мужчины	27,2	23,5	29,6	12,3	7,4
Женщины	9,4	112,3	55,7	14,2	9,4

Также была выявлена значимая корреляция между полом (мужской и женский) и уровнем обеспокоенности студентов своим психоэмоциональным благополучием. Согласно собранным данным, процент студенток, проявляющих заботу о своем психоэмоциональном состоянии, существенно выше, чем среди студентов-мужчин. Статистические показатели подтверждают значимость этих различий: критерий согласия Пирсона χ^2 равен 20,011 ($p < 0,01$, асимптотическая значимость), коэффициент корреляции Пирсона R равен 0,237, коэффициент ранговой корреляции Спирмена равен 0,246.

В ходе работы была выявлена необходимость повышения осведомленности среди студентов, которые еще не проявляют заботы о своем психоэмоциональном благополучии, а также подчеркнуто положительное влияние такой заботы на здоровье в целом. Результаты анкетирования, несмотря на его пилотажный характер, указывают на значимость разработки образовательных стратегий, направленных на повышение психологической грамотности студентов. Важно

сформировать у студентов НГТУ культуру ответственного отношения к своему состоянию, что является фундаментом для достижения общего благополучия личности, высокого качества жизни.

Литература:

1. Ruff C. D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // J.Pers. Soc. Psychol. 57, 1069-1081.doi: 10.1037/00223514.57.6.1069
2. Orygen. The National Centre of Excellence in Youth Mental Health. URL: https://www.researchgate.net/institution/Orygen_The_National_Centre_of_Excellence_in_Youth_Mental_health (дата обращения: 30.11.2025).
3. Chen Y., Zhang and Yu G. Prevalence of mental health problems among college students in mainland China from 2010 to 2020: a meta-analysis // Adv. Psychol. 2022. Sci.30,991-1004. Doi: 10.3724/SP.J.1042.2022.00.

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В РОССИИ

С. П. Осипова

Новосибирский государственный технический университет,

г. Новосибирск, s.osipova.2024@stud.nstu.ru

Научный руководитель: Мельникова М. С., ст.преп. СРСА

Анализ социальной рекламы в РФ за 10 лет показывает сдвиг от классических тем к патриотизму, ЗОЖ и нацпроектам. Государство — ключевой заказчик. В статье представлена частотность ключевых тематических блоков.

Analysis of Russian social ads over the past decade reveals a shift from classic themes to patriotism, healthy lifestyle, and national projects. The state is the key sponsor. The article presents the frequency of key thematic areas.

Социальная реклама в России за последнее десятилетие претерпела значительные изменения. Сместив акцент с классических тем (борьба с наркотиками, СПИД), она стала в большей степени выражать интересы государственной политики и национальной идентичности.

Анализ роликов в Rutube, TikTok и VK позволяет выделить ключевые тематические блоки по убыванию частоты. Значительная часть рекламы стала производиться или финансироваться государственными структурами и подведомственными организациями:

1. Патриотизм и традиции (~30%) продвигается государством для сплочения общества, особенно молодежи (примеры: "Бессмертный полк", "Россия — страна возможностей").

2. Здоровый образ жизни (~20%) призывы заняться спортом и отказаться от вредных привычек от Минздрава и других ведомств.

3. Национальные проекты (~15%) реклама государственных услуг и программ (например, портала "Госуслуги").

4. Благотворительность (~10%) эмоциональные призывы фондов (как "Подари жизнь") о помощи.

Также просмотрев социальные ролики за каждый год, начиная с 2014 по 2024 и можно выделить в виде таблицы ключевые рекламы.

Таблица 1 – Ключевые темы реклам за последние 10 лет

Год	Ключевая тема рекламы	Компании и примеры
2014	Патриотический подъем (присоединения Крыма и начала геополитической напряженности тема национального единства и патриотизма)	«Крымская весна»
2015	70-летие Победы (Юбилейная дата определила главный информационный повод для социальной рекламы.)	Масштабная кампания «Бессмертный полк», акция «Георгиевская ленточка», ролики о памяти и героизме.
2016	Год Кино, семейные ценности (Официальная тема года сочеталась с продолжением курса на укрепление традиционной семьи.)	Популяризация российского кинематографа, ролики о поддержке семей с детьми, борьба с абортами.
2017	Год экологии, ЗОЖ (Объявленный Год экологии задал тренд, параллельно набирала обороты борьба с новыми угрозами.)	Кампании о раздельном сборе мусора, ролики против вейпов и электронных сигарет.
2018	Чемпионат мира по футболу, Волонтерство (Крупное спортивное событие сфокусировало внимание на спорте и гостеприимстве.)	Реклама здорового образа жизни и спорта, популяризация волонтерского движения.
2019	Национальные проекты (Стартовали масштабные государственные программы, требующие широкого информирования населения.)	Активная реклама портала «Госуслуги» («Решаем вместе»), первые ролики в рамках нацпроектов «Демография» и «Экология».
2020	Пандемия COVID-19 (Тема здоровья и безопасности стала абсолютно доминирующей, оттеснив все остальные.)	Кампании #МыВместе (взаимопомощь), #Оставайсядома, пропаганда масок и санитарии, позднее — информация о вакцинации.
2021	Вакцинация, борьба с мошенниками (Продолжение «ковидной» темы, но с акцентом на вакцинацию.)	Агитация за прививку («Вакцинация — путь к нормальной жизни»), ролики МВД о банковских мошенничествах.

Окончание Таблицы 1

Год	Ключевая тема рекламы	Компании и примеры
2022	Патриотизм, поддержка СВО (События февраля кардинально изменили медиаландшафт. Главной темой стала поддержка военных и национального единства.)	Широкомасштабные акции Z-патриотизма, сбор гуманитарной помощи, поддержка мобилизованных и их семей.
2023	Сплоченность, семья как опора (Тема продолжила развиваться в русле поддержки участников СВО и укрепления традиционных ценностей как основы стабильности.)	Ролики о сплоченности в тылу, укреплении института семьи, помощи детям из новых регионов.
2024	Безопасность, цифровой суверенитет (На фоне санкций и ухода иностранных компаний тема российских IT-решений и цифровой грамотности стала ключевой.)	Активная реклама отечественных соцсетей (VK, RuTube), госсервисов, борьба с мошенничеством.

Опираясь на таблицы, можно разделить социальную рекламу на 6 категорий и сделать небольшую диаграмму, где указаны какие темы больше затрагивались за последние 10 лет (Рис.1):

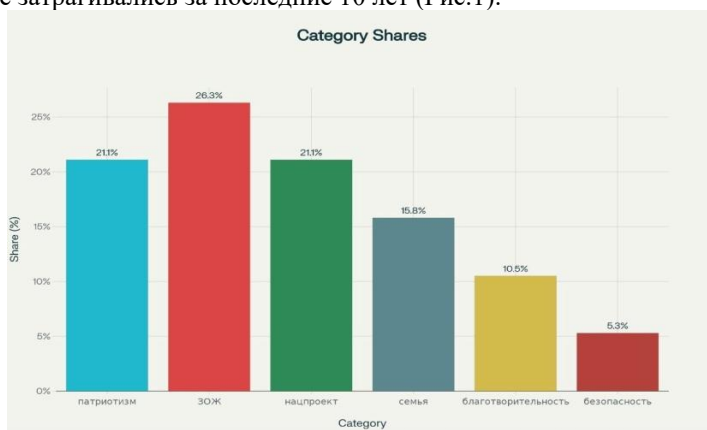

Рис. 1 – Диаграмма категорий социальной рекламы

В итоге получилось таким образом, что категория темы ЗОЖ лидирует.

1. ЗОЖ составляет 26.3%
2. Патриотизм и Нацпроекты составляют 21.1%
3. Семья 15.8%
4. Благотворительность 10.5%
5. Безопасность 5.3%

Таким образом за последние 10 лет социальная реклама в РФ стала более централизованной, идеологически нагруженной и цифровой. Если раньше она в большей степени реагировала на "общечеловеческие" проблемы (болезни, вредные привычки), то сейчас она все чаще формирует запрос на определенную модель поведения и мировоззрения, сочетая пропаганду здорового образа жизни и цифровой грамотности с укреплением патриотизма, традиционной семьи и лояльности государственным институтам.

Литература:

1. О рекламе: Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/f98edd6a9fb0881245dfb14c4d05c1842f907350/ (дата обращения: 27.10.2025).
2. Журавлева Л. А., Зарубина Е. В., Кухарь В. С., Ручкин А. В., Чупина И. П. Социальная реклама: сущность и значение в формировании системы ценностей детей (теоретический аспект) [Электронный ресурс] // Образование и право. – 2022. – № 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-reklama-suschnost-i-znachenie-v-formirovanii-sistemy-tsennostey-detey-teoreticheskiy-aspekt> (дата обращения: 12.11.2025).
3. Россия – страна возможностей, [VK] [Электронный ресурс]. - URL: <https://vk.com/rsvru> (дата обращения: 27.10.2025).
4. Первый канал, бессмертный полк. Никто не забыт, [VK] [Электронный ресурс]. - URL: https://vkvideo.ru/video-25380626_456307705?t=1m14s (дата обращения: 27.10.2025).
5. Судакская крепость, Трезвая Россия, [Rutube] [Электронный ресурс]. - URL: <https://rutube.ru/video/550da5980269876602cc6f5c91562c3d/?r=plwm> (дата обращения: 27.10.2025).
6. ГБПОУ «ЧТТИТ», Платформа обратной связи, [VK] [Электронный ресурс]. - URL: https://vkvideo.ru/video-171212665_456239502 (дата обращения: 27.10.2025).

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ИНВАЛИДОВ С ПОРАЖЕНИЕМ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА ПРИ ЗАНЯТИЯХ АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ

П. А. Павленко

**Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, pavel.89bratwa@mail.ru**

**Научный руководитель: Мозговая Т. П., руководитель ЦИС НГТУ,
ст. преп. каф. СРСА НГТУ, специалист РУМЦ НГТУ**

Статья посвящена изучению социализации инвалидов при занятиях адаптивным регби. Показано, что адаптивная физическая культура и спорт выполняют в настоящее время важную роль в решении вопросов социализации, профессиональной адаптации и лиц с инвалидностью по опорно-двигательному аппарату.

This article examines the socialization of individuals with disabilities through adaptive rugby. It demonstrates that adaptive physical education and sport currently play an important role in addressing issues of socialization and professional adaptation for individuals with musculoskeletal disabilities.

На сегодняшний день актуальность проблемы изучения качества жизни людей с ограниченными возможностями здоровья связывается с устойчивым увеличением в социальной структуре общества числа людей с инвалидностью. В настоящее время в нашей стране насчитывается более 11,4 млн инвалидов, что составляет более чем 7,6% населения (в том числе более 600 тысяч с поражением опорно-двигательного аппарата) [1]. По данным статистики систематически занимаются спортом 1,6 млн инвалидов, из них 215 тыс. инвалидов с нарушениями опорно-двигательного аппарата [2].

Инвалидность, связанная с поражениями опорно-двигательного аппарата, бывает врожденная либо приобретенная в результате травм или заболеваний. В связи с чем человек может потерять работу и способность к самообслуживанию. Возникают проблемы с адаптацией в семье и обществе.

Человек с инвалидностью испытывает дискомфорт в общении с окружающими, чувствует неуверенность в себе, становится замкнутым, а иногда агрессивным. Поэтому инвалидам, в том числе с поражениями ОДА нужна реабилитация и адаптация к новым условиям жизни.

Одним из вариантов выхода из подобных ситуаций является приобщение человека с ОВЗ и инвалидностью к занятиям физической культурой и спортом в адаптированном формате. Физическая спортивная активность – это не только стимул к поддержанию хорошей физической

формы, но и стимул к общению, социализации и самореализации в сфере спорта. Грамотно организованные и адаптированные к потребностям лица с инвалидностью физические нагрузки восстанавливают не только физическое, но и психологическое равновесие, открывают для человека новые возможности.

Для проверки данной гипотезы нами было организовано и проведено эмпирическое исследование, направленное на определение роли занятий адаптированной физической культурой и спортом в процессе социализации инвалидов с поражениями опорно-двигательного аппарата. В качестве эмпирического объекта выступили инвалиды с поражением опорно-двигательного аппарата мужского пола (колясочники) в возрасте от 25 до 43 лет. При этом 8 человек из них являются спортсменами и занимаются адаптивным регби не менее двух лет. 6 человек – физкультурной и спортом не занимаются. В качестве метода сбора эмпирического материала выступило интервью.

По результатам анализа данных интервью выяснилось, что мужчины, которые занимаются адаптивным регби, ведут активную социальную жизнь: имеют широкий круг общения, имеют среднее специальное (2 чел.) и/или высшее образование (6 чел.), регулярно занимаются спортом, участвуют в соревнованиях, посещают различные культурно-досуговые мероприятия, часто путешествуют. 4 из 8 инвалидов-спортсменов официально трудоустроены и имеют полные семьи (жену и детей). При этом спортсмены связывали свои успехи в преодолении трудностей адаптации в обществе именно с занятиями спортом, которые развивали в них выносливость, стрессоустойчивость, стремление к победе и коммуникативные навыки.

Из 6 мужчин, которые не занимались адаптированными физкультурой и спортом 3 имели образование только на уровне 9-11 классов, 3 на уровне среднего профессионального образования и только 2 человека планировали получать высшее образование в будущем. Респонденты этой группы имели узкий круг общения (в основном родственники), практически не посещают культурно-досуговые мероприятия (даже зная об их доступности). Только 2 официально работают. Никто из 6 не находится в брачных отношениях и не имеет детей. Никто из 6 человек не выезжал за пределы г. Новосибирска просто для путешествия, практически всегда это было связано с лечением или семейными обстоятельствами.

Таким образом, можно сделать вывод, что занятия адаптивными физической культурой и спортом играют положительную и стимулирующую роль в социализации инвалидов, в том числе с поражениями опорно-двигательного аппарата.

Литература:

1. Инвалиды в России, 2025 год. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01077/barom01.php> (дата обращения 15.11.2025).
2. Решение заседания Совета по делам инвалидов при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему «Создание условий для занятий физической культурой и спортом инвалидов, включая детей-инвалидов, и лиц с ограниченными возможностями здоровья: итоги 2021 года и основные мероприятия на 2022 год». [Электронный ресурс]. - URL: <http://council.gov.ru/media/files/HvBzRsSkB46zv9yjtqmDzo2aJiEB7o0F.pdf> (дата обращения 10.11.2025).
3. Бушенева И. С., Еремин И. В., Савченко В. В. Физическая культура и спорт как средство повышения уровня и качества жизни инвалидов // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 8. – С. 107-111.
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 года N 3081-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Кодекс. - URL: <https://docs.cntd.ru/document/566430492> (дата обращения: 12.11.2025).

ДИАГНОСТИКА ПРОБЛЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ МОЛОДЁЖНЫХ ЦЕНТРОВ

С. В. Перевалова

**Новосибирский государственный технический университет
г. Новосибирск, persik2002nsk@mail.ru**

Научный руководитель: Жданова И. В., к.ф.н., доцент

Актуальность исследования обусловлена системным несоответствием между современными требованиями к работе с молодежью и устаревшими подходами к профессиональной подготовке сотрудников молодежных центров, что снижает эффективность реализации государственной молодежной политики. Цель работы — диагностировать проблему низкой эффективности тренинговых технологий в профессиональной деятельности сотрудников молодежных центров и определить пути ее решения. Новизна заключается в применении социально-работного подхода к анализу проблемы, что позволило выявить системные, а не только индивидуальные или ресурсные барьеры.

The relevance of the study is due to the systemic discrepancy between modern requirements for working with young people and outdated approaches to the

professional training of employees in youth centers, which reduces the effectiveness of the implementation of state youth policy. The purpose of the work is to diagnose the problem of low efficiency of training technologies in the professional activities of employees in youth centers and to identify ways to solve it. The novelty lies in the application of a socio-work approach to the analysis of the problem, which allowed us to identify systemic barriers rather than just individual or resource-related barriers.

Современная социальная реальность характеризуется динамичной трансформацией ценностных ориентаций молодежи, распространением цифровых технологий и новых форм коммуникации. В этих условиях учреждения молодежной политики призваны играть ключевую роль в адаптации и социализации молодого поколения. Однако их эффективность напрямую зависит от профессиональной компетентности сотрудников, чье развитие должно соответствовать вызовам времени. Актуальность данного исследования определяется наличием устойчивой проблемы: применяемые тренинговые технологии в деятельности сотрудников молодежных центров зачастую не отвечают современным требованиям, что приводит к снижению качества предоставляемых услуг. Целью работы является комплексная диагностика данной социальной проблемы и выработка научно обоснованных рекомендаций по ее решению.

Исследование опирается на системный подход, позволяющий рассмотреть проблему на индивидуальном, организационном и системном уровнях. Для сбора данных использовался комплекс методов:

1. Анализ вторичных данных: изучение официальной статистики (количество молодежных центров и сотрудников в г. Новосибирске), отчетов образовательных учреждений (деятельность Корпоративного университета молодежной работы НСО).

2. Контент-анализ научных публикаций и методических материалов для оценки степени изученности проблемы и выявления существующих решений.

3. Эмпирические методы: анкетирование 57 сотрудников молодежных центров для выявления их потребностей в повышении квалификации, а также проведение фокус-группы для качественного анализа несоответствия форматов работы запросам молодежи (весна 2024 г.).

Проведенный анализ позволил установить реальное наличие системной проблемы. Количественные данные демонстрируют ее масштаб: при общем числе сотрудников молодежных центров Новосибирска, превышающем 3100 человек, единственный профильный университет охватывает курсами повышения квалификации лишь около 160 специалистов в год (5%). Это свидетельствует о фрагментарности

системы подготовки и отсутствии непрерывного профессионального развития.

Качественные исследования подтвердили глубину проблемы. Опрошенные специалисты (35%) отмечают изменения требований к своим компетенциям и выражают заинтересованность в тренинговых форматах как наиболее практико-ориентированных. Фокус-группа выявила значительный разрыв между традиционными лекционно-семинарскими методами и ожиданиями молодежи, живущей в эпоху клипового мышления и цифровых коммуникаций.

С позиции социальной работы проблема была структурирована. Выделены ключевые аспекты, относящиеся к ее компетенции: профессиональная подготовка кадров (анализ системы «специалист – учреждение – целевая группа»), социально-ориентированные технологии вовлечения (принцип субъектности, учет социального многообразия) и оптимизация организационных механизмов (управление качеством, межведомственное взаимодействие).

Иерархизация компонентов проблемы показала, что ключевыми (стратегическими) являются: отсутствие системы непрерывного профессионального развития, несоответствие технологий запросам молодежи и дефицит практико-ориентированных программ. Тактические проблемы (недофинансирование, сопротивление персонала) и контекстуальные факторы (цифровизация) являются производными или усиливающими.

Анализ успешных практик, таких как онлайн-платформа «Академия РДШ» (охват >15 000 специалистов) и европейская программа «Youth Worker Academy» (рост профуверенности на 32%), демонстрирует потенциал комплексных решений, сочетающих инновационные методики, цифровизацию и системный подход к подготовке кадров.

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о наличии системной проблемы низкой эффективности тренинговых технологий в работе молодежных центров. Установлено, что проблема имеет многоуровневый характер и проявляется в дефиците актуальных компетенций у специалистов, устаревших организационных моделях и недостаточной научной изученности вопроса.

Основные выводы сводятся к следующему:

1. Существующая система повышения квалификации сотрудников молодежных центров носит фрагментарный характер и не обеспечивает необходимых системных изменений.
2. Наиболее востребованными со стороны специалистов являются практико-ориентированные тренинговые форматы, позволяющие непосредственно формировать необходимые навыки.

3. Решение проблемы требует комплексного подхода на институциональном уровне, включающего разработку профессиональных стандартов, внедрение современных образовательных технологий (включая цифровые платформы) и создание системы мониторинга эффективности.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты и выводы могут служить основой для разработки концепции модернизации системы профессиональной подготовки кадров для сферы молодежной политики, что будет способствовать повышению ее эффективности в целом.

Литература:

1. Андреев А. В. Молодежная политика в России: состояние и перспективы. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.asdg.ru/mo/materials/2018/molodezhn-politika2018/Novosib.pdf> (дата обращения: 13.06.2025).
2. Навигатор. Академия РДШ. [Электронный ресурс]. - URL: <https://p55.навигатор.дети/program/425-programma-akademiya-rdsh> (дата обращения: 03.06.2025).
3. Сайт администрации Новосибирска. Молодежная политика. [Электронный ресурс]. - URL: <https://novo-sibirsk.ru/to-citizens/social/youth/> (дата обращения: 03.06.2025).
4. Уральский федеральный университет. Научные публикации. [Электронный ресурс]. - URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/105784/1/978-5-7996-3377-6_2021.pdf (дата обращения: 25.05.2025).
5. Youth Workers Academy. About Us. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.youthworkersacademy.org/about> (дата обращения: 01.06.2025).

РОЛЬ ГРУПП САМОПОМОЩИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ЗАВИСИМЫХ ЛИЦ

Е. В. Рекварт

Новосибирский государственный технический университет,

г. Новосибирск, lisarekvart@gmail.com

Научный руководитель: Волченко С. Ю., ст. преп. СРСА

В работе исследуется роль групп самопомощи в системе социальной поддержки зависимых лиц. Анализируются механизмы функционирования, особенности программы «12 шагов», участие социального работника и

факторы устойчивой ремиссии. Обозначены проблемы интеграции групп в реабилитационную систему и перспективы развития.

The paper examines the role of self-help groups within the social support framework for dependent individuals. It analyzes operational mechanisms, specifics of the 12-step model, the involvement of social workers, and the factors of sustained remission. Challenges of integration into rehabilitation structures and future development prospects are outlined.

Зависимость представляет собой сложное биопсихосоциальное явление, оказывающее разрушительное влияние как на личность, так и на её окружение. Рост числа зависимых лиц в России и мире требует разработки эффективных форм социальной поддержки. В современных исследованиях подчеркивается важность сочетания медицинских и социальных подходов в реабилитации, что обеспечивает комплексное восстановление человека [1].

Одним из ключевых инструментов социальной реабилитации стали группы самопомощи, объединяющие людей, имеющих общий опыт зависимости и стремящихся к поддержанию устойчивой ремиссии. Данный формат позволяет создать безопасную среду для обмена опытом, формирования доверия и развития навыков саморегуляции.

Объект исследования — группы самопомощи как элемент социальной поддержки зависимых людей. Предмет исследования — механизмы групповой динамики и влияние участия в группах на длительность ремиссии.

Группы самопомощи функционируют на принципах добровольности, взаимной поддержки, равенства участников и ориентации на личную ответственность. Важным методологическим основанием является программа «12 шагов», в которой используется система духовно-психологического роста, предполагающая переосмысление опыта, развитие ответственности, исправление ошибок и передачу опыта другим зависимым [2].

Важнейшим элементом является групповая динамика: участие в регулярных встречах способствует развитию чувства принадлежности, что снижает уровень социальной изоляции, характерной для зависимых лиц. Эмоциональная поддержка, обмен реальными историями восстановления и возможность обсуждения трудностей делают группы эффективным ресурсом ресоциализации.

Особую роль в интеграции групп в систему социальной работы играет социальный работник. Его функции включают мотивацию клиентов на участие, координацию взаимодействия с медицинскими учреждениями, решение социально-бытовых вопросов, консультирование и организацию маршрутов помощи. Социальный работник также

способствует формированию у участников навыков самоконтроля, восстановлению внутренних ресурсов и укреплению социальных связей [3].

Одной из ключевых задач на этапе реабилитации является формирование устойчивой мотивации к трезвости. Группы самопомощи способствуют осознанию причин зависимости, обучают навыкам эмоциональной регуляции и помогают развивать ответственность за собственное поведение. Социальные работники отмечают, что участие в группах повышает уверенность в возможности восстановления и создает долгосрочную поддержку после завершения медицинского этапа.

Значительным преимуществом групп является их доступность: большинство сообществ функционирует на основе добровольных пожертвований, что позволяет привлекать широкий круг участников независимо от уровня дохода. Многие группы имеют гибкий график встреч, а также предлагают онлайн-форматы, что расширяет возможности участия для людей, проживающих в удаленных районах [4].

В России развитие групп самопомощи активно поддерживается государственными, религиозными и некоммерческими организациями. В нормативных документах подчеркивается необходимость включения групп самопомощи в официальные маршруты помощи зависимым. ГОСТ Р 54990–2018 закрепляет задачи социальной реабилитации, среди которых — восстановление социальных связей, обучение навыкам саморегуляции и развитие самостоятельности [5].

Проблемы развития групп самопомощи включают недостаточную осведомлённость населения о возможности участия, ограниченность ресурсов, низкий уровень взаимодействия между государственными структурами и некоммерческими организациями. Также сохраняется стигматизация зависимых лиц, что препятствует их вовлечению в реабилитационные процессы. Для преодоления данных трудностей необходима популяризация практики самопомощи и развитие межведомственного взаимодействия.

Перспективы развития групп самопомощи связаны с расширением образовательных программ, подготовкой специалистов социальной сферы, созданием ресурсных центров, а также укреплением партнерства между государственными учреждениями, благотворительными фондами и волонтерскими организациями.

Таким образом, группы самопомощи являются важнейшим элементом современной системы социальной реабилитации зависимых лиц. Их эффективность обусловлена сочетанием эмоциональной поддержки, духовно-психологической модели восстановления, регулярности встреч и активного участия специалистов социальной

работы. Интеграция групп в реабилитационные программы способствует укреплению ремиссии, повышению качества жизни и успешной ресоциализации зависимых людей.

Литература:

1. Алкоголизм // Большая российская энциклопедия: электронная версия [Электронный ресурс]. – URL: <https://old.bigenc.ru/sociology/text/1813568> (дата обращения: 05.10.2025).
2. Кравченко О. О., Амлаев К. Р., Мажаров В. Н., Зафирова В. Б., Хубиева Д. Х. Особенности реализации 12-шаговых программ лечения анонимных алкоголиков // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2024. – № S1. – С. 77–82.
3. Ковалева Ю. В. Роль специалиста по социальной работе в системе помощи зависимым клиентам // Теологический вестник. – 2017. – № 2. – С. 44–49.
4. Анонимные Алкоголики в России [Электронный ресурс]. – URL: <https://aarussia.ru> (дата обращения: 05.10.2025).
5. ГОСТ Р 54990–2018. Реабилитационные социальные услуги. Общие требования к организации и предоставлению. – М.: Стандартинформ, 2019. – 24 с.

МЕДИАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ СПОРОВ

Е. О. Салтымакова

**Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, е**

Научный руководитель: Мозговая Т. П., ст. преп. СРСА

В статье рассматривается медиация как один из эффективных механизмов урегулирования семейных споров. Анализируются теоретические основы медиации, ее этапы, конфликтный потенциал семейных отношений, а также семь реальных семейных споров в медиации. Особое внимание уделено специфике семейных споров, где важна сохранность отношений между сторонами. Отмечено, что медиация способствует снижению конфликтности и сохранению отношений между членами семьи.

The article examines mediation as one of the effective mechanisms for resolving family disputes. It analyzes the theoretical foundations of mediation, its stages, the conflict potential of family relations, and seven real-life family disputes in mediation. Special attention is paid to the specifics of family disputes, where the preservation of relations between the parties is important. It is noted that mediation helps to reduce conflict and maintain relationships between family members.

Семейные отношения – один из ключевых элементов социальной структуры общества, а семейные споры – неизбежная часть этой структуры. По данным судебной статистики, только в 2023 году в России было рассмотрено около 850 тысяч дел по семейным спорам, среди которых наиболее частыми являются разводы, взыскании алиментов и раздел имущества [5].

Проблема исследования заключается в противоречии между высокой социальной актуальностью медиации как альтернативного метода урегулирования семейных споров и отсутствием глубокого исследования её практического применения в российской науке.

Объектом исследования является разрешение семейных споров как стратегия управления семейными спорами. Предмет исследования – медиация как механизм урегулирования семейных споров.

Целью исследования является изучить медиацию как механизм урегулирования семейных споров.

Анцупов А. Я. писал, что в основе любого конфликта лежит противоречие, которое обычно ведет к конструктивным или деструктивным последствиям, а семейные отношения отличаются высокой эмоциональной насыщенностью, поэтому споры неизбежны [2]. Социологические исследования показывают, что 80-85% семей сталкиваются с конфликтами [6]. Основными причинами семейных споров являются, неудовлетворенность потребностей членов семьи, финансовые трудности, зависимости и измены [3]. Выделяются различные стратегии управления спорами: профилактика, предупреждение, урегулирование, разрешение, прогнозирование, нейтрализация и прочие [1]. На практике механизмы разрешения семейных споров делятся на публичные (юрисдикционные) и частные (альтернативные). Альтернативные механизмы более гибки, переговоры позволяют прийти к компромиссу, но не имеют обязательной силы.

Медиация – это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения [4]. Медиация основывается на четырех основных принципах: добровольность, нейтральность медиатора, конфиденциальность процесса и равноправие сторон. Процесс медиации включает несколько встреч, в ходе которых стороны обсуждают проблему, определяют интересы и находят решение, итогом встреч становится медитативное соглашение, которая в дальнейшем может быть утверждено судом как мировое.

Каждый семейный спор уникален, а кейс стади позволяет проанализировать конкретные случаи, учитывая обстоятельства, поэтому

именно этот метод был выбран для изучения практики применения медиации.

В исследовании было рассмотрено 7 кейсов, содержащих разные семейные споры. Анализ осуществлялся на основе критериев: состав участников, предмет спора, этапы медиации, результат.

Были рассмотрены следующие кейсы:

Кейс №1 «Раздел имущества между бывшими супругами, у которых есть несовершеннолетние дети». Основными предметами спора стали вопросы справедливого раздела имущества и порядок воспитания и общения с детьми. По итогам процедуры медиации супруг полностью отказался от судебного спора и забрал исковое заявление, а супруга передала в его собственность один из объектов недвижимости. Помимо этого, они договорились о приемлемых для каждого из них методах воспитания детей.

Кейс 2 «Кейс: Спор между наследниками о порядке пользования совместным имуществом». Предметом спора выступило определением порядка пользования жилым домом и прилегающим к нему земельным участком. Сторонами было принято решение, что один из участников выкупит доли двух других, также в ходе медиации были восстановлены хорошие отношения между сторонами.

Кейс 3 «Спор об определении порядка использования совместным имуществом». Спор между родственниками, получивших в наследство дачу от умершего сына и отца. Предмет спора – порядок пользования дачей. Бабушка владеет большей частью участка, не пускает на участок внуку. В ходе процесса медиации сторонам потребовалась консультация узкого специалиста, обратившись к нему, спор был разрешен, но на медиацию стороны не вернулись.

Кейс 4 «Спор об определении порядка общения бабушки с ее внуками». Бабушка хотела бы проводить время со своими внуками несколько раз в неделю, однако родители девочек были против. Предметом спора является определение порядка общения бабушки с ее внуками, налаживание отношений между сторонами. В результате медиации между сторонами были преодолены все противоречия, а также удалось договориться о порядке общения бабушки с внуками.

Кейс 5 «Спор между матерью и сыном подростком». Стороны вступили в спор из-за того, что сын очередной раз привел друзей и засиделся с ними, при громко включенной музыке. Предметами спора является определение порядка совместного комфортного проживания сторон, налаживание отношений между ними. В результате медиации сторонам удалось достигнуть соглашений по основным вопросам.

Кейс 6 «Спор между бывшими супругами о способах воспитания несовершеннолетнего ребенка». Предметы спора: определение порядка общения и воспитания несовершеннолетнего, а также вопрос о выплате алиментов. В результате медиации мать с помощью защитника семейных прав, приняла решение остановить процедуру медиации из-за нарушения прав ребёнка и прав на материнство. Она получила судебный приказ о взыскании алиментов с бывшего супруга. Бывшие супруги постепенно переосмыслили свои место и роль в воспитании ребёнка и конфликт был впоследствии урегулирован.

Кейс 7 «Препятствие матерью ребенка общению отца с сыном». Предметом спора стало определение порядка общения отца с несовершеннолетним сыном. В ходе медиации были выявлены причины такого поведения матери ребенка, стороны пришли к взаимовыгодному решению, обсудили все вопросы, связанные с общением отца с ребенком, а также решили личные вопросы и претензии по отношению друг к другу.

Чаще всего медиацию выбирают супруги (57%) (Кейсы 1, 6, 7), реже всего к медиации прибегают молодые люди, такие как внуки или взрослые дети. Таким образом, наиболее активными участниками медиации являются супруги или бывшие супруги, что связано частотой возникновения споров в супружеских отношениях, касаясь различных вопросов, начиная имущественными, заканчивая порядком общения с детьми другими членами семьи.

Примерно в 43% случаев медиация была направлена на разрешение имущественных споров. В то же время 57% всех рассмотренных случаев касались вопроса воспитания детей, стоит отметить, что в одном из кейсов в начале медиации предметом спора выступали вопросы имущества, однако, в процессе медиации оказалось, что сторон на самом деле волнует воспитание детей (Кейс 1).

Первый этап проведения медиации был проведен в трех из семи случаев (Кейсы 1, 3, 5), но в одном из случаев (Кейс 2), стороны перешли к медиации без какой-либо подготовки по предложению суда. Вторым этапом медиации является индивидуальная встреча (кокусы), они были проведены в пяти из семи рассмотренных случаев (Кейсы 1, 2, 3, 6, 7), что составляет 71% от общего числа. Третьим этапом является совместные обсуждения, которые были проведены в 100% случаев, так как это является основным этапом работы медиатора. Заключительным этапом выступает подписание соглашения, однако в двух случаях соглашение не было заключено, в связи с тонкостями спора (Кейс 3), в другом рассмотренном нами кейсе, стороны не заключили соглашение, так как спор был немедиабельным (Кейс 6).

Результаты медиации продемонстрировали ее высокую эффективность: из семи кейсов пять завершились подписанием соглашения, однако один случай завершился соглашением, которое не было заключено письменно, но интересы сторон были удовлетворены (Кейс 3), что составляет 86%.

В спорах медиаторы часто помогали прийти к решениям, которые имели стратегию «выигрыш-выигрыш». В вопросах воспитания детей медиация оказывалась особенно ценной, помогая родителям договориться о распределении времени, обязанностей и выработки совместных методов воспитания, что позитивно сказывалось на благополучии детей.

Семейные споры представляют собой один из наиболее сложных типов социальных споров, так как затрагивают не только правовые, но и эмоциональные аспекты взаимоотношений.

Таким образом, медиация – эффективный механизм урегулирования споров, направленный не только на разрешение правовых противоречий, но и на сохранение или восстановление позитивных взаимоотношений между сторонами. Преимуществами медиации являются ее конфиденциальность, гибкость и возможность выработки взаимоприемлемых решений, что особенно важно в семейных спорах.

Литература:

1. Абдульманова В. Р. Диагностика горизонтальных межличностных конфликтов в организации как основа их предупреждения и прогнозирования [Электронный ресурс] // - Казань: Научный альманах, 2017. — С. 171-174. - URL: <https://ukonf.com/doc/na.2017.11.03.pdf> (дата обращения: 23.11.2025).

2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: Учебник для вузов [Электронный ресурс] // М.: Юнити, 1999. - URL: <https://sdo.mgaps.ru/books/KP1/M11/file/1.pdf> (дата обращения: 24.11.2025).

3. Кочетов А. И. Начала семейной жизни / А.И. Кочетов, А.А. Логинов [Электронный ресурс] // Мужчина и женщина: отношения полов. – Мн.: Польша, 2009. – URL: <https://avidreaders.ru/download/nachala-semeynoy-zhizni.html?f=pdf> (дата обращения: 25.11.2025).

4. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2010 № 193-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2010 г. - № 31. - Ст. 2.

5, Судебная статистика РФ [Электронный ресурс] // Агентство Правовой Информации: — URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/gr/t/22/s/21> (дата обращения: 26.11.2025).

6. Ягубова Л. А. Семейные конфликты и их влияние на ребенка [Электронный ресурс] // Мировая наука. 2019. №5 (26). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-konflikty-i-ih-vliyanie-na-rebenka> (дата обращения: 28.11.2025).

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ИЗ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ (НА ПРИМЕРЕ НГТУ)

М. Сердарова

**Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, maralserdarova65@gmail.com**

Научный руководитель: Котельникова Е. А., к.соц.н., ст.преп.

В статье обозначаются проблемы, с которыми сталкиваются иностранные студенты из ближнего зарубежья в процессе обучения в вузе. Раскрываются понятие и особенности социального сопровождения в отношении иностранных студентов. Описываются основные направления поддержки, предоставляемые иностранным студентам в НГТУ. Определяется роль административных служб, профессорско-преподавательского состава вуза в процессе социального сопровождения иностранных студентов.

The article identifies the problems faced by foreign students from neighboring countries during their studies at the university. The concept and features of social support in relation to foreign students are disclosed. The main directions of support provided to foreign students in NSTU are described. The role of administrative services, the faculty of the university in the process of social support of foreign students is determined.

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет» – один из лидеров в России по числу иностранных обучающихся, ежегодно здесь обучаются более двух тысяч иностранных студентов из 40 стран мира. Более 200 преподавателей и обучающихся ежегодно выезжают за рубеж с научно-образовательными целями, в том числе по программам академической мобильности. Студенты имеют возможность участвовать в совместных образовательных программах с вузами Европы и Азии, а также изучать английский, немецкий, французский, китайский, корейский, японский, польский, итальянский языки, а также русский как иностранный; получают приложение к диплому европейского образца [1].

Актуальность темы обусловлена не только возрастающим притоком иностранных граждан в российские вузы, но и необходимостью обеспечения их успешной интеграции, что напрямую влияет на качество образовательного процесса, академическую успеваемость и формирование позитивного имиджа университета. Стоит подчеркнуть, что иностранный студент никогда не может быть полностью адаптированным, а всегда будет являться адаптирующимся гражданином к тем или иным условиям жизнедеятельности [2], в связи с чем особую значимость приобретает социальное сопровождение, реализуемое в вузе, так как оно помогает минимизировать стресс, связанный с переездом, преодолеть коммуникационные барьеры и способствовать полноценному включению студентов в университетскую и городскую жизнь. Важно отметить, что эти сложности характерны как для студентом дальнего, так и ближнего зарубежья.

Цель данной работы – выявить и проанализировать особенности социального сопровождения иностранных студентов из ближнего зарубежья на примере НГТУ.

Задачи:

1. Обозначить основные проблемы, с которыми сталкиваются иностранные студенты из ближнего зарубежья в процессе адаптации к жизни и учебе в НГТУ.
2. Описать основные направления помощи и поддержки, предоставляемые иностранным студентам в НГТУ.
3. Определить роль административных служб, профессорско-преподавательского состава вуза в процессе социального сопровождения иностранных студентов.

На основании анализа публикаций, посвященных вопросам социальной адаптации иностранных студентов в вузах, можно выделить следующие проблемы, с которыми сталкиваются студенты-иностранцы:

1. Социально-культурные проблемы: низкий уровень толерантности, низкий уровень осведомленности у студентов-иностранцев о русских обычаях и традициях и т.д;
2. Социально-психологические проблемы: психологические трудности, связанные с вхождением в новую социальную среду, одиночество;
3. Социально-бытовые проблемы: бытовые трудности, связанные с условиями проживания в общежитии;
4. Коммуникативные проблемы: наличие языкового барьера, сложности в формировании социальных связей, ограниченность социальных контактов, трудности в общении на русском языке;

5. Проблемы, возникающие в процессе обучения познавательного характера: недостаточный уровень языковой подготовки, на трудности в общении с преподавателями, низкая включенность в студенческое сообщество.

Для преодоления обозначенных проблем в университете осуществляет свою деятельность Управление международного сотрудничества НГТУ НЭТИ, в структуру которого входит международная служба, которая реализует комплекс мер по помощи и поддержке (социальное сопровождение) иностранных студентов, в том числе из ближнего зарубежья по следующим направлениям:

1. Программы подготовительных отделений для иностранных абитуриентов, которые помогают адаптироваться к российской образовательной системе и улучшить знание русского языка.

2. Консультационная помощь по вопросам миграционного учёта, получения визы.

3. Поддержка участия в научных конференциях вуза.

4. Поддержка участия в программах академической мобильности.

5. Информационная поддержка, взаимодействие с иностранными обучающимися, и участие в мероприятиях по адаптации и социализации студентов.

Успешность социального сопровождения иностранных студентов в вузе во многом зависит от скоординированных действий и вовлеченности широкого круга сотрудников из числа административно-управленческого персонала и профессорско-преподавательского состава.

1. Роль профессорско-преподавательского состава определяется осуществлением в отношении иностранного студента:

- Академической поддержки: Адаптация методов преподавания с учетом языкового и образовательного бэкграунда иностранных студентов. Дополнительные консультации, разъяснение сложных тем.

- Культурной чувствительности: Проявление понимания и уважения к культурным особенностям студентов, создание инклюзивной атмосферы в аудитории.

- Мониторинга благополучия: Внимательное отношение к психологическому состоянию студентов, своевременное выявление признаков стресса или проблем и направление к соответствующим специалистам.

2. Роль сотрудников международной службы определяется осуществлением в отношении иностранного студента:

- Административной поддержки: Оформление всех видов документов (визы, регистрации, миграционный учет), консультирование по правовым вопросам.

- Координации адаптационных программ: Организация ориентационных мероприятий, культурных программ (с участием Управления молодежной политики и воспитательной работы).

- Созданием условий для «коммуникационного моста»: Выступают посредниками между иностранными студентами, деканатами, общежитием и другими службами НГТУ.

3. Роль сотрудников деканатов факультетов и институтов определяется осуществлением в отношении иностранного студента:

- Академического сопровождения: Контроль успеваемости, помощь в составлении индивидуальных учебных планов, консультирование по вопросам пересдач и академического отпуска.

- Информационной поддержки: Доведение до студентов важной информации об учебном процессе, расписании, изменениях в правилах.

4. Роль сотрудников общежитий, где проживают иностранные студенты, с привлечением студенческого сообщества, определяется осуществлением в отношении иностранного студента:

- Созданием условий для бытовой адаптации: Создание комфортных и безопасных условий проживания.

- Созданием условий для разрешения конфликтов: Помощь в урегулировании бытовых споров между студентами разных национальностей.

- Созданием условий для социальной активности: Организация культурно-массовых мероприятий в общежитии.

Подводя итог, можно говорить о том, что взаимодействие с иностранными студентами в российских вузах, в том числе в НГТУ направлено на адаптацию студентов к новой образовательной и социокультурной среде, а также на создание комфортной образовательной среды, способствующей культурному обмену и взаимопониманию.

В качестве ключевых особенностей социального сопровождения иностранных студентов из ближнего зарубежья (на примере НГТУ) можно выделить следующие:

1. Системное взаимодействие структур университета в вопросах создания условий для успешной социальной адаптации как на этапе поступления, так и в процессе обучения.

2. Ориентация на реальные потребности и запросы студентов, направленные на решение возникающих у них проблем.

3. Активное привлечение студенческого сообщества.

4. Создание системы наставничества, где наставником выступает успешный студент, в том числе из числа иностранных студентов.

Литература:

1. Международная деятельность [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФГБОУ ВО НГТУ – URL: <https://www.nstu.ru/international> (дата обращения: 20.11.2025).
2. Иностраннный студент в российском вузе: монография / Г.П. Иванова, Н.Н. Ширкова, О.К. Логвинова. — М.: РУСАЙНС, 2022. — С.28.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ С СЕМЬЯМИ И ДЕТЬМИ

П. А. Скакова, К. С. Шаповалова

**Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, skakovapolina654@gmail.com, kseniastill9@gmail.com
Научный руководитель: Ярышева А. А., к.психол.н, доцент СРСА**

В работе рассмотрены основные психологические аспекты помощи семьям и детям в трудной жизненной ситуации. Особое внимание уделяется ранней диагностике семейного неблагополучия, последствиям эмоциональных травм у детей и методам психологической коррекции. Подчеркивается необходимость комплексного межведомственного подхода для обеспечения эффективной защиты и поддержки ребёнка.

The paper considers the main psychological aspects of helping families and children in difficult life situations. Special attention is paid to the early diagnosis of family problems, the consequences of emotional trauma in children and methods of psychological correction. The need for an integrated interagency approach to ensure effective protection and support of the child is emphasized.

Проблемы семьи и детства остаются ключевыми для общества, поскольку именно в семье формируется личность и её психологическое здоровье. Рост семейных кризисов, вызванный экономической и социальной нестабильностью, изменением ролевых моделей и ослаблением связей, приводит к увеличению случаев насилия, пренебрежения и зависимого поведения родителей. Это вызывает у детей эмоциональные травмы, нарушения поведения и снижение доверия к взрослым. В таких условиях психологическая помощь приобретает значение механизма профилактики и защиты, от качества работы специалистов зависит способность семьи преодолеть кризис и восстановить безопасность и стабильность ребёнка.

Защита детства и поддержка семейного благополучия является стратегически важной задачей современного российского общества.

Большинство случаев жестокого обращения с детьми происходит в семье, и значительная часть детей могла бы избежать интернатного пребывания при своевременной помощи специалистов. Психологическая и социальная работа должна быть ориентирована не только на устранение последствий неблагополучия, но и на его раннюю профилактику, развитие культуры родительства и доверительных отношений с социальными службами. Однако существующая система вмешивается слишком поздно, что подчеркивает необходимость пересмотра механизмов раннего выявления и поддержки семей группы риска.

Современная психология рассматривает семью как динамическую систему, где эмоциональные связи, роли и модели поведения взаимозависимы. Нарушение этой системы приводит к дисфункциям, требующим профессионального вмешательства. В отечественной научной традиции значительный вклад в исследование семьи внесли Е. Г. Эйдемиллер и В. Юстицкис, разработавшие концепцию семейной диагностики и терапии. Их подход основан на понимании семьи как единого организма, в котором каждый член влияет на функционирование других. Работы А. Я. Варги, Н. В. Борисовой, И. А. Петровой и В. В. Рыбаковой подчеркивают необходимость комплексной профилактики семейного неблагополучия, объединяющей психологическую, педагогическую и социальную поддержку. В зарубежной литературе доминируют гуманистический и системный подходы. Классические труды К. Роджерса, В. Сатир, Дж. Боулби и М. Эйнсворт показывают важность доверия, эмпатии и устойчивых эмоциональных связей между родителями и детьми как основы психологического здоровья. Таким образом, теория и практика психологической помощи опираются на междисциплинарные подходы, где ключевую роль играет взаимодействие семьи, школы и государства.

Работа с семьями основывается на нескольких принципах:

Принцип целостности означает, что специалисты рассматривают семью как единую систему. Помощь оказывается не только одному ребёнку или родителю, а всей семье, потому что проблемы обычно взаимосвязаны и требуют совместного решения.

Принцип партнёрства предполагает, что работа ведётся вместе с семьёй, а не вместо неё. Специалист не диктует, как нужно поступать, а помогает родителям увидеть причины трудностей, обсудить возможные варианты и самим принять решения.

Раннее вмешательство важно для того, чтобы не допустить ухудшения ситуации. Работа начинается при первых признаках неблагополучия — когда можно быстро и мягко помочь семье, предотвратив более серьёзные проблемы.

Комплексность означает, что помощь включает сразу несколько направлений: психологическое, педагогическое, медицинское и юридическое. Такой подход позволяет поддержать семью максимально полно и эффективно.

Методы работы включают индивидуальное консультирование, семейную и групповую терапию, тренинги по родительской компетентности, арт-терапию, а также работу с детскими коллективами. Особое внимание уделяется формированию позитивного взаимодействия между родителями и детьми, развитию эмпатии, навыков конструктивного общения и управления эмоциями. Социальное государство предполагает наличие системы мер, обеспечивающих защиту семьи и ребёнка. Ключевые механизмы включают:

Психологическая работа по защите детей включает четыре основных направления.

Первое — **психологическая профилактика**, то есть предупреждение проблем. Специалисты стараются вовремя заметить семьи, где ребёнку может быть небезопасно, посещают их, проводят консультации, помогают решить бытовые и воспитательные трудности, ведут патронаж и работают с родителями, которые имеют зависимости.

Второе — **психологическая поддержка и реабилитация**. Она нужна, когда семья уже переживает кризис. Помимо базовой материальной помощи (одежда, продукты, временное жильё), включается психологическое сопровождение детей и родителей, направленное на восстановление эмоционального состояния после стресса или пережитого насилия.

Третье направление — **защита прав ребёнка**. Органы опеки, комиссии по делам несовершеннолетних и центры помощи следят за тем, чтобы права детей не нарушались. Они проверяют условия жизни ребёнка, могут временно изъять его из опасной среды, оказывают психологическую поддержку и обеспечивают юридическую защиту.

Четвёртое — **информационная работа**. Её цель — формирование в обществе понимания, что насилие недопустимо, а воспитание должно быть конструктивным. Для этого проводятся социальные кампании, обучающие программы для родителей, мероприятия в школах и работа с общественными организациями.

В России вопросы психологической помощи регулируются, в частности, Федеральный закон "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации" от 24.07.1998 N 124-ФЗ, который предусматривает оказание психолого-педагогической поддержки детям и семьям. Однако на практике сохраняется разрыв между нормами и

реальной работой: специалистов не хватает, службы перегружены, и помощь нередко оказывается формально.

Психологическая работа с детьми, пережившими травму, требует особой осторожности и профессионального подхода. Её основные задачи — восстановить чувство безопасности, снизить тревожность и помочь ребёнку сформировать устойчивую самооценку и позитивный образ будущего.

Основные методы:

- **Психотерапия травмы** направлена на то, чтобы ребёнок смог безопасно переработать болезненные воспоминания. Специалисты применяют когнитивно-поведенческие и гуманистические техники, которые помогают постепенно уменьшить страх, тревогу и эмоциональную боль.

- **Арт-терапия** даёт ребёнку возможность выражать чувства через рисунок, лепку, музыку или другие виды творчества. Это снижает внутреннее напряжение, помогает лучше понимать свои эмоции и делает процесс восстановления менее травмирующим.

- **Игровая терапия** особенно эффективна для младших детей. Через игру они могут «разыгрывать» безопасные ситуации, учиться управлять своими эмоциями, восстанавливать чувство контроля и безопасности, которое было нарушено.

- **Групповая работа** позволяет детям общаться со сверстниками, которые пережили похожие ситуации. Поддержка группы помогает снизить чувство изоляции, даёт возможность делиться опытом и учиться конструктивным стратегиям преодоления трудностей.

- **Сопровождение приёмных семей** важно для того, чтобы дети, оказавшиеся в новой семье, чувствовали себя защищённо и стабильно. Специалисты помогают родителям сформировать эмоциональную привязанность с ребёнком, решать возникающие трудности и предотвращать вторичные отказы.

Важным аспектом системы помощи становится профилактика эмоционального выгорания специалистов. Психологи, ежедневно работающие с травматическими историями, нуждаются в регулярной супервизии, интервизии и профессиональной поддержке, чтобы сохранять ресурсное состояние и качество помощи. Значимую роль играют и институты гражданского общества — НКО, волонтёрские и религиозные организации. Они дополняют государственные службы, предлагая более гибкие и адресные формы психологической и социально-эмоциональной поддержки. Благотворительные фонды вроде «Волонтёры в помощь детям-сиротам», «Виктория», «Дети наши» развивают программы наставничества, сопровождения выпускников

интернатов, социализации и адаптации — всё это снижает уровень психологической уязвимости детей и подростков. Развитие гражданских инициатив способствует формированию культуры заботы, эмпатии и взаимопомощи в обществе. Чтобы эти практики укреплялись, необходима системная поддержка: гранты, льготы и включение НКО в государственные программы.

Психологические аспекты сопровождения семей и детей — это не локальная задача отдельных специалистов, а стратегический ресурс общества, влияющий на его устойчивость, благополучие и развитие.

Необходимы дальнейшие шаги:

- развитие сети центров психологической помощи;
- внедрение программ ранней профилактики в школах;
- повышение квалификации специалистов;
- расширение взаимодействия с НКО и волонтерами;
- формирование позитивного образа психологической помощи в обществе.

Только при системном подходе возможно создать условия, в которых каждая семья сможет преодолеть кризис, а каждый ребёнок — почувствовать себя защищённым и любимым.

Литература:

1. Рыбакова Т. С. Профилактика жестокого обращения с детьми. В помощь классному руководителю. Памятка родителям [Электронный ресурс] / MultiUrok.ru. — Дата публикации не указана. — URL: <https://multiurok.ru/files/profilaktika-zhestokogo-obrashcheniia-s-detmi-v-pro.html> (дата обращения: 02.11.2025).

2. Психологические аспекты семейного воспитания [Электронный ресурс] / CyberLeninka. — Дата публикации не указана. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-semeynogo-vospitaniya/viewer> (дата обращения: 02.11.2025).

3. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери [Электронный ресурс] / PsyJournal.ru. — Дата публикации не указана. — URL: https://psyjournal.ru/articles/vliyanie-semeynyh-faktorov-na-formirovanie-deviantnogo-povedeniya-materi?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 02.11.2025).

4. Журнал JRO, выпуск 2 (79), 2016 [Электронный ресурс] / Ivanovo.ac.ru. — 2016. — PDF, 39 с. — URL: https://ivanovo.ac.ru/upload/medialibrary/a80/JRO_2_79_2016.pdf (дата обращения: 02.11.2025).

5. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» N124-ФЗ // КонсультантПлюс: справ.-правовая

АНАЛИЗ ДОБРОВОЛЬНОГО И ОБЯЗАТЕЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ

К. А. Соколова

**Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, k05sokolova@yandex.ru**

Научный руководитель: Волченко С. Ю. ст.преп. кафедры СРСА

В статье анализируется система медицинского страхования в России, включающая обязательное (ОМС) и добровольное (ДМС) страхование. Рассматриваются правовые основы, принципы работы и функции обеих систем. Особое внимание уделяется возможностям ДМС в преодолении ограничений ОМС - территориального неравенства, длительных очередей и недостатка специализированной помощи. Подчеркивается социально-экономическая значимость развития добровольного страхования как инструмента повышения доступности и качества медицинской помощи.

The article analyzes the medical insurance system in Russia, which includes compulsory (CMI) and voluntary (VMI) insurance. It examines the legal basis, principles of operation, and functions of both systems. Special attention is paid to the possibilities of VMI in overcoming the limitations of CMI, such as territorial inequality, long waiting lists, and a lack of specialized care. The article emphasizes the socio-economic significance of the development of voluntary insurance as a tool for improving the accessibility and quality of medical care.

Медицинское страхование считается методом защиты государством интересов граждан, гарантией охраны здоровья в полной мере, выплат страховщику финансовых средств при наступлении страхового случая. В России оно представлено в виде двух форм – обязательного (ОМС) и добровольного (ДМС) медицинского страхования.

Актуальность данной статьи обусловлена системными проблемами в обеспечении доступности и качества медицинской помощи в РФ. Несмотря на конституционные гарантии и систему ОМС, сохраняются территориальное неравенство, перегруженность медучреждений и длительные сроки ожидания специализированной помощи. Эти проблемы напрямую влияют на ключевые показатели национального развития: подрывают демографический потенциал, снижают качество человеческого капитала и ограничивают социальную активность населения. В этих условиях развитие добровольного медицинского страхования (ДМС) приобретает особую значимость как инструмент

формирования многоуровневой системы здравоохранения, способной компенсировать дефициты базовой системы ОМС.

Кроме того, растущие потребности в высокотехнологичной медицине требуют увеличения объемов финансирования здравоохранения, что невозможно обеспечить исключительно за счет бюджета государства. Таким образом, развитие медицинского страхования становится важным инструментом повышения доступности и качества медицинской помощи.

Социальное страхование – система правовых, экономических и организационных мер, направленных на компенсацию в установленном законом размере последствий изменения материального и (или) социального положения работающих граждан в связи со старостью, безработицей, постоянной или временной нетрудоспособностью, потерей кормильца и в иных случаях, предусмотренных законодательством. [4, с.1]

Обязательное медицинское страхование - вид обязательного социального страхования, представляющий собой систему создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на обеспечение при наступлении страхового случая гарантий бесплатного оказания застрахованному лицу медицинской помощи [2, с.3]. Основная цель ОМС — гарантировать гражданам получение медицинской помощи при наступлении страхового случая (заболевание, травма, профилактические мероприятия) за счёт средств системы.

Основными принципами осуществления обязательного медицинского страхования являются:

- 1) Гарантия бесплатной медицинской помощи за счет средств ОМС в рамках установленных программ.
- 2) Устойчивость финансовой системы на основе эквивалентности страхового обеспечения.
- 3) Обязательность уплаты страховых взносов в установленных размерах.
- 4) Государственная гарантия прав застрахованных лиц, независимо от финансового положения страховщика.
- 5) Обеспечение доступности и качества медицинской помощи по программам ОМС.
- 6) Паритетность представительства субъектов и участников ОМС в органах управления системой. [8, с.1]

Субъектами обязательного медицинского страхования являются:

- 1) застрахованные лица;
- 2) страхователи;

3) страховщик - федеральный фонд обязательного медицинского страхования.

Участниками обязательного медицинского страхования являются:

- 1) территориальные фонды обязательного медицинского страхования;
- 2) страховые медицинские организации;
- 3) медицинские организации. [2, с.9]

Некоторые функции системы ОМС:

— финансовое обеспечение прав граждан на медицинскую помощь за счёт средств обязательного медицинского страхования;

— обеспечение финансовой устойчивости системы обязательного медицинского страхования и создание условий для выравнивания объёма и качества медицинской помощи, предоставляемой гражданам на всей территории Российской Федерации;

— аккумулирование финансовых средств для обеспечения финансовой стабильности системы обязательного медицинского страхования;

— выравнивание условий деятельности территориальных фондов обязательного медицинского страхования по обеспечению финансирования программ обязательного медицинского страхования;

— финансирование целевых программ в рамках обязательного медицинского страхования;

— контроль над целевым использованием финансовых средств системы обязательного медицинского страхования. [3, с.1]

Страховой случай - совершившееся событие (заболевание, травма, иное состояние здоровья застрахованного лица, профилактические мероприятия), при наступлении которого застрахованному лицу предоставляется страховое обеспечение по обязательному медицинскому страхованию. [1, с.3] В системе обязательного медицинского страхования (ОМС) есть ограничения, которые касаются перечня услуг, условий оказания помощи и исключений. Эти ограничения закреплены в законодательстве и могут отличаться в разных регионах.

Добровольное медицинское страхование (ДМС) — это вид страхования, который предоставляет застрахованным лицам доступ к дополнительным медицинским услугам и лечению в рамках программы, выбранной самостоятельно или через работодателя. [8, с.1]. Целью ДМС является создание экономической заинтересованности государства и работодателей в укреплении здоровья населения. Главным принципом управления процессом оказания медицинских услуг в ДМС является принцип экономической выгоды для всех его участников, что обеспечивает «саморегулирование» в системе взаимодействия между субъектами данного рынка. Добровольное медицинское страхование

(ДМС) аналогично обязательному медицинскому страхованию преследует ту же социальную цель – предоставление гражданам гарантии получения медицинской помощи путем страхового финансирования. Исходя из этого можно выделить функции ДМС:

1. Социальные:
 - 1) охрана здоровья населения;
 - 2) обеспечение воспроизводства здоровья;
 - 3) развитие медицинского обслуживания;
2. Экономические:
 - 1) финансирование здравоохранения и улучшение его материальной базы;
 - 2) защита доходов граждан;
 - 3) перераспределение средств на медицинские услуги между различными группами населения. [3, с.1]

Участники добровольного медицинского страхования (ДМС):

- Страховщик.
- Страхователь.
- Застрахованное лицо.
- Медицинские организации.
- Иные организации. [7, с.1]

Страховой случай в ДМС — это обращение застрахованного лица за оказанием медицинских услуг, которые предусмотрены программой страхования, в медицинское учреждение, включённое в эту программу. Некоторые виды страховых случаев: оказание амбулаторно-поликлинической помощи, стоматологической помощи, помощи на дому, скорой и неотложной медицинской помощи, экстренной и плановой стационарной помощи. Исключения из страховых случаев могут быть, например, обращение за медицинской помощью при получении травмы в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

ДМС дополняет ОМС, расширяя возможности базового страхования.

Некоторые преимущества добровольного медицинского страхования (ДМС):

- Расширенный доступ к медицинским услугам.
- Сокращённые сроки ожидания.
- Индивидуальный подход позволяет самостоятельно формировать программу добровольного медицинского страхования
- Экономия денежных средств.
- Профилактическая медицина.
- Поддержка и координация лечения [6, с.1]

Таким образом, ДМС позволяет покрывать не только стандартные медицинские услуги, но и те, которые не входят в ОМС.

Литература.

1. Федеральный закон от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ: (ред. от 29.10.2024) «Об основах обязательного социального страхования [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант Плюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4059/ (дата обращения: 23.11.2025).

2. Федеральный закон от 29.11.2010 N 326-ФЗ (ред. от 28.12.2024) "Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации" [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант Плюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107289/4f41fe599ce341751e4e34dc50a4b676674c1416/ (дата обращения: 26.11.2025).

3. Денисова О. О. Механизм функционирования добровольного медицинского страхования [Электронный ресурс]: магистерская диссертация / О. О. Денисова; Уральский федеральный университет. Екатеринбург, 2017. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/56129/1/m_th_o.o.denisova_2017.pdf (дата обращения: 22.11.2025).

4. Социальное страхование: сущность, виды [Электронный ресурс] // -file:///C:/Users/DNS/Downloads/sotsialnoe-strahovanie-suschnost-vidy.pdf (дата обращения: 29.11.2025).

5. Сравнительная характеристика систем обязательного и добровольного медицинского страхования [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitel'naya-harakteristika-sistem-obyazatel'nogo-i-dobrovol'nogo-meditsinskogo-strahovaniya> (дата обращения: 27.11.2025).

6. Ткачева Е. С. Добровольное медицинское страхование в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 5-2. С. 244-248. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobrovolnoe-meditsinskoe-strahovanie-v-rossiyskoy-federatsii-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 25.11.2025).

7. Участники отношений по ДМС [Электронный ресурс] // Энциклопедия решений. Договоры и иные сделки. - URL: <https://base.garant.ru/58074585/> (дата обращения: 23.11.2025).

8. Федеральный фонд обязательного медицинского страхования [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.ffoms.gov.ru/> (дата обращения: 27.11.2025).

ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ НА ФОНЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ У РЕБЕНКА

Э. П. Сосновщенко

Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, sosnovshchenko.eliza@mail.ru

Научный руководитель: Осьмук Л. А, д.соц.н., профессор

В статье рассматривается актуальная проблема детско-родительских конфликтов, возникающих на фоне компьютерной зависимости у детей. У современных детей неотъемлемой частью жизни стали гаджеты, компьютерные игры и различные новые технологии, вызывающие зависимость, на фоне чего нередко возникают разногласия в семье, приводящие к конфликту детей и родителей. В работе анализируются основные причины таких конфликтов, включая различия в восприятии времени, проведенного за компьютером, и влияние цифровой среды на психоэмоциональное состояние ребенка. Исследуется компьютерная зависимость как фактор, влияющий на отношения в семье, а также рассматривается сам феномен компьютерной зависимости у подрастающего поколения. В статье представлены информация о данном феномене, что позволяет глубже понять динамику конфликтов.

The article addresses the pressing issue of parent-child conflicts arising from children's computer addiction. For modern children, gadgets, computer games, and various new technologies have become an integral part of their lives, often leading to disagreements within the family and resulting in conflicts between children and parents. The work analyzes the main causes of such conflicts, including differences in the perception of time spent on the computer and the influence of the digital environment on the child's psycho-emotional state. Computer addiction is explored as a factor affecting family relationships, and the phenomenon of computer addiction among the younger generation is also examined. The article provides information about this phenomenon, allowing for a deeper understanding of the dynamics of conflicts.

Актуальность исследования: Детско-родительские конфликты на фоне компьютерной зависимости у ребенка распространены в современных семьях и могут негативно влиять на психоэмоциональное состояние всех участников.

В современном обществе наблюдается значительное увеличение числа конфликтов между детьми и родителями, что обусловлено различными социальными, экономическими и культурными факторами. Эти конфликты могут возникать на фоне различных жизненных ситуаций, включая изменения в семейной структуре, давление со стороны сверстников, но часто основной причиной является влияние технологий и гаджетов на ребенка. Важно отметить, что неразрешенные конфликты могут иметь серьезные последствия как для эмоционального и психического состояния детей, так и для общего климата в семье.

Одной из ключевых причин актуальности данной темы является растущая потребность в эффективных методах разрешения ситуации с возрастающей зависимостью детей от гаджетов. Такие методы как авторитарные методы воспитания или игнорирование проблемы, часто не приводят к желаемым результатам.

Степень научно-теоретической разработанности:

Тема разрешения детско-родительских конфликтов на фоне компьютерной зависимости является предметом активного научного исследования в области психологии, педагогики и социологии. О детско-родительском конфликте в контексте юридической составляющей писали: М. В. Антокольская и В. И. Синайский. Детско-родительский конфликт с точки зрения психологии и педагогики изучали: А.К. Луковцева и О.А. Карабанова. С точки зрения психологических наук, а также социальной психологии детско-родительский конфликт изучали: М.Л. Хазова и М.В Сапоровская.

Объект исследования: детско-родительский конфликт, возникающий в контексте компьютерной зависимости у детей. Цель исследования: целью данной работы является анализ причин и последствий детско-родительских конфликтов, возникающих на фоне компьютерной зависимости у детей.

Компьютерная зависимость – это пристрастие к использованию компьютера, провоцирующее собой снижение уровня заинтересованности к любым другим занятиям и задачам, приводящее к ограничению общения с другими людьми. Так, компьютерная зависимость характеризуется следующими видами:

1. Навязчивый веб-серфинг – бесконечный поиск информации в интернете и навязчивое желание находиться во всемирной интернет-паутине;
2. Пристрастие к виртуальным знакомствам и общению – постоянное участие в чатах и ведение интернет переписки с виртуальными друзьями;
3. Игровая зависимость – увлечение играми по сети, компьютерными играми;
4. Пристрастие к просмотру фильмов, различных видео через интернет;
5. Навязчивая финансовая потребность – постоянный онлайн шоппинг, участие в азартных играх по сети.

Впервые о компьютерной зависимости начало появляться больше информации в 80х годах. Первые исследования, широко раскрывающие проблему данной зависимости, провела Кимберли Янг - доктор психологии из Питтсбургского университета. В данный момент времени

феномен компьютерной зависимости расширяется и захватывает все большие территории, особенно отражаясь на психологическом здоровье детей, так по статистике, собранной по данным опроса агентства «Руметрика» 48% пользователей до 14 лет сталкивались с нежелательным и опасным контентом на интернет площадках и в социальных сетях, а 19% из опрошенных детей наблюдали в сети сцены насилия. Интересным наблюдением стало и то, что в эти 48% опрошенных входят и дети, которые пользуются интернетом только под присмотром взрослых и родителей, так мы делаем вывод о том, что на огромном количестве сайтов нежелательные изображения, информация и видео появляются автоматически и защитить ребенка от подобного, негативно влияющего контента полностью практически невозможно.

Для того чтобы преподавателям и родителям справиться с данной ситуацией, важно найти баланс и учесть как негативные, так и позитивные стороны использования интернета. Важно чтобы ребенок осознал, что технологии — это большая сила, которой он должен научиться управлять и брать ее под свой контроль. Таким образом, говоря о профилактике компьютерной зависимости, важно научить ребенка противостоять зависимости, в том числе, важно показать ребенку, что в его школе и за ее пределами есть различные дополнительные занятия, где он может реализовать себя в творческом направлении

Научные исследования подтверждают активный рост компьютерной игровой зависимости в развитых странах, мы видим появление и рост количества клиник, оказывающих услуги лечения пациентов с компьютерной зависимостью.

Если общество хочет воспитать здоровое поколение, важно учитывать динамику изменений информационной и социальной жизни, изменяющиеся особенности среды и разрабатывать новые эффективные подходы, в том числе и очень важно взять на себя ответственность за воспитание детей в условиях информационной нестабильности и научить подрастающее поколение тому, как справляться с компьютерной зависимостью самостоятельно

Литература

1. Сигида Е. А. (ред.). Семейведение: учебное пособие. – М.: Инфорам, 2010. – С. 24. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-semie-v-yuridicheskom-smysle/viewer> (дата обращения: 23.11.2025).
2. Кокова Д. А. Семья и семейные правоотношения // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2016. – № 1. – С. 158.

3. Крюкова Т. Л. Молодежь о старшем поколении: психология межпоколенного конфликта // Психологические исследования: электронный научный журнал. – 2008. – № 2. [Электронный ресурс] – URL: <https://psystudy.ru/index.php/num> (дата обращения: 29.11.2025).

4. Сапоровская М. В. Психология межпоколенных отношений в семье. – М.: Национальный книжный центр, 2014. – 430 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhpokolennyu-konflikt-i-psihologicheskoe-blagopoluchie-semi/viewer> (дата обращения: 27.11.2025).

5. Андреева Т. В. Семейная психология: учеб. пособие / Т. В. Андреева. – СПб.: Речь, 2009. – 246 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detsko-roditelskie-konflikty-v-period-starshego-doshkolnogo-vozrasta/viewer> (дата обращения: 25.11.2025).

6. Карабанова О. А. Психология семейных отношений / О. А. Карабанова. – Самара: 2001. – 215 с.

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ВСЕРОССИЙСКИХ МОЛОДЁЖНЫХ КОНКУРСОВ

А. А. Тымчишина

**Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, anntymchishina03@gmail.com**

Научный руководитель: Жданова И. В., к.ф.н., доцент

В статье анализируется конфликтологическая компетентность сотрудников Всероссийского конкурса «Большая перемена» в ситуациях конфликта в цифровой среде. Анализ основан на модели Томаса-Килманна и подходах к реагированию на конфликт в цифровой среде. В статье выявляются различные стратегии поведения сотрудников Конкурса в конфликтных ситуациях.

This article analyzes the conflict management skills of the Russian National Contest «Bolshaya Peremena» staff in conflict situations in the digital environment. The analysis is based on the Thomas-Kilmann model and approaches to responding to conflict in the digital environment. Various strategies for handling conflict situations are identified in the article.

В 2025 году в Российской Федерации развиваются многочисленные Национальные проекты, среди которых особое место занимает Национальный проект «Молодёжь и дети». В рамках обозначенного Национального проекта развивается большое число молодёжных конкурсов, проектов и мероприятий. Их управление неразрывно связано

с работой в сети Интернет и социальных сетях, которые, чаще всего, являются основной площадкой для взаимодействия с участниками конкурсов: социальные сети используются для информирования участников о результатах или изменениях, ответов на возникающие вопросы и реагирования на проблемные и конфликтные ситуации. Эффективность проведения конкурсов федерального масштаба, затрагивающих десятки тысяч участников, напрямую зависит от конфликтологической компетентности руководства и служб поддержки конкурсов.

В данной статье анализ компетентности в сфере управления конфликтами в социальных сетях основан на двух последовательных конфликтных ситуациях, возникших в сообществе (в социальной сети ВКонтакте) Всероссийского конкурса «Большая перемена» (конкурс для школьников и обучающихся по программам средне-профессионального образования). Анализ опирается на модель Томаса-Килманна и подходы к реагированию на конфликт в цифровой среде. Для понимания причины использования приведенных теоретических оснований рассмотрим каждое подробнее.

Модель Томаса-Килманна оценивает поведение человека в конфликтах по двум основным параметрам: напористость – степень, в которой человек пытается удовлетворить свои собственные интересы, и готовность к сотрудничеству (кооперация) – степень, в которой человек пытается удовлетворить интересы другого человека [4]. Эти два параметра поведения можно использовать для определения пяти стратегий поведения в конфликтных ситуациях: соревнование или конфронтация, избегание, приспособление, компромисс и сотрудничество (Рисунок 1).

Рис.1 – «Сетка» Томаса-Килманна

Вторая основа анализа кейсов – планирование реакции на причины конфликта в цифровой среде. Управление конфликтами в виртуальном пространстве – сложная вещь, требующая максимальной конфликтологической подготовленности. В научной литературе по

вопросу управления конфликтами в сети Интернет и социальных сетях можно найти следующие подходы к реагированию на конфликт: избегание, перенос и смягчение. Избегание означает исключение возможности возникновения конфликтов (например, через отключение комментариев или игнорирования вопросов); перенос заключается в передаче ответственности за возникновение и разрешения конфликта третьим лицам (например, через конкретные обвинения); а смягчение включает в себя снижение вероятности повторного возникновения конфликта и/или снижение деструктивности его последствий (например, через манифестацию конфликта) [3]. Службы поддержки молодёжных конкурсов, в силу постоянного взаимодействия с тысячами участников, обязаны владеть всеми тремя подходами и уметь грамотно расценивать, какой подход лучше всего использовать в той или иной конфликтной ситуации.

Первый рассматриваемый кейс представил собой ситуацию неконтролируемой эскалации конфликта в комментариях официального сообщества Конкурса. Анализу были подвержены комментарии под постом от 22 сентября 2025 с записью эфира, где были подведены итоги дистанционного этапа конкурса для школьников 1-4 классов и оглашены баллы [1]. Первопричина конфликта, по словам родителей – «отсутствие прозрачности в регламенте». Руководство Конкурса не предупредило об изменениях в дате приёма одного из последних заданий, что привело к массовым сбоям в принятии заданий на платформе и получению 0 баллов по всем критериям. Жалобы родителей в комментариях были игнорируемы службой поддержки Конкурса.

В поведении службы поддержки Конкурса в данной ситуации отслеживаются две основные стратегии: избегание (поддержка перестала реагировать на негативные комментарии родителей с просьбами разобраться в ситуации, отвечала только на позитивные комментарии, не связанные с проблемой) и конфронтация (по словам родителей – «служба поддержки при личной переписке отвечала, что работы были обнулены, поскольку участниками не была нажата кнопка «Отправить задание»). В общении родителей и службы поддержки Конкурса от последней заметны холодность и игнорирование, что свидетельствует о том, что поддержка не стала главным инструментом разрешения конфликтной ситуации. Из трёх подходов к реагированию на конфликт сотрудниками были выбраны избегание и перенос, из-за чего конфликт быстро был эскалирован до составления и публикации родителями официальной претензии к руководству Конкурса «Большая перемена».

Второй кейс представил собой уже чуть более сложенную работу поддержки Конкурса в похожей ситуации: 1 октября 2025 года в

сообществе Конкурса был опубликован пост со списками финалистов конкурсов для 8-9 классов и студентов СПО, приглашаемых к участию в финальном мероприятии Конкурса [2]. Поддержка на комментарии отвечала чаще, в основном, с поздравлениями прошедших участников в финал и с сочувствием к не набравшим необходимые баллы. Спустя некоторое время, на комментарии с уточняющими вопросами и возмущениями участников поддержка начала отвечать выдержками из Положения Конкурса, не персонализируя ответ и не вдаваясь в подробности вопроса. Также в тексте указанного поста были использованы фразы о «введении в заблуждение организаторов конкурса» участниками. Все эти моменты складываются в следующее: поддержка Конкурса больше не применяет стратегию избегания, но всё так же проявляет, теперь уже в открытых комментариях, стратегию конфронтации и перенос в качестве подхода к реагированию на конфликтную ситуацию в цифровом пространстве. Это, как и в первом случае, может эскалировать конфликтную ситуацию, если вовремя не будут применены стратегия сотрудничества и смягчение как подход.

В обоих случаях также занимает значительное место использование заготовленных «скриптов», что, само по себе, не является маркером деструктивной коммуникации в виртуальном пространстве. Тем не менее, в данных ситуациях заготовленные ответы были использованы без персонализированного отношения к ситуации. Так, в первом случае обеспокоенным родителям в личных сообщениях поступали одинаковый ответ об ошибке самих родителей и участников, а во втором – служба поддержки предоставляла одинаковый ответ с выдержкой из Положения Конкурса на вопросы участников о порогах и изменении баллов. Обе ситуации сигнализируют о низком фокусе на сохранении положительной коммуникации с участниками.

Вследствие, это приводит к быстро эскалируемым конфликтам, где службе поддержки Конкурса не хватает конфликтологических компетенций для их разрешения, из-за чего выбираются не стратегии обеспечения конструктивной коммуникации, а избегание, соперничество и подавление участников.

Проведённый анализ произошедших кризисных ситуаций вокруг Всероссийского конкурса «Большая Перемена» в цифровом пространстве позволил выявить существующие пробелы службы поддержки в управлении конфликтными ситуациями. Системное использование поддержкой деструктивных стратегий поведения в конфликте и неподходящих подходов к реагированию на проблемную ситуацию в цифровой среде мгновенно привело к эскалации конфликтов. Произошедшие технические сбои и организационные недочёты привели

к очевидным вопросам от участников и их родителей о прозрачности и честности Конкурса. Низкий уровень конфликтологической компетенции сотрудников служб поддержки крупных молодёжных конкурсов способен привести к подрыву имиджа организаций и, потенциально, к оттоку участников. Выявленная проблема заслуживает дальнейшего, более глубинного исследования для возможности формулирования рекомендаций по повышению конфликтологической компетентности служб поддержки молодёжных конкурсов.

Литература:

1. Большая перемена: официальное сообщество ВКонтакте. Пост от 22.09.2025. – М. [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/wall-193258751_1031076 (дата обращения: 10.11.2025).
2. Большая перемена: официальное сообщество ВКонтакте. Пост от 01.10.2025. – М. [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/wall-193258751_1032981 (дата обращения: 10.11.2025).
3. Conflict Management Process for Virtual Communities / de Melo Bezerra J. and Massaki Hirata C. // 13th International Conference on Enterprise Information Systems, ICEIS. – 2011. – p. 33-42. – doi: 10.5220/0003453500330042.
4. Kilmann, R.H. Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument [Electronic resource] // CPP, Inc. – 2017. – URL: https://www.researchgate.net/publication/265565339_Thomas-Kilmann_conflict_MODE_instrument (accessed 10.11.2025).

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ

М. В. Ульянова

**Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, milana.v.ulyanova@gmail.com**

Научный руководитель: Дегтярева В. В., к.ф.н. Доцент СРСА

В статье рассматривается проблема распространения религиозного экстремизма в молодежной среде. Раскрываются ключевые причины радикализации, включая социальные, психологические, экономические и информационные факторы. Анализируются основные формы проявления религиозного экстремизма, а также практика его профилактики в российских регионах. Подчеркивается значение образовательных программ,

медиаграмотности, культурных инициатив и межведомственного взаимодействия.

The article examines the problem of the spread of religious extremism among young people. The key causes of radicalization, including social, psychological, economic, and informational factors, are revealed. The article analyzes the main forms of religious extremism, as well as the practice of its prevention in Russian regions. The importance of educational programs, media literacy, cultural initiatives and interagency cooperation is emphasized.

В современном обществе религиозный экстремизм рассматривается как одна из наиболее опасных угроз социальной стабильности и национальной безопасности. Он характеризуется радикальными взглядами, отрицанием иных религиозных традиций и оправданием насилия по отношению к тем, кто исповедует «чужую» веру» [5]. В условиях глобализации и цифровизации экстремизм получает новые формы, в том числе активно проникает в молодежную среду.

Актуальность исследования связана с тем, что именно молодежь оказывается наиболее восприимчивой к радикальным идеологиям. Период взросления сопровождается поиском смысла жизни, стремлением к самоутверждению и обостренным восприятием социальной несправедливости. Это делает молодых людей уязвимыми к экстремистским настроениям, которые обещают «простые ответы» на сложные вопросы [8].

Цель статьи заключается в анализе причин религиозного экстремизма в молодежной среде и рассмотрении современных практик профилактики данного явления в России. Для достижения цели ставятся следующие задачи: раскрыть основные факторы вовлечения молодежи в экстремистские сообщества, охарактеризовать формы религиозного экстремизма, а также рассмотреть эффективные направления профилактической деятельности.

Проблема религиозного экстремизма среди молодежи носит комплексный характер, так как обусловлена сочетанием различных факторов. Во-первых, социальные причины. Молодежь испытывает потребность в принадлежности к сообществу, в признании и уважении. При отсутствии позитивных форм досуга и молодежной инфраструктуры экстремистские организации подменяют собой клубы по интересам, предлагая чувство единства и причастности к «важному делу» [2]. В некоторых регионах именно экстремистские группы становятся источником символической поддержки, что повышает их привлекательность для молодых людей.

Во-вторых, психологические факторы. Юношеский возраст связан с кризисом идентичности, поиском авторитетов и стремлением к

самореализации [8]. Для многих молодых людей характерна эмоциональная нестабильность, максимализм в оценках, повышенная внушаемость. Экстремистские идеи отвечают на эти потребности, предлагая четкое разделение мира на «своих» и «чужих» и наделяя участников группы ощущением избранности [3].

Также имеют место быть и экономические причины. Социальная неустроенность, ограниченные возможности трудоустройства и низкий уровень материального благополучия усиливают чувство несправедливости. В некоторых случаях экстремистские организации привлекают молодежь обещаниями материальной выгоды, карьерных перспектив или зарубежного образования [5]. Особенно уязвимы сельские территории и регионы с высоким уровнем безработицы среди молодежи.

Наибольшую роль в последние годы играет интернет. Радикалы активно используют социальные сети, видеоплатформы и мессенджеры для вербовки. Контент создается с учетом интересов молодежи: это короткие ролики, мемы, музыкальные композиции, игровые сообщества. Таким образом, экстремистская идеология интегрируется в привычную для молодежи информационную среду.

Религиозный экстремизм проявляется в различных формах, каждая из которых по-своему опасна.

1. Внутриконфессиональный экстремизм связан с радикализацией внутри одной религии. Он проявляется в навязывании «единственно верного» толкования и борьбе с инакомыслящими внутри конфессии.

2. Иноконфессиональный экстремизм предполагает враждебность к представителям других религий, сопровождающуюся дискриминацией и агрессией.

3. Этнорелигиозный экстремизм объединяет религиозную и этническую идентичность, что часто приводит к межнациональным конфликтам.

4. Социально-политический экстремизм использует религиозные лозунги в политических целях, направленных на подрыв государственного строя или мобилизацию молодежи для участия в протестах.

В современной практике эти формы нередко переплетаются. Так, этнорелигиозные конфликты могут сопровождаться политическими лозунгами, а внутриконфессиональные споры перерасти в открытую вражду с другими религиями.

Опыт российских регионов показывает, что успешная профилактика религиозного экстремизма возможна при условии комплексного подхода.

- Краснодарский край реализует концепцию профилактики экстремизма, уделяя внимание межкультурному воспитанию и развитию диалога между представителями различных этнических и религиозных групп. Проводятся молодежные форумы, круглые столы и культурные мероприятия [7].

- Татарстан известен проектом «Единство молодых», направленным на формирование студенческих команд и профилактику экстремизма в университетской среде. Особое внимание уделяется интерактивным форматам: тренингам, деловым играм, дискуссиям [4].

- Москва и Санкт-Петербург делают ставку на информационные кампании. Создаются видеоролики, методические материалы и памятки, распространяемые через интернет и молодежные медиа. Важным направлением является мониторинг социальных сетей и оперативное реагирование на экстремистский контент [6].

Религиозные организации играют особую роль: представители традиционных конфессий проводят лекции, беседы и встречи с молодежью, разъясняя различия между подлинной верой и её радикальными искажениями.

Таким образом, профилактика в молодежной среде требует сочетания образовательных программ, медиаграмотности, вовлечения молодежи в культурные и социальные проекты, а также сотрудничества государства, общества и религиозных организаций.

Религиозный экстремизм в молодежной среде — сложное явление, обусловленное социальными, психологическими, экономическими и информационными факторами. Его распространение подрывает основы социальной стабильности и препятствует гармоничному развитию общества [8].

Профилактика экстремизма невозможна без комплексного подхода. Наиболее эффективными мерами являются образовательные программы, развитие критического мышления и медиаграмотности, вовлечение молодежи в социальные и культурные проекты, а также активное участие религиозных лидеров в просветительской деятельности. Важное значение имеет психологическая поддержка молодежи, находящейся в кризисе, и создание позитивных альтернативных форм досуга.

В перспективе необходимо расширять взаимодействие государственных структур, образовательных учреждений и общественных организаций, усиливать внимание к сельским регионам, а также активно использовать цифровые технологии для создания контента, противопоставленного экстремистской пропаганде. Только системный и межведомственный подход позволит снизить риск

вовлечения молодежи в деструктивные движения и укрепить устойчивость общества.

Литература

1. Булавкин К. В., Юнусов А. М., Рябцев А. В., Измайлов М. В., Солдатов С. В. Методические рекомендации «Профилактика экстремизма в молодежной среде, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [Электронный ресурс] / Булавкин К.В., Юнусов А.М., Рябцев А.В., Измайлов М.В., Солдатов С.В. // Центр по изучению социальных конфликтов и профилактики экстремизма в молодёжной среде (Московский государственный областной гуманитарный институт) – М., 2014. – URL: https://yamr.edu.yar.ru/obespechenie_bezopasnosti/profilaktika_ekstremizma/4/metodicheskie_rekomendatsii.pdf? (дата обращения: 23.11.2025).
2. Зорина П. А. Особенности профилактики экстремизма в молодежной среде [Электронный ресурс] / Зорина П.А. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-profilaktiki-ekstremizma-v-molodezhnoy-srede> (дата обращения: 22.11.2025)
3. Маздогова З. З. Молодёжный религиозный экстремизм в России и пути его преодоления // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 13. — С. 28—30. — ISSN 1815-4964.
4. Министерство экономики Республики Татарстан, Комитет по делам детей и молодежи Исполнительного комитета г. Казани, МБУ МП «Комплексный центр социального обслуживания детей и молодежи «Доверие», АНО ЦПР «Наше поколение» Методическое пособие «Профилактика экстремизма в молодежной среде и противодействие вовлечению молодежи в деструктивные организации» [Электронный ресурс] - URL: https://antiterror.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2092570.pdf (дата обращения: 24.11.2025).
5. Оганесян С. С. Об истоках религиозного экстремизма и терроризма современной молодежи [Электронный ресурс] / Оганесян С.С. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. Выпуск 2 (800). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-istokah-religioznogo-ekstremizma-i-terrorizma-sovremennoy-molodezhi> (дата обращения: 20.11.2025).
6. Особенности профилактики и борьбы с проявлениями экстремизма и терроризма в молодежной среде [Электронный ресурс] / Портал правительства Москвы. Управа района Раменки города Москвы – URL: <https://ramenki.mos.ru/counter-terrorism/extremism/features-for-the>

prevention-and-suppression-of-manifestations-of-extremism-and-terrorism-in-the-youth.php? (дата обращения: 28.11.2025).

7. Профилактика религиозного экстремизма в молодежной среде от 19.02.2019 [Электронный ресурс] / Официальный сайт МО г. Петергоф – URL: <https://mo-petergof.spb.ru/city/news/projects/18323/> (дата обращения: 27.11.2025)

8. Усачев М. Н. Проблема религиозного экстремизма [Электронный ресурс] / Усачев М.Н. // Проблемы науки. 2020. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-religioznogo-ekstremizma> (дата обращения: 22.11.2025).

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ЖЕРТВАМИ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Д. П. Феоктистова

Новосибирский государственный технический университет,

г. Новосибирск, feoktistova200131@mail.ru,

Научный руководитель: Волченко С. Ю., ст.преп.

Целью данной статьи является изучение социальной реабилитации как технологии социальной работы с жертвами домашнего насилия. Рассмотрены теоретические аспекты социальной работы с жертвами домашнего насилия: дано определение термина «домашнее насилие», проанализированы правовой, социологический и психологический аспекты бытового насилия, определены характеристики жертв домашнего насилия, изучены основные технологии, формы и методы социальной работы с данной клиентской категорией, среди которых выделена технология социальной реабилитации. Проанализирована деятельность основных субъектов социальной работы с жертвами домашнего насилия, а также описаны результаты эмпирического исследования, в рамках которого было проведено интервью со специалистами различных учреждений социальной защиты.

The purpose of this article is to study social rehabilitation as a technology of social work with victims of domestic violence. The theoretical aspects of social work with victims of domestic violence are considered: the term "domestic violence" is defined, the legal, sociological, and psychological aspects of domestic violence are analyzed, the characteristics of victims of domestic violence are identified, and the main technologies, forms, and methods of social work with this client category are examined, among which the technology of social rehabilitation is highlighted. The activities of the main actors in social work with victims of domestic violence are analyzed, and the results of an empirical study are described, within which interviews were conducted with specialists from various social protection institutions.

В последние десятилетия проблема домашнего насилия привлекает все большее внимание как со стороны общества, так и со стороны государственных структур. Официальной статистики по случаям домашнего насилия в России нет, поэтому мы приведем неофициальную статистику из открытых источников. Согласно статистике ВОЗ (далее – Всемирная организация здравоохранения) – примерно каждая третья женщина (это около 30%) в мире на протяжении своей жизни подвергается физическому и (или) сексуальному насилию со стороны интимного партнера, или сексуальному насилию со стороны другого лица. Также, чаще всего это насилие со стороны интимного партнера. Во всем мире около 27% женщин в возрасте 15-49 лет, состоявших в отношениях, сообщают о том, что в течение своей жизни подвергались физическому и (или) сексуальному насилию в той или иной форме со стороны своего интимного партнера. Отмечая статистику разных регионов, показатели распространенности насилия со стороны интимного партнера варьируются от 20% в Регионе Западной части Тихого океана, 22% в странах с высоким уровнем дохода Европейского региона и 25% в Регионе стран Америки до 33% в Африканском регионе, 31% в Регионе Восточного Средиземноморья и 33% в Регионе Юго-Восточной Азии [1].

По формам домашнее насилие подразделяют на физическое, психологическое, экономическое и сексуальное насилие. Физическое насилие — это умышленное причинение вреда здоровью партнёра или создание угрозы такого вреда. Психологическое насилие включает систематическое унижение, эмоциональное давление и манипуляции [3]. Экономическое насилие — это финансовый контроль одного партнёра над другим, включающий принудительную отчётность в расходах, ограничение доступа к деньгам или запрет на работу [4]. Сексуальное насилие – это любое посягательство на чужое тело и сексуальность: изнасилование, сексуальные преследования или надругательство, половой акт по принуждению [4].

Среди технологий социальной работы с жертвами домашнего насилия особое место занимает социальная реабилитация, направленная на полное восстановление всех сфер жизни жертвы и ее интеграцию в общество. Именно социальная реабилитация является основой успешного возвращения жертвы домашнего насилия к нормальной жизни, реинтеграции в общество, предотвращения риска возврата в ситуацию насилия.

Основная цель социальной реабилитации как технологии социальной работы с жертвами домашнего насилия состоит в том, чтобы восстановить человека в правах, вернуть ему утраченный социальный

статус, укрепить физическое и психическое здоровье, а также восстановить дееспособность, способствуя его полноценной интеграции в общество и созданию условий для самостоятельной и безопасной жизни [8].

Для реализации эмпирического исследования в формате интервью был предварительно создан инструментарий, а именно – гайд для проведения интервью. В качестве респондентов выступило 7 специалистов из двух организаций: «Материнская обитель святой Софии, центр развития семьи Каритас»; а также кризисный центр «Надежда» – следует отметить, что указанные специалисты также осуществляют свою деятельность в негосударственном центре поддержки семей и детей «Вместе».

Однако организация сталкивается с определёнными ограничениями в своей деятельности. В частности, отмечаются следующие проблемы:

- недостаток волонтеров и персонала;
- отсутствие специализированной комнаты для релаксации;
- низкий уровень информированности общества о центрах помощи.

Наблюдается явный дисбаланс между заявленными принципами и реальностью. Идеальное представление о доступной и оперативной помощи на практике сталкивается с тем, что многие женщины не осведомлены о существовании кризисных центров. Тем, кто знает о них, зачастую не хватает мест и специалистов. Комплексная реабилитация, которая должна включать психологическую, юридическую и социальную помощь, также не всегда реализуется в полном объеме.

Взаимодействие с другими центрами позволяет обмениваться опытом. Однако организация сталкивается и с определенными ограничениями. В частности, отсутствует системная работа с абьюзерами, что обусловлено необходимостью привлечения отдельных специалистов и дополнительных ресурсов. Проблемы межведомственного взаимодействия затрагивают эффективность работы правоохранительных органов. Жертвы насилия часто теряют веру в защиту государства. Отсутствие единой базы данных по случаям насилия не позволяет центрам работать с полной эффективностью.

Наблюдается дисбаланс между идеями и реальными результатами. Например, несмотря на необходимость получения жертвами быстрой юридической помощи, судебные процессы могут затягиваться на годы. В теории реабилитация жертв должна быть долгосрочной, однако на практике женщины часто возвращаются к абьюзерам. Комплексная помощь сталкивается с нехваткой юристов.

Комплексная реабилитация, предполагающая работу с семьей жертвы, также сталкивается с трудностями. Причинами несоответствия являются законодательные пробелы, отсутствие отдельного закона о домашнем насилии и слабые механизмы защиты. Нехватка кадров также существенно затрудняет реализацию задекларированных целей. Социальные стереотипы усугубляют ситуацию. Отсутствуют программы по помощи абьюзерам. Также не предусмотрена системная профилактика насилия на уровне общества. Ограниченное взаимодействие с родственниками жертв обуславливается риском «слива» информации.

Анализ практики работы кризисных центров позволяет выявить комплекс взаимосвязанных проблем. Центральной проблемой является отсутствие системного подхода на государственном уровне, что проявляется в законодательном вакууме. Российская Федерация до сих пор не приняла специализированный закон о профилактике домашнего насилия. В результате правоохранительные органы часто рассматривают случаи семейного насилия как «частное дело», что приводит к безнаказанности агрессоров.

Организационные трудности усугубляются хроническим недофинансированием. Большинство учреждений работают в условиях жесткого ресурсного дефицита. Особенно остро ощущается нехватка квалифицированных юристов. Одновременно с этим наблюдается проблема кадрового голода.

Методологическая работа центров сталкивается с рядом существенных ограничений: отсутствуют единые стандартизированные программы реабилитации, недостаточно разработаны механизмы межведомственного взаимодействия. Слабо внедрены современные доказательные методики психологической помощи.

Особую проблему представляет собой низкий уровень общественной осведомленности. Глубоко укоренившиеся патриархальные стереотипы создают дополнительные барьеры. При этом профилактическая работа в образовательных учреждениях практически отсутствует. Практика показывает, что существующая система помощи носит преимущественно кризисный характер. Отсутствие поэтапной программы реинтеграции приводит к высокому проценту рецидивов. При этом практически не разработаны механизмы работы с самими насильниками.

Таким образом, современная система помощи сталкивается с комплексом взаимосвязанных проблем. Преодоление этих трудностей требует системного подхода.

Литература:

1. Насилие в отношении женщин – сайт Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/violence-against-women> (дата обращения: 06.10.2025).
2. Насилие / Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. - URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=15969> (дата обращения: 20.09.2025).
3. Паршин Н. М., Архипцев И. Н. Психологическое насилие в семье как негативный фактор, влияющий на формирование личности [Электронный ресурс] // ППД. 2021. №4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-nasilie-v-semie-kak-negativnyy-faktor-vliyayushiy-na-formirovanie-lichnosti> (дата обращения: 25.09.2025).
4. Садыков Р. М., Большакова Н. Л. Насилие в семье в новых российских реалиях: сущность, виды и причины [Электронный ресурс] // Вестник ГУУ. 2022. №8. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-v-semie-v-novyh-rossijskih-realiyah-suschnost-vidy-i-prichiny> (дата обращения: 10.10.2025).
5. Белолипецкая Е. В. Предотвращение насилия в семье (опыт регионов). – М.: Оргсервис-2000, 2005.– С. 57-59.
6. Соляник В. В. Домашнее насилие в России: общая характеристика [Электронный ресурс] // The Scientific Heritage. 2021. №65-4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/domashnee-nasilie-v-rossii-obshchaya-harakteristika> (дата обращения: 22.09.2025).
7. Фирсов М. В. Реабилитация в учреждениях социальной сферы. Практико-ориентированные подходы к инвалидности – М.: ИДПО ДТСЗН, 2018.– С. 21.
8. Марихин С. В., Ильясова З. М. Особенности социально-психологической работы с женщинами, подвергшимся насилию в семье [Электронный ресурс] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsialno-psihologicheskoy-raboty-s-zhenschinami-podvergshimsya-nasiliyu-v-semie> (дата обращения: 11.10.2025).
9. Лучшая практика помощи женщинам, оказавшимся в кризисной ситуации / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: <https://clck.ru/3LCz5n> (дата обращения: 20.09.2025).
10. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» /

МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В СЕМЕЙНЫХ КОНФЛИКТАХ

Е. А. Фурман

Новосибирский государственный технический университет

г. Новосибирск, esarafanova.2000@mail.ru

Научный руководитель: Ярышева А. А. к.псих.н.

Статья посвящена изучению моделей поведения подростков в семейных конфликтах. Рассматриваются некоторые причины возникновения таких конфликтов, модели поведения в них, выбираемые подростками и влияние этого выбора на будущее человека.

The article is devoted to the study of adolescent behavior patterns in family conflicts. It examines some of the causes of such conflicts, the behavior patterns chosen by adolescents, and the impact of these choices on their future.

В современном мире проблема конфликтов между родителями и детьми является одной из самых распространенных. Причинами могут выступать большое количество стрессовых ситуаций, быстро растущие требования к воспитанию детей, личностные факторы и др. Конфликты в семьях с подростками являются одним из наиболее распространенных типов конфликтов и оказывают значительное влияние на психологическое и эмоциональное состояние детей.

Основная проблема заключается в том, что люди до сих пор воспринимают конфликты как что-то негативное. Конфликты ассоциируются с агрессией, ссорами и враждебностью. Особенно тяжело их воспринимают родители, которые вынуждены конфликтовать со своими детьми, еще и в такой непростой период, как переходный возраст. Родители не понимают, почему их дети не прислушиваются к ним, почему их авторитетами стали друзья, и почему они не понимают, что родители желают им только лучшего.

Безусловно, конфликты – это столкновение интересов, отсутствие согласия между сторонами, и каждая сторона пытается отстоять свою позицию, мешая другой стороне сделать то же самое. Но во многих ситуациях конфликт помогает выявить многообразие точек зрения, получить новую информацию о предмете спора и немалое количество

альтернатив. А роль конфликтов с родителями в процессе формирования подростка как личности достаточно значима.

Немало внимания к этому вопросу было уделено в исследованиях З. Фрейда [1]. Он подчеркивал необходимость подростков сепарироваться от родителей, захотеть жить отдельно и отказаться от детских связей. Конфликты в данном случае рассматриваются как нормальное и даже желательное явление, а вот слишком тесная связь с родителями считается чем-то отклоняющимся от нормы. Хотя другие ученые, например, П. Блос, считали, что конфликт, конечно, играет роль в процессе сепарации, но незначительную.

Подростковый возраст [2] – переход от детства к юности – характеризуется значительными физиологическими, психологическими и социальными изменениями, непростой период. Подростки стремятся к самостоятельности и независимости, они чувствуют себя уже достаточно взрослыми и требуют больше свободы. Родители же, в свою очередь, все так же переживают за своих детей и их безопасность и стараются сохранить контроль и авторитет. К тому же, отношения значительно ухудшает критика с обеих сторон. Например, родители критикуют внешний вид подростка, а он – их стиль воспитания, потому что в этом возрасте кажется, что родители друзей позволяют своим детям гораздо больше. Подросток видит родителей слишком строгими и несправедливыми, а родители считают, что он еще ребенок и не готов сепарироваться даже совсем немного.

Также напряженность усугубляет статус подростка в семье – он еще не взрослый, но уже и не ребенок, собственно, поэтому возраст и называется переходным. Родители могут быть не совсем готовы принять такое изменение статуса, в то время как подросток гордится тем, что становится взрослее и самостоятельнее. Эмоциональная нестабильность, влияние сверстников и желание заявить о себе также усиливают конфликты. В итоге в семье возникают частые разногласия, которые требуют взаимопонимания и терпения для разрешения.

В различных ситуациях и в семьях с различными типами воспитания дети применяют разные модели поведения в конфликте. Модели поведения подростков в конфликтных ситуациях можно разделить на две большие группы: конструктивные модели и деструктивные.

Конструктивные модели поведения направлены на сохранение отношений и разрешение конфликтной ситуации, пусть даже и с минимальными потерями. К таким моделям можно отнести сотрудничество, компромисс и приспособление.

Подростки, растущие в семьях с демократическим стилем воспитания, чаще выбирают такую модель, как сотрудничество, они

готовы к диалогу и совместному поиску взаимовыгодных решений и стремятся услышать и понять точку зрения родителей. Взрослые люди, привыкшие с детства решать проблемы через сотрудничество, обладают умением слушать других и учитывать их интересы. Они умеют договариваться, не боятся брать на себя ответственность, что положительно сказывается на всех сферах жизни человека.

Иногда подростки предлагают родителям компромисс или достаточно легко соглашаются на такое предложение от родителей, когда каждая сторона немного уступает, неся минимальные потери. Такая модель помогает поддерживать баланс и снимает эмоциональное напряжение. Кроме того, подросток видит, что родители не просто заставляют его отступить, но и сами идут на уступки, а значит – родители видят в нем равного. В будущем такие люди думают не только о себе, умеют понимать и учитывать интересы других людей, им достаточно легко находить с людьми общий язык. В то же время, постоянные компромиссы могут привести к потере права на самовыражение и внутреннему чувству неудовлетворенности.

Приспособление же характеризуется чрезмерной уступчивостью подростка. Речь идет уже о более авторитарном стиле воспитания. Подросток жертвует собственными желаниями ради сохранения гармонии. Эта модель может приводить к внутреннему неудовлетворению и подавлению эмоций, но при этом она поддерживает внешнее спокойствие в отношениях. Если человек с самого детства привык приспосабливаться и свykаться с чужой позицией, он однозначно будет страдать от подавления собственных интересов, что приводит к снижению самооценки.

Деструктивные модели проявляются в конфронтации, избегании конфликта или даже пассивной агрессии. Конфронтация так же характерна для подростков, растущих в семьях с авторитарным стилем воспитания. Эта модель выражается в жестком сопротивлении, агрессии и желании доминировать в споре. Это может происходить, если подросток регулярно видит похожее поведение у своих родителей, как по отношению к нему, так и друг к другу. В будущем это может привести к плохим отношениям с близкими людьми, постоянному стрессу и социальной изоляции. Регулярная борьба за власть портит отношения, как в рабочем, так и в личном пространстве.

Избегание проявляется в уходе от обсуждения проблем, молчаливом пассивном сопротивлении или игнорировании конфликтной ситуации. Подросток может замалчивать проблему, игнорировать ситуацию или уходить физически. Это временное решение, которое не устраняет причины конфликта, а может способствовать его обострению в

дальнейшем. Избегание встречается у тех, кто боится эмоционального напряжения или не умеет выражать свои чувства. Такая модель не разрешает конфликт, а лишь оттягивает его решение, что может привести к накоплению внутреннего напряжения. Избегающие конфликты взрослые часто не развивают навыков решения проблем и коммуникации, что приводит к накоплению нерешенных вопросов и внутреннему напряжению. Это может вызывать чувство неудовлетворенности жизнью, плохое самочувствие и проблемы во взаимоотношениях.

Подростки выбирают определенные модели поведения [3] в конфликтных ситуациях из-за немалого количества причин:

1. Стиль воспитания в семье. В семьях, придерживающихся демократичного стиля воспитания, подростки формируют конструктивные модели, потому что именно такой пример им подают их родители. Они настроены на спокойный диалог и поиск взаимовыгодных решений. В семьях с авторитарным стилем все работает точно так же – подростки копируют деструктивное поведение родителей, формируя деструктивные модели поведения в конфликте.

2. Личностные особенности: характер, темперамент, самооценка, уровень тревожности и эмпатии.

3. Уровень социализации. Подросткам, имеющим много друзей, наверняка не раз приходилось решать конфликты с ними, идеальных взаимоотношений не бывает. Таким детям проще найти общий язык и с родителями, ведь они уже имеют похожий опыт, им однозначно ближе конструктивные модели. К деструктивным моделям чаще прибегают те подростки, которые недостаточно социализированы и имеют очень узкий круг общения или совсем не имеют авторитета среди сверстников.

4. Психоземotionalное состояние. Стрессовые ситуации в школе, на улице, дома побуждают выбрать в качестве модели поведения конфронтацию или избегание, как защитные механизмы психики.

Подростковый конфликт – это сложное явление, по-разному проявляющееся в зависимости от внутреннего мира подростка и внешних обстоятельств. Умение распознавать и корректировать модели поведения в конфликтных ситуациях помогает создавать более благоприятные условия для развития личности и сохранения семейных связей.

Осознание разнообразия моделей поведения подростков в конфликте важно для родителей, педагогов и психологов, так как помогает подобрать адекватные стратегии взаимодействия. Развитие навыков сотрудничества и компромисса способствует гармонизации отношений и снижению конфликтных ситуаций. В то время как непродуманное

реагирование на деструктивное поведение может усиливать напряжение и вести к эмоциональному отчуждению.

Литература:

1. Авдеева Н. Н., Хоффман Б. Я. Актуальные направления исследований взаимоотношений подростков с родителями [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 69-78.
2. Магомедова А. М. Подростковый возраст. Особенности развития психики подростка [Электронный ресурс] // Мировая наука. 2020. №3 (36). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podrostkovyy-vozrast-osobennosti-razvitiya-psihiki-podrostka> (дата обращения: 21.11.2025).
3. Полякова П. Н. Особенности выбора стратегий поведения в конфликтных ситуациях у подростков [Электронный ресурс] // Вестник науки и творчества. 2020. №6 (54). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vybora-strategiy-povedeniya-v-konfliktnyh-situatsiyah-u-podrostkov> (дата обращения: 21.11.2025).

ТЕХНОЛОГИИ ИНТЕГРАЦИИ ЛИЦ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА В ОБЩЕСТВО ПРИ ПОМОЩИ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ

Н. С. Шалев

**Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, shalevnika@yandex.ru, evelinailina656@gmail.com
Научный руководитель: Жданова И. В., к.ф.н., доцент**

В статье рассматриваются возможности применения методов машинного обучения для интеграции людей с нарушением слуха в общество. Ключевое внимание уделено технологиям распознавания речи, автоматического субтитрования, перевода жестового языка, а также адаптивным устройствам и образовательным платформам. Отмечены проблемы качества данных, приватности и доступности технологий. Предложены рекомендации по созданию масштабируемых решений и приведено авторское предложение по внедрению ML-технологий на уровне муниципальных программ комплексной инициативы по внедрению ML-решений на муниципальном уровне.

The article explores machine learning methods that support the integration of people with hearing impairments. It focuses on speech recognition, realtime subtitling, sign language translation, adaptive devices, and educational platforms. Issues such as data quality, privacy, and technology accessibility are highlighted. Recommendations for scalable solutions are provided, along with the author's proposal for implementing ML-based programs at the municipal level.

Проблема социальной интеграции лиц с нарушением слуха остаётся актуальной: барьеры коммуникации ограничивают доступ к образованию, здравоохранению, трудовой деятельности и услугам. Развитие вычислительных мощностей и алгоритмов машинного обучения создаёт новые инструменты для преодоления этих барьеров. В данной работе рассматривается, каким образом современные ML-техники могут способствовать полноценной интеграции людей с нарушениями слуха, какие технические и социально-этические проблемы при этом возникают, и какие практические шаги можно предпринять для их решения.

Технологические направления. Первое направление – автоматическое распознавание речи (ASR) и субтитрование в реальном времени. Современные нейронные модели (СТС- и трансформер-подобные архитектуры) показывают высокий уровень точности для стандартизованных условий; однако в реальных сценариях качество падает из-за фонового шума, акцентов, скорости речи и отсутствия репрезентативных данных для языковых и диалектных вариаций. Второе направление – распознавание и перевод жестового языка. Решения на базе компьютерного зрения (конволюционные и трансформерные подходы к видеоанализу) позволяют выделять ключевые позы, траектории кистей и лицевые выражения, необходимые для понимания жестовой речи. Третье направление – мультимодальные системы, объединяющие ASR, видение, NLP и синтез речи/текста, что позволяет строить двунаправленные интерфейсы: устная речь в текст/жест, жест в текст/речь. Четвёртое направление – интеллектуальные слуховые аппараты и устройства дополненной реальности, где ML применяется для подавления шума, адаптивной настройки усиления и персонализации профиля слухового восприятия. Пятое направление — платформы обучения и трудоустройства с рекомендационными системами и адаптивными курсами, учитывающими особенности восприятия и коммуникативные предпочтения пользователя.

Внедрение ML в контексте людей с инвалидностью требует внимания к приватности (запись и обработка аудио/видео), безопасности данных и праву на контроль над собственными данными. Необходимо учитывать риски систематических ошибок и смещений (bias): если модель обучена на ограниченном наборе говорящих или знаковых сообществ, это приведёт к снижению качества для иных групп пользователей. Также важна прозрачность алгоритмов и возможность апелляции: пользователи должны иметь простой способ сообщить об ошибках субтитров или неверном переводе жестов.

Для надёжной работы ML-систем требуются большие, разнородные и корректно размеченные датасеты: записи разговорной речи в шумных условиях, наборы жестового языка с аннотациями по морфологии и семантике, мультимодальные пары «видео–текст». Часто такие данные либо отсутствуют, либо собраны с нарушением этики. Ключевые проблемы: недостаток языкового разнообразия, нехватка аннотаций для жестовых диалектов, юридические ограничения на запись людей и высокие затраты на профессиональную разметку. Технически это отражается в шумной оценке (low-resource performance), узкой переносимости моделей и склонности к ошибкам в критических ситуациях (медицина, экстренные службы).

Для реальных приложений рекомендуется использовать гибридные подходы: объединение трансформеров для обработки аудио/текста с легковесными CNN/RGB-pose сетями для анализа видеопотока жестов. Трансферное обучение и self-supervised методы помогают сократить потребность в размеченных данных. Для латентного представления жестов эффективны подходы, объединяющие трёхмерную информацию о ключевых точках (skeleton) и визуальные признаки (appearance). Важна оптимизация для низкой задержки (realtime inference), что достигается через квантование моделей, использование оптимизированных библиотек и вычисления на стороне устройства (edge) при ограниченной пропускной способности сети.

Технология – лишь часть решения. Необходимо создание институциональных рамок: стандарты субтитрования в государственных службах, интеграция ML-решений в образовательные платформы, грантовая поддержка исследований в области жестовых языков и доступных интерфейсов. Ключевой компонент – привлечение сообществ людей с нарушением слуха к проектированию, тестированию и оценке продуктов (co-design). Обучение специалистов, подготовка преподавателей, и развитие центров компетенций по доступным технологиям – обязательные элементы.

Примеры практических сценариев: [1] субтитрование онлайнлекций и видеоконференций с возможностью корректировки терминологии преподавателем; [2] интерактивные киоски и информационные панели с распознаванием жестовой команды и выводом текста/аудио; [3] служба экстренной помощи с автоматическим переводом входящих голосовых вызовов в текст и в визуальные подсказки для дежурного, знакомого с жестовой коммуникацией; инструменты для трудоустройства, где ML-системы помогают сопоставить квалификацию с требованиями работодателя и создают адаптированные формы обратной связи.

Технические ограничения включают погрешности распознавания при смешанных режимах коммуникации (сочетание речи и жестов), проблемы локализации моделей и энергопотребление в портативных устройствах. Социальные риски: чрезмерная автоматизация коммуникационных процессов может привести к снижению инвестиций в обучение специалистов-переводчиков жестового языка и к изоляции людей при отсутствии доступа к технологиям. Экономические барьеры – стоимость устройств и сервисов, отсутствие субсидий для уязвимых групп.

Для создания устойчивых решений предлагается: формировать открытые репозитории мультимодальных данных с чёткими этическими и правовыми рамками; внедрять гибридные мультимодальные архитектуры с акцентом на реальное время и энергоэффективность; развивать программы подготовки кадров и общественные кампании для повышения цифровой грамотности; стимулировать государственное-частное партнёрство для субсидирования оборудования и сервисов; внедрять механизмы обратной связи от сообществ пользователей для непрерывного улучшения моделей.

Предложение: реализовать пилотную муниципальную программу «Инклюзия-ML», включающую три параллельных направления: 1) создание национального мультимодального корпуса для русского жестового языка и разговорной речи в реальных условиях, собранного и аннотированного совместно с сообществами НГО и специалистами-переводчиками; 2) разработку открытой платформы с модульными сервисами (realtime ASR + субтитры, распознавание жестов, персонализированные слуховые профили), доступной как облачно, так и в виде локальных пакетов для автономных устройств; 3) программу субсидирования и обучения: выдача недорогих устройств с предустановленными ML-модулями школам, центрам занятости и медицинским учреждениям, а также обучение персонала и распространение простых методик по верификации и корректировке автоматических субтитров. Организационно проект реализуется как партнёрство муниципалитета, вуза (например, НГТУ), профильных НГО и промышленных партнёров, при поддержке грантов и социальных программ. Технически акцент делается на edge-вычислениях для защиты приватности, на self-supervised предобучении моделей, и на инструменте быстрой дообучаемости (fine-tuning) с привлечением локальных аннотаторов. Ожидаемый результат – заметное повышение доступности городских сервисов для людей с нарушением слуха в течение 1–2 лет после старта пилота, а в долгосрочной перспективе – устойчивое расширение возможностей интеграции и трудовой активности.

Подводя итог, можно сказать, что машинное обучение обладает значительным потенциалом для удаления барьеров, с которыми сталкиваются лица с нарушением слуха: от повседневной коммуникации до профессиональной деятельности. Однако технологические возможности должны сопровождаться социальными, правовыми и экономическими мерами, чтобы решения были справедливыми, доступными и безопасными. Только интегрированный подход – объединяющий разработчиков, специалистов по образованию и сообщество людей с нарушением слуха – обеспечит устойчивый эффект.

Литература:

1. Лившиц Я. Г., Смирнов Н. П. Информационные технологии в социальной работе. — М.: Наука, 2020.
2. Jurafsky D., Martin J. H. Speech and Language Processing. — 3rd ed. — 2021.
3. Koller O., Zeller S. et al. Deep Sign: ASL Recognition with Deep Learning // Proc. of CVPR Workshops, 2019.
4. Hassan A., et al. Robust ASR in Noisy Environments: Survey and Benchmarks. — IEEE Trans. on Audio, 2022.
5. World Health Organization. World Report on Hearing. — Geneva, 2021.
6. Bird S., Klein E., Loper E. Natural Language Processing with Python. — O'Reilly, 2009.
7. Goodfellow I., Bengio Y., Courville A. Deep Learning. — MIT Press, 2016.
8. Петухова О. В. Правовые и этические аспекты обработки персональных данных в медиа. — Журнал «Информационная безопасность», 2022.
9. Gulrajani I., et al. On the Importance of Dataset Quality for ML in Accessibility. — Accessibility AI Conf., 2023.
10. Сборник рекомендаций по доступной среде (Минтруд РФ). — 2020.

КОНФЛИКТЫ, ВЫЗВАННЫЕ ОСВОЕНИЕМ ПРИРОДООХРАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

А. Е. Шаталова

Новосибирский государственный технический университет,

г. Новосибирск, a.shatalova07@mail.ru

Научный руководитель: Волченко С. Ю., ст. преп.

В статье предлагается авторское определение конфликтов, вызванных освоением природоохранных территорий, рассматриваются их характеристики с целью выделения их в самостоятельную группу конфликтов, в том числе уделяется особое внимание социокультурному аспекту; описана типология природоохранных конфликтов.

The article proposes an author's definition of conflicts caused by the development of protected areas, their characteristics are considered in order to allocate them to a separate group of conflicts, including paying special attention to the sociocultural aspect; described the typology of environmental conflicts

С повышением популярности туристических зон и созданием рекреаций в зонах с живописными природными объектами возникла необходимость введения мер, чтобы избежать деградации окружающей среды и сохранить природное многообразие стратегически важных регионов. С этими целями в российском законодательстве был определён правовой статус природоохранных территорий (далее — ООПТ, ОПТ). Их специфика заключается в том, что в пределах охраняемой зоны действуют определённые правила и ограничения в отношении пользования природными ресурсами. Однако с определением их правового статуса также возросла конфликтность в пределах охраняемых территорий и на прилегающих к ним зонах, что указало на необходимость уделить внимание изучению природоохранных конфликтов.

Сегодня характеристики конфликтов, вызванных освоением природоохранных территорий, недостаточно изучены в научной литературе и преимущественно анализируются с правовой точки зрения. Рассматривается и изучается специфика судебной практики, прозрачность законодательства и принимаемых решений в отношении природоохранных зон, особенности осуществления охраны и контроля. Однако природоохранные конфликты не исследуются в рамках конфликтологического подхода, как социальные практики, что, на наш взгляд, необходимо для более успешного управления такого рода конфликтами.

Основное и наиболее полное определение природоохранной территории нам даёт Федеральный Закон «Об особо охраняемых

природных территориях», согласно которому природоохранными территориями сегодня считаются участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны [1].

В том же законе приводится перечень природоохранных территорий [1], однако в контексте конфликтологической теории мы предлагаем также говорить о тех зонах, которые прилегают к ОПТ или находятся в непосредственной близости к ним. Дело в том, что нередко конфликты этого типа протекают за пределами границ самой природоохранной территории, что действует как эскалирующий фактор и вызывает более активные действия со стороны противоборствующих сторон, в частности местных жителей, проживающих на прилегающих к ОПТ территориях, в силу их намерений сохранить наследие, имеющее социокультурное, либо природное происхождение.

В научной литературе определения «экологического конфликта», «конфликта природопользования» и «природоохранного конфликта» часто приводятся как синонимы и схожи по содержанию, но всё же они имеют свои отличительные особенности. Экологический конфликт предполагает борьбу за природный ресурс и возникает тогда, когда в результате антропогенного воздействия (в том числе планируемого) наносится или может нанестись вред местной экосистеме. В природоохранных конфликтах более ярко выделяются правовой и социокультурный аспекты. При сравнении существующих в литературе определений можно прийти к выводу, что экологические конфликты - — более широкая и размытая группа, в то время как природоохранные конфликты являются их частным случаем.

На основании вышесказанного конфликты, вызванные освоением природоохранных территорий, можно трактовать как социально-экологическое противоречие интересов социальных субъектов в отношении допустимого порядка природопользования, системы охранных мер и социокультурных императивов, обусловленное реальной или возможной угрозой снижения биологической устойчивости, природного разнообразия, деградаций ресурсного потенциала, а также угрозой утраты объектов культурного наследия на охраняемой территории.

Говоря о природоохранных конфликтах, можно произвести их типологию по следующим основаниям:

1. В зависимости от уровня (сторон) будут выделяться: межличностные, групповые, межгрупповые, государственные и межгосударственные (хотя на практике межгосударственные конфликты на ООПТ встречаются реже).

2. Масштаб (территориальный признак): локальные, региональные, национальные конфликты.

3. Сфера отношений (повестка конфликта): экономические, политические, культурные (идеологические), социальные, юридические, трансграничные.

4. Сфера деятельности: энергетические, ресурсно-сырьевые, строительные, промышленные, утилизационные, транспортно-инфраструктурные, рекреационные, водохозяйственные, браконьерство (конфликт сохранения биоразнообразия).

Нами был проведён анализ кейсов конфликтов, связанных со строительством отеля «Манжерок» в Республике Алтай и эксплуатацией территорий вокруг озера Байкал. На основе анализа были выделены специфические характеристики возникновения, развития и управления природоохранными конфликтами. К ним относятся: чёткое выделение правового компонента, сильное влияние социокультурного аспекта, многосубъектность, многомасштабность (резонансность) и высокая степень неопределённости в конфликтах.

Особое внимание следует уделять социокультурному аспекту. Федеральный Закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [2] содержит типологию объектов культурного наследия, но на практике природоохранные зоны нередко оказываются в пересечении с объектами культурного наследия: они либо включают их, либо сами становятся их частью.

Несмотря на имеющиеся правовые регуляторы ООПТ, конфликты, связанные с освоением природоохранных территорий, носят системный характер и так же сложны, как экологические конфликты, что указывает на необходимость их дальнейшего и более детального изучения.

Литература:

1. Федеральный закон от 14 марта.1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант Плюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/ (дата обращения: 03.11.2025).

2. Федеральный закон от 25 июня 2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов

Российской Федерации» [Электронный ресурс] // [Электронный ресурс]
// Справочно-правовая система Консультант Плюс. — URL:
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/8aa9478dba49e6a5c251a3332d51e78e4839a9d8/ (дата обращения: 22.11.2025).

**СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РЕАБИЛИТАЦИИ
УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ,
МАТЕРИАЛ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА
ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ
ФИЛИАЛА «ГКЦСОН» ЛЕНИНСКОГО РАЙОНА МБУ,
Г. НОВОСИБИРСКА**

Д. И. Шмидт

**Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, dmitrij.shmidt.03@mail.ru**

Научный руководитель: Мозговая Т. П., ст. преп.

Статья посвящена социальным технологиям реабилитации участников специальной военной операции на примере Отделения социальной реабилитации Ленинского филиала Городского комплексного центра социального обслуживания населения.

The article is devoted to social technologies for the rehabilitation of participants in special military operations, using the example of the Social Rehabilitation Department of the Leninsky branch of the City Comprehensive Center for Social Services.

Актуальность темы исследования обусловлена продолжающимся процессом преобразования и реформирования системы социальной защиты участников специальной военной операции (далее – СВО). Значимость данного процесса связана с значительным числом военнослужащих, принимающих участие в СВО (информация согласно данным средств массовой информации (далее – СМИ) [1,2,3], продолжительностью проведения военной операции, степенью травматизации и тяжести ранений, высокой психоэмоциональной нагрузкой на психику военнослужащих.

Социальная реабилитация участников боевых действий подразумевает под собой комплекс мер, направленных на восстановление социальной, психологической устойчивости, физической подвижности, профилактики имеющихся заболеваний для повышения качества жизни. Технологии же социальной реабилитации представляют собой комплекс мер, по восстановлению социального статуса, который

способен измениться в следствии участия в боевых действиях и влияния сопутствующих им негативных факторов.

Сам процесс формирования системы социальной защиты и социальной реабилитации участников СВО продолжается, как и апробирование эмпирического опыта социальной реабилитации участников СВО остается важной такая проблема, как сбор качественного опыта работы с участниками спецоперации. Поэтому опыт различных социальных учреждений в работе с участниками СВО необходимо собирать, анализировать, сопоставлять и распространять, а также транслировать для повышения эффективности и результативности социальной реабилитации.

Эмпирическим объектом исследования является деятельность специалистов, реализующих социальные технологии реабилитации участников СВО на примере Отделения социальной реабилитации филиала «ГКЦСОН» Ленинского района, МБУ, г. Новосибирска. Предметом исследования выступила информация о социальных технологиях реабилитации участников СВО на примере Отделения социальной реабилитации филиала «ГКЦСОН» Ленинского района, МБУ, г. Новосибирска.

Цель исследования – анализ опыта реализации социальных технологий реабилитации участников СВО на примере Отделения социальной реабилитации филиала «ГКЦСОН» Ленинского района, МБУ, г. Новосибирска.

Методами исследования являлись включенное наблюдение за деятельностью специалистов и процессом прохождения реабилитации участниками СВО, а также полуструктурированное интервью со специалистами, реализующими социальные технологии реабилитации участников СВО. Инструментарием являлся дневник полевых заметок и путеводитель для интервью.

Охарактеризовать социальное учреждение, которое послужило местом проведения исследования можно как одно из ведущих и передовых в г. Новосибирске по реализации технологий реабилитации участников СВО.

Согласно информации в отделении созданы все условия для прохождения социальной реабилитации и третьего этапа медицинской реабилитации по четырем направлениям реабилитационных мероприятий:

Ортопедическая реабилитация – направлена на восстановление утраченных физических способностей пациента, вследствие перенесенных травм, операций по эндопротезированию суставов, артроскопических операций, дегенеративных и воспалительных

заболеваний суставов, с применением методов механотерапии, физиотерапии (электростимуляция), роботизированной терапии.

Кардиореабилитация – это комплекс координированно проводимых мероприятий медицинского, физического, психологического и социального характера, направленных на наиболее полное восстановление здоровья, психологического статуса и трудоспособности пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями.

Постковидная реабилитация – проведение комплекса мероприятий для нормализации механики дыхания, ликвидации дыхательной недостаточности, улучшения дренирующей функции бронхов, восстановление функционального состояния дыхательной системы, а также адаптации организма к последующим возрастающим физическим нагрузкам.

Программа респираторной реабилитации определяется для каждого пациента индивидуально, с учетом тяжести перенесенной пневмонии и степени поражения легких, наличия сопутствующих заболеваний и реализуется в кабинете, оборудованном дыхательными тренажерами различной модификации.

Психологическая и нейрореабилитации — это комплекс мероприятий, направленных на восстановление утраченных функций вследствие неврологического заболевания или травмы с применением тренингов на стабиллоплатформе, биоакустической коррекции, терапии на основе биологической обратной связи, эрготерапии и занятий лечебной физкультурой.

За период август-декабрь 2023г. комплексную медико-социальную реабилитацию прошли 19 участников специальной военной операции, получивших ранения и 15 чел. членов семей участников СВО. Всего было оказано более 2800 услуг. 16 участников СВО после восстановительного курса реабилитации вернулись в зону боевых действий.

Примечательно, что в апреле 2025 года данное учреждение получило новое оборудование для осуществления групповых психологических работ с участниками СВО и членами их семей с использованием метаморфических ассоциативных карт.

При реализации социальной реабилитации специалисты применяют такие социальные технологии и методы как: социальное консультирование; первичная и вторичная профилактика в области здорового образа жизни; психологическое консультирование; психокоррекционная работа; механотерапия; эрготерапия; кинезотерапия; лечебно физическая и адаптивная физическая культура.

Обобщая реализуемые технологии, их можно отнести к двум видам реабилитации: медико-психологической и социокультурной

реабилитации, среди которых выделяется медико-психологическая реабилитация с упором на физическое восстановление.

Перечисленные технологии и виды реабилитации осуществляются с применением следующих устройств: стабилотранспортировочная платформа, аппарата Ормеда-Кинезо, пассив-активный тренажер (велотренажер), аппарат Метрон, эрготерапевтический стол, силовой BODI SLIM, программно-аппаратный резонансно-акустический реабилитационный комплекс, качели Юлина, беговые дорожки, тренажер для гребли, велосипедные тренажеры.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, в отделении реабилитации созданы условия для прохождения социальной реабилитации и третьего этапа медицинской реабилитации по четырем направлениям.

Во-вторых, имеется широкий перечень технического оборудования. Специалисты осуществляют комплексное взаимодействие, выстраивают индивидуальный подход к каждому клиенту, избегают конфликтных ситуаций и осуществляют высококвалифицированную помощь.

В-третьих, специалисты отмечают, что работа с участниками СВО непростая, поскольку процесс образования практического апробированного опыта работы еще продолжается. Для молодых участников СВО характерна спешка и нетерпеливость при выздоровлении.

В-четвертых, деятельность данного учреждения и накапливаемый опыт работы проецируется и транслируется на иные учреждения социальной защиты в г. Новосибирске [4,5,6].

В-пятых, данное учреждение осуществляет взаимодействие с медицинскими и социальными государственными организациями города Новосибирск, в том числе по обмену опытом и повышению квалификации специалистов по работе с разными клиентскими группами социальной работы.

Таким образом, социальные технологии реабилитации участников СВО на примере Отделения социальной реабилитации филиала «ГКЦСОН» Ленинского района представляют собой целый комплекс технологий и методов, направленных на восстановление социального статуса участников специальной военной операции, посредством применения новых устройств реабилитации, преобразования и повышения уровня предоставляемых услуг. Получаемый опыт в будущем весьма вероятно способен стать новым фундаментом в теме социальной защиты участников боевых действий.

Литература:

- 1 Частично мобилизационный план. [Электронный ресурс] // Газета РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/09/22/632ab7649a79478471a3034c> (дата обращения 20.09.2025).
- 2 Около 400 тысяч человек подписали контракт с ВС РФ с начала года – Медведев. [Электронный ресурс] // Новостной канал Москва24. – URL: <https://www.m24.ru/news/politika/09112023/637854> (дата обращения 20.09.2025).
- 3 Путин назвал численность российских войск в зоне СВО. [Электронный ресурс]. // Новостной канал РИА Новости Крым. – URL: <https://crimea.ria.ru/20240614/putin-nazval-chislennost-rossiyskikh-voysk-v-zone-svo-1138119264.html> (дата обращения 20.09.2025).
- 4 Новосибирская область занимает лидирующие позиции по многим направлениям оказания помощи участникам [Официальный сайт]. // Правительство Новосибирской области. –URL: <https://www.nso.ru/news/68862> (дата обращения 17.09.2025).
- 5 Мэр Кудрявцев рассказал о работе реабилитационного центра в Новосибирске [Электронный ресурс] // Новостной канал – Наш дом Новосибирск – URL: <https://ndn.info/> (дата обращения 20.09.2025).
- 6 Новый центр реабилитации для бойцов СВО откроют на улице Чехова [Электронный ресурс] // Новостной канал Новосибирские новости – URL: <https://nsknews.info/> (дата обращения 20.09.2025).

**ПРАКТИКИ ЗАБОТЫ О МЕНТАЛЬНОМ ЗДОРОВЬЕ
СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА (НА ПРИМЕРЕ НГТУ)**

A. C. Chijioke, V. A. Adebowale

**Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, chidzhioke.2025@stud.nstu.ru,
adebowale.2025@stud.nstu.ru**

**Научный руководитель: Лебедева-Несевря Н. А.,
д-р социол. наук, проф.**

Исследование посвящено анализу практик заботы о себе студентов НГТУ с различным уровнем психоэмоционального благополучия. На данных разведывательного исследования, проведенного методом формализованного опроса на выборке из 188 студентов, показаны различия в уровне внимания и стратегиях обеспеченного собственного психоэмоционального благополучия.

This study examines practices linked to high and low psycho-emotional well-being among students of Novosibirsk State Technical University (NSTU). Data were collected

through surveys and interviews with 188 students, revealing differences in coping behaviors, lifestyle practices, help-seeking tendencies, and social engagement.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет психоэмоциональное благополучие как состояние психического здоровья, которое позволяет человеку справляться со стрессом, продуктивно работать и вносить вклад в жизнь общества [1]. Данная форма благополучия существенно влияет на мышление, чувства и поведение индивида, что особенно важно для студентов вузов, сталкивающихся с академическим давлением, социальной адаптацией и переходом к самостоятельной жизни [2–3]. Психоэмоциональное благополучие играет ключевую роль в формировании академической успеваемости, мотивации, социальных связей и общей удовлетворенности жизнью.

Современный студент подвержен действию широкого спектра стрессоров, обусловленных учебными нагрузками, культурной адаптацией, финансовыми обязательствами и переходом к независимому образу жизни. Несмотря на то, что в мировой литературе широко представлены данные о распространенности проблем ментального здоровья среди студенчества [4–5], вопросам того, как именно студенты технических вузов управляют своим психоэмоциональным состоянием и поддерживают его, уделялось недостаточно внимания.

Настоящее исследование восполняет этот пробел путем изучения на примере НГТУ копинг-практик (стратегий совладания), используемых студентами с высоким и низким уровнями благополучия, а также предложения научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию системы эмоциональной поддержки и механизмов формирования жизнестойкости.

Студенты сталкиваются с различными формами психоэмоционального стресса, возникающего на почве учебной нагрузки, финансовых трудностей, социальной трансформации и личной ответственности. Эти стрессоры воздействуют на студентов по-разному в зависимости от их систем социальной поддержки и навыков совладания [6–8]. Цель данного исследования – выявить специфические паттерны поведения и стратегии, характерные для студентов НГТУ с разным уровнем психоэмоционального благополучия, и предложить меры по укреплению систем поддержки университета.

В работе использованы данные количественного эмпирического исследования, проведенного в период с октября по ноябрь 2025 г. Методом анкетирования опрошены 188 студентов НГТУ, из которых 160 полностью заполнили анкету. Анализируемая выборка включала российских и иностранных студентов в возрасте от 18 до 22 лет,

обучающихся на различных факультетах и ступенях образования. В ходе опроса оценивались коммуникабельность, особенности взаимодействия с преподавателями, участие во внеучебной деятельности, эмоциональная стабильность, самовосприятие, уровень стресса, режим сна, экранное время и предпочтения в поиске помощи.

Обработка данных осуществлялась с помощью программного обеспечения SPSS for Windows. Частотный анализ использовался для обобщения основных переменных, корреляционный анализ – для изучения связей между копинг-стратегиями и уровнем благополучия, а критерий хи-квадрат – для определения статистической значимости различий между демографическими категориями. Респонденты были разделены на группы с высоким и низким уровнем психоэмоционального благополучия на основе их вовлеченности, эмоциональной устойчивости и активности в применении копинг-механизмов.

Студенты в возрасте от 19 до 21 года продемонстрировали более высокие показатели благополучия и большую открытость к психологической поддержке. Также в этой группе отмечается более сбалансированный подход к распределению академической и личной ответственности (таблица 1).

Таблица 1 – Использование студентами НГТУ различных ресурсов психологической поддержки (в % к общему числу ответивших)

	Не использовал и не хочу	Не использовал, но хотел бы	Использовал
Возрастная подгруппа			
18 и менее	69,7	30,3	0,0
19–21	59,6	34,8	5,6
22 и старше	63,8	27,7	8,5
Пол			
Мужчины	59,2	32,4	8,5
Женщины	64,6	32,3	3,0

Студентки показали более активное участие в групповых тренингах и проявили больший интерес к психологической помощи, хотя мужчины сообщили о несколько более высоком фактическом использовании.

Для опрошенных студентов с хорошим психоэмоциональным самочувствием характерна ориентация на активную адаптивную стратегию, включающую практики саморегуляции, такие как медитация, йога, контролируемое дыхание или рефлексивные упражнения, участие в мероприятиях на свежем воздухе, включая прогулки и времяпрепровождение на природе, регулярное общение с семьей, друзьями или близкими социальными сетями, участие в спортивных или физических нагрузках, а также расслабляющие мероприятия, такие как отдых, сон или сокращение использования гаджетов. Некоторые студенты также признали, что время от времени прибегают к вредным привычкам, хотя и гораздо реже, чем опрошенные с низким уровнем благополучия. Наблюдаются также различия по критерию пола (Табл. 2).

Таблица 2 – Частота обращения студентов к вредным привычкам для стабилизации психоэмоционального состояния (в % к общему числу ответивших)

Пол	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Постоянно
Мужчины	45,1	19,7	21,1	9,9	4,2
Женщины	38,4	21,2	21,2	10,1	9,1

Студенты с высоким уровнем благополучия полагаются на активные и структурированные стратегии совладания, которые способствуют эмоциональному равновесию и жизнестойкости. Учащиеся с более низким психоэмоциональным благополучием обычно сообщали о нерегулярном режиме сна, увеличении времени, проводимого у экрана, частой изоляции или ограниченном социальном взаимодействии, нежелании обращаться за психологической или академической поддержкой и большей вовлеченности в причинение вреда здоровью.

Выявленные закономерности указывают на то, что избегающее и неадаптивное копинг-поведение связано с меньшей эмоциональной стабильностью и большими академическими и личными трудностями. Исследование выявило явные различия в копинг-практиках студентов НГТУ с высоким и низким психоэмоциональным благополучием. Учащиеся с высоким уровнем благополучия, как правило, придерживаются структурированного распорядка дня, поддерживают прочные социальные связи, используют здоровые стратегии преодоления

трудностей и демонстрируют открытость для психологической поддержки. Учащиеся с низким уровнем благополучия демонстрируют поведение, основанное на избегании, чаще имеют вредные привычки и реже обращаются за помощью.

Результаты исследования подчеркивают необходимость целенаправленных институциональных вмешательств. Такие меры могут включать кампании по повышению осведомленности о психическом здоровье, системы поддержки сверстников, расширение доступа к психологическим службам и практические семинары по управлению стрессом, здоровым привычкам и эмоциональному регулированию. Укрепление этих областей поможет создать среду, способствующую устойчивости студентов.

Благодарность

Авторы выражают искреннюю признательность всем студентам НГТУ, принявшим участие в исследовании в качестве супервайзеров и респондентов.

Литература

1. World Health Organization, Mental health of students in higher education, 2020 [Electronic resource]. - URL: https://www.who.int/mental_health/policy/en/ (accessed 30.11.2025).
2. Diener E., Ryan K., Subjective well-being, 2009 [Electronic resource]. - URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/008124630903900402> (accessed 30.11.2025).
3. Eisenberg D., Hunt J., Speer N., Mental health in college populations, 2013 [Electronic resource]. - URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/josi.12003> (accessed 30.11.2025).
4. Ryff C., Psychological well-being revisited, 2014 [Electronic resource]. URL: https://journals.lww.com/psychosomatic/Abstract/2014/11000/Psychological_Well_Being_Revisited_.8.aspx (accessed 30.11.2025).
5. Auerbach R. et al., World Mental Health Surveys, 2018 [Electronic resource]. - URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0165178118301915> (accessed 30.11.2025).
6. Schwarzer R., Knoll N., Social support and coping processes, 2007 [Electronic resource]. - URL: https://www.researchgate.net/publication/229150537_Functional_Role_of_S

ocial_Support_within_the_Stress_and_Coping_Process (accessed 30.11.2025).

7. O'Keefe D., Burge D., Coping strategies in university students, 2016 [Electronic resource]. - URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.3109/09638237.2015.1032840> (accessed 30.11.2025).

Luthar S., Brown P., Social support and resilience, 2007 [Electronic resource]. - URL: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0893-3200.21.3.446> (accessed 30.11.2025).

**СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

А. С. Абдурагимова

Институт законодательства и сравнительного правоведения

при Правительстве Российской Федерации,

Правовая служба в органах государственной власти,

г. Москва, a.s.anzhelika@yandex.ru

Научный руководитель: Азнагулова Г. М., к.ю.н.

Данная статья посвящена исследованию концепции социального государства в контексте современной России. В работе рассматриваются исторические предпосылки формирования социальной политики, основные направления и механизмы реализации социальных программ, а также проблемы и перспективы развития социального государства в российском обществе. Статья направлена на углубление понимания роли социального государства в обеспечении социального равенства и повышении уровня жизни граждан России.

This article focuses on the concept of the welfare state in the context of modern Russia. It explores the historical background of social policy formation, the main directions and mechanisms of implementing social programs, as well as the challenges and prospects for the development of the welfare state in Russian society. The article aims to deepen understanding of the role of the welfare state in ensuring social equality and improving the living standards of Russian citizens.

В современном мире концепция социального государства занимает важное место в системе правовых и политических основ государства. Социальное государство — это такое государство, которое обеспечивает своим гражданам высокие стандарты жизни, равные возможности и социальную защиту. В России, как государстве с богатой историей и сложными социально-экономическими вызовами, идея социальной ответственности и поддержки социальной сферы имеет особое значение [5].

Исторически Россия прошла через различные этапы развития социальной политики, начиная с царской эпохи, когда существовали слаборазвитые системы социальной защиты, и заканчивая советским периодом, когда государство взяло на себя ответственность за полную организацию социального обеспечения населения. Разрушение социалистического режима привело к реструктуризации системы социальной поддержки, и в постсоветский период Россия начала формировать свою собственную модель социального государства.

Современная Россия реализует принципы социальной защиты через систему разнообразных мер: пенсии, пособия по безработице, социальные выплаты, бесплатное образование и здравоохранение, а также поддержку уязвимых групп населения. Законодательство в сфере социальной защиты включает федеральные законы, регулирующие права инвалидов, детей, многодетных семей, пенсионеров и других категорий граждан. Важную роль играют различные государственные и негосударственные институты, обеспечивающие реализацию этих программ. Федеральные структуры, такие как Министерство труда и социальной защиты, а также региональные органы власти, взаимодействуют для координации и повышения эффективности социальных инициатив [4].

Несмотря на принятые меры, российская модель социального государства сталкивается с рядом проблем. Среди них — недостаточное финансирование в некоторых сферах, сложность доступа к социальным услугам в отдалённых регионах, высокий уровень неформальной занятости, а также демографические изменения, такие как старение населения и снижение рождаемости. Эти факторы требуют постоянной адаптации социально-экономической политики и поиска новых решений [2].

Проблематика детских пособий в России является актуальной и многосоставной темой, которая затрагивает социальную, экономическую и политическую сферы. По информации на ноябрь 2025 года, число получателей единых детских пособий в России увеличилось на 40% по сравнению с 2024 годом. С начала года более 300 тысяч клиентов получили свыше 50 млрд рублей единых детских пособий, общий объём выплат почти вдвое превысил прошлогодний показатель. [1]. Однако, размер государственных пособий зачастую не соответствует реальным затратам на содержание ребенка, особенно в условиях роста цен на товары и услуги. Это приводит к тому, что многие семьи испытывают финансовые трудности, особенно многодетные и семьи с низким доходом. Пособия могут предоставляться не всем нуждающимся семьям или иметь сложную систему оформления и оформления документов. Иногда преимущества получают семьи с более высоким статусом или те, кто знает, как правильно оформить документы, что вызывает социальное недовольство и несправедливость.

Пока родитель находится в отпуске по уходу за ребенком до 1,5 лет, семье также полагается соответствующая выплата. Размер пособия составляет 40% среднего заработка родителя, но не ниже установленного законодательством минимального размера, который с 1 февраля 2024 года составлял 9 227,24 рубля. С 2024 года пособие предоставляется

семье даже в тех случаях, когда родитель выходит на работу досрочно – до исполнения ребенку 1,5 лет. При этом работать можно как на условиях полного или неполного рабочего времени, так и дистанционно. Максимальный размер пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет для работающих родителей – 49 123,12 рубля в месяц [1].

За последние годы в России предпринимались попытки реформировать систему выплат — введение материнского капитала, увеличение размеров пособий и их привязка к уровню инфляции. Однако, несмотря на это, вопросы эффективности и справедливости остаются открытыми [3].

На основании вышеизложенного мы можем говорить о том, что проблема детских пособий в России требует комплексного решения, включающего увеличение размеров выплат, упрощение оформления, борьбу с бюрократическими препятствиями и создание условий для более справедливого распределения социальной поддержки.

Для укрепления своей роли и повышения эффективности, российское социальное государство должно развивать программы, ориентированные на качество и доступность социальных услуг, расширять участие граждан и негосударственных организаций в социальных проектах. Также важно модернизировать системы социальной защиты с учетом современных технологий и данных, а также реализовать меры по стимулированию рождаемости и улучшению демографической ситуации.

Социальное государство в России — это сложная и постоянно развивающаяся система, отражающая как исторический опыт, так и современные социально-экономические вызовы. Его задача — обеспечить гражданам достойный уровень жизни, социальную защиту и равные возможности для развития, способствуя стабильности и процветанию российского общества.

Литература:

1. Годовой отчет Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации // [Электронный ресурс]. — URL: https://sfr.gov.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/GodOtchet_2024_web.pdf (дата обращения 28.11.2025).
2. Губанкова Т. Н. Правовая политика Российской Федерации в сфере реализации задачи построения социального государства / Т. Н. Губанкова // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. — 2019 — Т. 6, № 4 — С. 43–47.
3. Ивкин С.А., Щеголев А.А. Социальная защита населения в контексте социальной политики государства // Вестник образовательного

консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. 2021 № 17 С. 27-29.

4. Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411631987/> (дата обращения 28.11.2025).

5. Шайдукова Л. Д. Социальная политика Российской Федерации: учебник для вузов / Л. Д. Шайдукова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2025. — 172 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-17835-7. — [Электронный ресурс] // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/567988> (дата обращения: 01.12.2025).

ДВУКРАТНЫЙ ОТКАЗ ОТ РАБОТЫ С МОМЕНТА РЕГИСТРАЦИИ В ОРГАНЕ СЛУЖБЫ ЗАНЯТОСТИ КАК ПРИМЕР НАРУШЕНИЯ ПРИНЦИПА ДОБРОВОЛЬНОСТИ ТРУДА И СВОБОДЫ ВЫБОРА ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ, РОДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. Е. Амельченко

**Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»**

г. Новосибирск, amelchenko-y@list.ru

Научный руководитель: Фёдорова О. В., к.ю.н., доцент

В работе исследуется факт нарушения, закрепленного Федеральным законом N 565-ФЗ принципа добровольности труда и свободы выбора гражданами формы занятости, рода деятельности. Доказывается наличествующее ограничение конституционного права на свободу труда, выбор рода деятельности. Обосновывается необходимость ликвидации пункта 10 части 2 статьи 24 в целях обеспечения вышеуказанного принципа и конституционного права.

The article investigates the violation of the principle of freedom labor in Federal Law 565-FS. The limitation of the constitutional right to freedom of labor is proved. Justification is given for the elimination of article 24, paragraph 10, part 2, in order to ensure the above principle and constitutional law.

Федеральный закон от 12.12.2023 N 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» закрепил изменения в области регулирования

государственной политики в сфере занятости населения, к числу которых относятся новые условия признания гражданина безработным и основания отказа в признании его таковым. Собственно, 24 статья рассматриваемого Федерального закона изобилует обоснованиями отказа в признании гражданина безработным, однако любопытным выступает пункт 10 части первой правовой нормы, который закрепляет в качестве основания отказ лица от двух вариантов работы в течение десяти дней со дня его регистрации в органе службы занятости в целях поиска подходящей работы.

Данное законодательное закрепление является примечательным ввиду следующего: четвертая статья Федерального закона в качестве принципа правового регулирования отношений в сфере занятости населения закрепляет добровольность труда и свободу выбора гражданами формы занятости, рода деятельности, профессии, специальности, вида, характера и режима труда, однако, учитывая содержание вышеуказанного десятого пункта 24 статьи, возникает вопрос о нарушении данного принципа, а также об ограничении конституционного права граждан на свободное распоряжение своими способностями к труду и выбор рода деятельности и профессии посредством легального закрепления рассматриваемой правовой нормы.

Объект исследования – социально-правовые отношения в сфере занятости населения. Предмет исследования – изучение возможного нарушения вышеуказанного принципа через призму анализа соразмерности ограничения освещённого конституционного права граждан.

Вопрос нарушения рассматриваемого принципа является не изученным ввиду отсутствия комплексных исследований по данной тематике. Авторы крайне опосредованно, изучая правовые аспекты занятости, упоминают основания отказа в признании гражданина безработным. Примером выступает работа О. Ю. Павловской, которая называет условия признания и основания отказа в признании безработным «заградительными», однако не раскрывая суть данной проблематики. При этом всесторонне изучен вопрос ограничения исследуемого конституционного права граждан. Значимыми выступают научные работы Н. В. Пугачёвой, Е. С. Смирновой, А. А. Уварова, позиции которых отражены ниже. Ввиду всего выше сказанного, можно сделать вывод о наличествующем характере новизны данного исследования, так как по результату анализа делается вывод об обоснованности точки зрения, которая заключается в факте нарушения исследуемого принципа и ограничения конституционного права.

Видится уместным начать исследование с анализа возможного легального ограничения рассматриваемого конституционного права граждан. Так, Н. В. Пугачёва, анализируя свободу труда, отражает, что ограничение данного права допустимо в случае необходимости стимуляции лица к реализации способности к труду. При этом, изучая сущность второй части 1 пункта 37 статьи Конституции, Н. В. Пугачёва приходит к выводу о том, что ограничение права выбирать род деятельности допустимо по двум направлениям:

- при установлении квалификационных требований,
- при закреплении простого ограничения на занятие должности, к числу которого может относиться, например, судимость лица, претендующего на должность преподавателя [3].

Можно увидеть, что свобода труда и выбор рода деятельности по своей сути не коррелируют, что видно на примере позиции Н. В. Пугачёвой. Ограничение свободы труда и права выбора рода деятельности имеют, как отражено выше, различные основания и причины.

А. В. Радонова, в свою очередь, придерживается мнения, которое заключается в следующем: в качестве существенного элемента в защите прав стоит необходимость обеспечения интересов управомоченного лица, защиты его прав [4]. То есть в данном случае мы видим, что автор больше склоняется к обеспечению прав субъекта нежели к их ограничению. Не стоит при этом забывать о сформулированных Конституционным Судом критериях, позволяющих оценить обоснованность ограничения прав и свобод граждан: «Ограничения должны быть справедливыми, адекватными, пропорциональными, соразмерными, необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей». Из позиции Конституционного суда можно увидеть, что суть ограничений провозглашённых прав заключается в обеспечении интересов других субъектов. Данное умозаключение подтверждается также позицией Е. С. Смирновой, которая придерживается аналогичного мнения [5].

Исходя из вышесказанного, возникает вполне логичный вопрос: а существует ли обоснованность в ограничении конституционного права граждан посредством отказа в признании лиц безработными на основании ранее освещённой правовой нормы Федерального закона N 565-ФЗ? Чей интерес обеспечивается посредством сужения свободы данных субъектов, вынужденных приобретать статус безработного?

А. А. Уваров в своём исследовании отмечает, что суть правового ограничения заключается в достижении баланса публичных и частных интересов, а также в предотвращении негативных последствий [7].

Нельзя не обратить внимание на, хотя и не ратифицированную Российской Федерацией, но имеющую весомое значение в ходе исследования Конвенцию Международной Организации Труда от 09.07.1964 N 122 «О политике в области занятости». Конвенция закрепляет, что политика в сфере занятости имеет целью обеспечение того, чтобы «существовала свобода выбора занятости».

А. В. Радонова отмечает, что «защита прав граждан должна выражаться прежде всего в исполнении обязанностей работодателями, государственной службой занятости в отношении как занятых, так и безработных граждан» [4]. Доктрина делает акцент на перевесе обязанностей по отношению к лицам, прибегающим к необходимости приобретения статуса безработного, со стороны государства.

Также Е. В. Ступак обращает внимание на то обстоятельство, что у федеральных служб исполнительной власти основной упор должен делаться на их обязанности [6]. Более того, О. Ю. Павловская отмечает, что государственная служба занятости реализует посреднические функции, также не обладает административно-правовыми полномочиями по отношению к лицам, нуждающимся к работе. Автор называет условия признания и отказа в признании гражданина безработным «заградительными», что подтверждает тезис о чрезмерном ограничении права лиц на статус безработного [2].

При этом Е. Е. Орлова отмечает отсутствие единого подхода к определению правоотношений между лицами, нуждающимися в работе, и государством [1]. В данной связи сложно определить преобладание частного или публичного интереса ввиду специфики рассматриваемых правоотношений.

Можно обобщить данные доктрины и свести к следующему: определение характера правоотношений по трудоустройству и занятости между лицами, нуждающимися в работе и претендующими на статус безработного, и государством в лице государственной службы занятости является спорным, отсутствует преимущественное научное мнение по этому вопросу, но при этом ряд авторов подчёркивают правовой перевес обязанностей со стороны государства в области занятости.

Резюмируя все вышесказанное, важным выступает вновь вернуться к исследуемому нами конституционному праву и сделать окончательный вывод. Как точно выразилась Н. В. Пугачёва ограничение свободы труда допустимо в ходе стимулирования лица к реализации способности к труду, однако, учитывая, что граждане, обращающиеся в государственные службы занятости, по своему усмотрению пользуются гарантированным правом на защиту от безработицы и труд можно сделать вывод об отсутствии необходимости их стимуляции ввиду того

обстоятельства, что данные субъекты по своему волеизъявлению прибегают к услугам данных служб, при этом отсутствует законодательно легализованное принуждение к реализации способностей к труду, которое могло бы понуждать их к регистрации в службах и к поиску работы. Ограничение выбора рода деятельности также базируется на вышеуказанных Н. В. Пугачёвой направлениях, что, в свою очередь, также не является основанием в отказе лицу в признании его безработным по пункту 10 части второй 24 статьи.

Таким образом, можно увидеть, что ограничение права граждан на свободный труд и выбор рода деятельности может быть необходимым, однако в вопросе отказа в признании лиц безработными по вышеуказанному пункту 24 статьи данное ограничение выступает необоснованным, несоразмерно ограничивающим конституционное право граждан. Данное умозаключение также подтверждается рассмотрением ряда авторов граждан, нуждающихся в работе, в качестве лиц управомоченных. Исходя из всего вышеказанного, можно сделать вывод о наличии нарушенном нарушении закрепленного в Федеральном законе N 565-ФЗ и рассматриваемого нами принципа, о необходимости исключения пункта 10 статьи 24 из числа оснований отказа в признании гражданина безработным.

Литература:

1. Орлова Е. Е. Правоотношения в сфере занятости населения и трудовые правоотношения [Электронный ресурс] // Журнал российского права. – № 8. – 2014. – URL: <https://jrnorma.ru/articles/article-1198.pdf?1762767263> (дата обращения: 12.10.2025). – doi: 10.12737/5276.
2. Павловская О. Ю. Нормативно-правовые основы регулирования занятости населения: учебник. – М.: Юрайт, 2025. – 125 с.
3. Пугачёва Н. В. Баланс конституционных ценностей, прав и законных интересов как критерий конституционности ограничения свободы труда [Электронный ресурс] // Ежегодник трудового права. – № 13. – 2023. – URL: <https://rjll.spbu.ru/article/view/13582/10317> (дата обращения: 14.10.2025). – doi: 10.21638.
4. Радонова А. В. Правовое регулирование занятости в современной России [Электронный ресурс] // Вестник Уральского юридического института МВД России. – № 3. – 2021. – URL: https://mvd.ru/upload/site139/folder_page/009/723/671/2021/Vestnik_2021-3.pdf (дата обращения: 17.10.2025).
5. Смирнова Э. С. Конституционное ограничение прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Конституция России

и отраслевое законодательство: материалы всерос. науч. конф. молодых учёных. – Омск: Изд-во: СЮУ, 2020. – С. 201-230.

6. Ступак Е.В. Административно-правовой статус федеральной службы по труду и занятости: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.14. – Ростов-на-Дону, 2011, – 30 с.

7. Уваров А.А. О соразмерности ограничений социально-экономических прав и свобод граждан [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы российского права. – № 4 (137). – 2022. – URL: <https://aprp.msal.ru/jour/article/view/2942/1897> (дата обращения: 20.10.2025). – doi: 10.17803/1994.

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ДЕТЕЙ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПЕРЕСМОТРА ВОЗРАСТА НАСТУПЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А. Д. Артюх

Новосибирский государственный технический университет

г. Новосибирск, artuykh111@gmail.com

Научный руководитель: Акимов С. Р., к. ю. н., доцент

В данной статье рассматривается влияние психоэмоционального развития современных детей на установление нижней границы уголовной ответственности. Анализируются изменения эмоциональной зрелости подростков под воздействием цифровых технологий и ускоренного ритма жизни.

This article examines the impact of the psychoemotional development of modern children on the establishment of the lower limit of criminal liability. It analyzes the changes in the emotional maturity of adolescents under the influence of digital technologies and the accelerated pace of life.

Проблема установления возраста уголовной ответственности является одной из ключевых тем юридической науки и общественного сознания. Современные дети растут в принципиально иных социально-экономических и культурных условиях, нежели предыдущие поколения. Инновационные технологии, повсеместное распространение интернета и мобильных устройств оказывают значительное воздействие на эмоциональное состояние и поведение подрастающего поколения.

Вопрос пересмотра возрастных границ уголовной ответственности остается актуальным и дискуссионным. Современные исследования показывают, что дети XXI века демонстрируют различия в темпах развития когнитивных функций, эмоциональной устойчивости и

способности осознавать последствия своих действий. Эти факторы требуют внимательного изучения и анализа, поскольку именно от уровня зрелости зависит способность ребенка нести ответственность за совершенные деяния.

Цель статьи - инициировать дискуссию среди специалистов о наиболее эффективном подходе к определению возраста наступления уголовной ответственности.

В последнее время наблюдается всплеск подростковой преступности, о котором заявил председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин. Так, в первом квартале 2025 г. поступило 5904 сообщения о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, что на 27,5% больше, чем за аналогичный период прошлого года. В основном в суд были отправлены дела, связанные с кражей и незаконным оборотом наркотиков. [1]

Стоит учитывать, что в приведённой статистике также есть те случаи, когда лицо, совершившее преступление, не является его субъектом в силу возраста. В связи с этим, автор решил проанализировать исследования современных детских психиатров и психологов, для того чтобы на их основании оценить целесообразность предлагаемой инициативы по снижению возраста уголовной ответственности.

Особенности развития современных детей напрямую связаны с индустриальными и технологическими процессами в мире. Так, благодаря улучшению условий жизни по всему миру возникла тенденция физической и интеллектуальной акселерации у детей.

Акселерация — ускорение физического, интеллектуального и сексуального развития, в целом или парциально. Для парциальной акселерации характерны дизритмичность и неравномерность психофизического развития. [3]

Акселерация при сохранении традиционно сложившихся условий воспитания и норм поведения подростков в отдельных случаях становится источником возникновения смысловых барьеров, конфликтов и девиантных форм поведения. Иными словами, психика не поспевает за физиологией, что вызывает внутриличностные конфликты и сложности в социальной адаптации. Однако такая картина не является правилом.

При этом, основываясь на факте того, что информация стала более доступной, можно сказать, что дети, помимо тех вещей, которые дают им родители и социум, могут наткнуться в интернете на материалы, содержащие в себе изображение жестокости и насилия, что влияет на толерантность к агрессии. Задача опекунов состоит в том, чтобы обучать детей основам безопасной работы в сети, разъясняя возможные риски и опасности и регулярно вести диалог с ними о том, какую информацию

они получают онлайн, и формировать критическое мышление относительно увиденного.

По данным психологических исследований, формирование способности осознавать свои действия у детей происходит в возрасте от 12 до 16 лет. Это подкрепляется также тем, что в этом возрасте ребёнок может мыслить иными, более сложными категориями. [4]

Сам по себе минимальный возраст, с которого лицо можно привлечь к уголовной ответственности, установлен для того, чтобы отделить тех, кто осознает негативные последствия и общественную опасность своих преступных посягательств от тех, кто в силу возраста, понимать их не способен, и поэтому отвечать за совершенное не может.

При этом, в мире есть государства, где указанный возраст меньше, чем в России. Например, в США для преступлений федерального уровня это 11 лет, в Англии – 10 лет, во Франции – 13 лет. [2]

Подводя итог, можно утверждать, что психоэмоциональное развитие современных детей существенно отличается от предыдущих поколений, что обусловлено влиянием новых технологий, информационной открытостью и ускорением социальных изменений.

Дети сегодня сталкиваются с большим количеством информации, в том числе негативной, что отражается на формировании их морали и восприятии окружающего мира.

Таким образом, психоэмоциональная зрелость современного ребенка должна стать предметом обсуждения, анализа, исследования статистики при установлении возрастной границы уголовной ответственности. Это позволит создать более справедливые и эффективные механизмы защиты общества, учитывая реальные возможности и потребности молодого поколения. Однако любые изменения в законодательстве должны осуществляться осторожно, принимая во внимание комплексный характер проблемы и необходимость всестороннего научного обоснования.

Литература:

1. Бастрыкин заявил о росте почти на 30% преступлений среди подростков в 2025 году / [Электронный ресурс] // Ведомости: [сайт]. — URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/05/29/1113844-bastrikin-zayavil> (дата обращения: 19.11.2025).

2. Просвирин А. Г. Нужно ли привлекать к уголовной ответственности лиц, не достигших 14-ти лет по ряду тяжких преступлений? / Просвирин А. Г. [Электронный ресурс] // Закон.ру: [сайт]. — URL: https://zakon.ru/blog/2020/9/9/nuzhno_li_privlekat_k_ugolovnoj_otvetstvenn

osti_lic_ne_dostigshih_14-ti_letpo_ryadu_tyazhkih_prestup (дата обращения: 19.11.2025).

3. Руководство по психиатрии: В 2-х т. Т.2 / А. С. Тиганов, А. В. Снежневский, Д. Д. Орловская и др.; Под ред. А. С. Тиганова. — М.: Медицина, 1999. — С. 704 - ISBN 5-225-04394-1 URL: <https://psychiatry.ru/siteconst/userfiles/file/PDF/tiganov2.pdf?ysclid=mi5xrh75b487799547> (дата обращения: 19.11.2025).

4. Сафонова Е. В. В каком возрасте дети начинают осознавать последствия своих поступков? / Сафонова Е.В. [Электронный ресурс] // Администрация города Мегиона: [сайт]. — URL: https://admmeqion.ru/news/V_kakom_vozraste_deti_nachinayut_osoznavat_posledstviya_svoikh_postupkov/ (дата обращения: 19.11.2025).

СТАЛКИНГ (ПРЕСЛЕДОВАНИЕ) ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Т. Г. Гайфулина

Новосибирский государственный технический университет

г. Новосибирск, gajfulinatatyana@gmail.com

Научный руководитель: Шульгин С. И., ст.преп.

В настоящей статье анализируются такой феномен как stalking (преследование) и проблема отсутствия нормы в российском законодательстве, предусматривающей ответственность за такое опасное деяние. Анализ проводится от общего к частному. Рассматривается история появления stalking, происхождение данного термина в России и за рубежом.

This article analyzes the phenomenon of stalking (stalking) and the problem of the lack of a norm in Russian legislation providing for responsibility for such a dangerous act. The analysis is carried out from the general to the particular. The article examines the history of stalking, the origin of the term in Russia and abroad.

Согласно Конституции Российской Федерации, каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Данное право является фундаментальным и неотъемлемым, возникает с момента рождения и имеет прямое действие. Определяет направление и содержание законодательства, деятельности государственных органов, местного самоуправления и обеспечивается судебной системой. Сталкинг (преследование) человека является на сегодняшний день актуальной темой, ибо в уголовном законодательстве нашей страны не предусмотрено нормы за такое девиантное поведение. В связи с этим

считаем необходимым проанализировать данный феномен и обозначить решение проблемы.

Такое неадекватное поведение как stalking берет своё начало с древних времён. Постепенно со временем преследование стало обретать разные формы и методы её реализации. Так что же понимается под таким явлением как stalking? Если обратиться к лингвистике, то можно сказать, что «stalking» происходит от англ. to stalk и оно означает как раз «преследование». Если углубляться в происхождение слов, то можно сказать, что термин «stalking» чаще всего связывают с охотой, то есть выслеживание жертвы. В связи с этим поведением со стороны «охотника» у жертвы формируется так называемый страх за своё здоровье и жизнь. Таким образом, с вышеуказанными признаками stalking можно самостоятельно сформулировать определение данному термину. Stalking (преследование) - психологическая форма насилия, которая заключается в систематическом преследовании жертвы и, в последствии, формирование у последней чувства страха и опасности.

Как уже было сказано данное явление существует с древних времён. Говоря про первобытное общество, люди мало понимали и оценивали интересы других и не имели полного представления о нравственных ориентирах, личных границах личности и т. п. Чаще всего в те времена преследование осуществлялось в целях, имеющего материальную форму, покушение на чьи-то имущественные блага. Если говорить про мировую историю, то здесь можно упомянуть Кодекс Хаммурапи, который был принят в 1750-х до н.э. где как раз таки было криминализировано данное деяние [5]. В Салической правде 500-х гг. также были указаны такие действия, за которые влеклось наказание [6]. В Средневековье преследование также было упомянуто в уголовно-судебном уложении Карла V, где также stalking имел своей целью извлечь какую-нибудь материальную выгоду от преследуемого лица [7]. В древнерусских документах таких как «Русская правда» такое поведение никак не описывалось, хотя имело определённую опасность для определённых людей.

Если же описывать stalking и его проявление в наши дни, то можно сказать, что цели и форма принципиально изменились. Сейчас такие систематические проявления возникают на почве ревности, желание привлечь внимание человека, как «метод» добиться взаимности чувств, нежелание расставаться. Примером может послужить следующая судебная практика.

Гражданка Б., встречалась с неким молодым человеком с августа по сентябрь 2020 года. Девушке хватило двух месяцев, чтобы понять: этот человек ей не подходит. Она сообщила ему о своём решении и

прекратила общение. Однако молодой человек оказался весьма настойчивым. Он начал буквально осаждать девушку: отправлял любовные СМС, писал в мессенджерах и соцсетях, слал письма с признаниями на дом, бросал открытки в почтовый ящик, заказывал доставку цветов и подарков. Со временем его поведение становилось все более навязчивым, а Б. мечтала лишь об одном — чтобы этот «ухажёр» наконец исчез из её жизни. Но все пошло по нарастающей: он начал рисовать признания краской на двери, стенах в подъезде и на асфальте во дворе, караулил её у подъезда утром и вечером, дожидаясь после работы, пытался воздействовать через общих знакомых, друзей и коллег. Агрессию он не проявлял — только бесконечно признавался в любви, просил поговорить и дать второй шанс в отношениях. Так продолжалось почти четыре года. Жизнь Б. превратилась в нескончаемый стресс: тревожность, бессонница, невозможность нормально жить и строить новые отношения.

В какой-то момент Б. даже переехала, сменила работу и номер телефона. Наступила небольшая передышка — но всего на полгода: мужчина вновь отыскал её и продолжил свои преследования. Из-за этого Б. обратилась за помощью к психологу и проходила курс терапии в течение года.

В конце концов она обратилась в суд с требованиями: взыскать с парня компенсацию морального вреда 300 тыс. рублей; запретить любые формы преследования, включая любые виды контактов; и взыскивать по 10 тыс. рублей за каждое нарушение запрета. В суде молодой человек подтвердил, что действительно любит девушку и хочет быть с ней. Преследование он отрицал, а встречи называл случайными — мол, просто живут недалеко, и работают тоже. Все письма, подарки и признания объяснял «сильными чувствами». Любопытно, что он не возражал против иска и даже согласился выплатить компенсацию — только попросил предоставить рассрочку и разделить выплаты на шесть частей.

Суд направил Б. на психолого-психиатрическую экспертизу. Та подтвердила наличие тревожных расстройств, фобий, нарушенного сна и аппетита, вызванных длительным преследованием. Причём эксперт указал, что при продолжении давления психическое состояние истицы может ухудшиться ещё сильнее. Суд признал факт причинения морального вреда доказанным и взыскал с молодого человека 300 тысяч рублей компенсации.

А вот остальные требования суд отклонил. Как пояснил судья, действующее гражданское законодательство не позволяет запретить конкретному человеку контактировать с другим и приближаться к нему.

При этом молодой человек не совершил действий, формально подпадающих под состав правонарушения или преступления, поэтому никакие санкции по УК или КоАП к нему применены быть не могут. Ведь закона о преследовании в России до сих пор так и не принято, хотя разговоров было много. В результате суд ограничился только компенсацией морального вреда за уже пережитые страдания, но защитить Б. от дальнейшего преследования не смог. [13]

И как можно заметить отсутствие такого преступления и наказания за такие действия в УК РФ является на данный момент насущной проблемой, так называемым пробелом в нашем законодательстве.

Уголовная ответственность за stalking существует во многих странах мира, например, в США, Германии, Великобритании, Польше, Канаде, Индии и т.д.

Первым кто законодательно закрепил stalking как преступление, является штат Калифорния. В 1990 г. в ст. 646.9 УК штата была введена ответственность за «преднамеренное, злоумышленное и повторяющееся преследование и домогательство до другого человека». [8] В марте 2007 в УК Германии была введена ст. 238 за преследование и под ним понимается систематическое, навязчивое внимание, домогательство, запугивания или угрозы, которые недозволенно направлены против другого лица и могут негативно влиять на качество его жизни. [9]

В 1993 г. в УК Канады, наряду с такими преступлениями, как угроза применения насилия (ст. 264.1), принуждение (ст. 423), в ст. 264 закреплено преследование под ним в кодексе понимается поведение заключающиеся в постоянном следовании за лицом, общении прямо или косвенно с кем-то из его знакомых, посещениях или наблюдении за домом, работой преследуемого лица, его знакомых, совершение угрожающих действий, направленных против другого лица, членов его семьи. [10]

25 февраля 2011 г. stalking стал уголовно наказуемым в Республике Польша. В ст.190а отмечено так «Любое лицо, которое в результате преследования другого лица или его ближайших родственников создаёт обоснованное чувство опасности или существенно нарушает неприкосновенность частной жизни этого лица, подлежит тюремному заключению на срок до 3-х лет. [11]

Некоторые страны устанавливают административную ответственность за преследование. В 2016 г. в Кодекс Республики Молдова о правонарушениях введена ст. 78.2 под названием «Акты преследования», где сказано «Систематическое преследование лица, вызывающее тревогу, страх за личную безопасность или безопасность близких родственников, вынуждая изменить образ жизни, совершенное путем выслеживания лица, установления контакта или попытки

установления контакта с лицом при помощи любых средств или посредством другого лица». [12]

В российском законодательстве отсутствует норма, предусматривающая ответственность за преследование, однако есть некоторые положения закона, которые пересекаются с деяниями stalking. Ближайшей аналогией stalking является норма статьи 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни», за защитой неприкосновенности частной жизни можно также обратиться в суд в гражданско-правовом порядке (ст. 150 ГК РФ), что позволяет заявить иск о возмещении морального вреда. Защитить себя можно также в случае наличия: реальных угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ); понуждения к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ); развратных действий (ст. 135 УК РФ). Оскорбление в настоящее время подпадает только под административную ответственность по статье 5.61 КоАП РФ, статья 130 УК РФ утратила силу. В ряде случаев, публичное приставание, выраженное в оскорбительной форме, можно квалифицировать как мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ) или хулиганство (ст. 213 УК РФ). Однако, помощь правоохранительной системы жертва stalking может получить, только если в отношении нее было совершено реальное нападение.

Исходя из вышеизложенного возникает потребность ввести в УК РФ норму, которая будет характеризовать новый вид преступления «Преследование человека» в раздел 7 главу 19 УК РФ под ст. 137.1, следующего содержания:

1. Преследование человека (stalking), то есть систематическое навязчивое следование за определенным лицом, которое сопровождается совокупностью действий, выражающиеся в стремлении установить прямой или косвенный контакт, выслеживании и иных действиях, не связанных с насилием или угрозой его применения, если такие действия вызывают у лица чувство опасности за свою жизнь и(или) здоровье, жизнь и(или) здоровье его близких, -

наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей, или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трёх лет, либо принудительными работами на срок до трёх лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. То же деяние, совершенное с насилием либо угрозой его применения, -

наказывается лишением свободы на срок от трёх до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет либо без такового.

Создав новый инструмент борьбы с таким явлением, который войдёт в поле зрения закона, что позволит правоохранительным органам реагировать на такую проблему заранее, и уже не дожидаясь того момента, когда жертва stalking пострадала чаще всего от её губительных последствий.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Российская газета.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.94 N 51-ФЗ (с изм. и доп. на 31.07.2025).
3. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 27.10.2025).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023).
5. Законы вавилонского царя Хаммурапи / hist.msu.ru [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/hammurap.htm> (дата обращения: 23.11.2025).
6. Салическая правда / hist.msu.ru [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/salic.htm>
7. Уголовно-судебное уложение Карла V (Каролина) / yakov.works [Электронный ресурс]. — URL: <http://yakov.works/acts/16/1/1532karolina.htm> (дата обращения: 20.11.2025).
8. California Penal Code / california.public.law [Электронный ресурс]. — URL: https://california.public.law/codes/penal_code (дата обращения: 22.11.2025).
9. Strafgesetzbuch (StGB) / П.В. Головненков Научно-практический комментарий и перевод текста закона / Universitätsverlag Potsdam.
10. Canada Criminal Code / Justice Laws Website [Электронный ресурс]. — URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/> (дата обращения: 29.11.2025).
11. The Criminal Code of Poland / Advocatetamoy law library [Электронный ресурс]. — URL: <https://advocatetamoy.com/the-criminal-code-of-poland-1997/> (дата обращения: 27.11.2025).
12. Кодекс Республики Молдова от 24 октября 2008 года № 218-XVI «О правонарушениях».

13. Решение Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга по делу N 2-791/2025.

14. Об ответственности за stalking в российской федерации и в зарубежных странах / Рыжова О. А., Корнишина Ю. С. // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2018 Т. 6, № 4 (24). – URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 26.11.2025).

ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Т. Г. Гайфулина

**Новосибирский государственный технический университет
г. Новосибирск, gajfulinatatyana@gmail.com
Научный руководитель: Шульгин С. И., ст. преп.**

В настоящей статье анализируются вопросы дифференциации торговли людьми (ст. 127.1 УК РФ) от схожих преступлений: похищения (ст. 126 УК РФ), незаконного лишения свободы (ст. 127 УК РФ), использования рабского труда (ст. 127.2 УК РФ) и вовлечения в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ). Разграничение проводится на основе объективной и субъективной сторон, а также субъекта преступления. Акцентируется внимание на том, что торговля людьми включает незаконное лишение свободы, исключая дополнительную квалификацию по ст. 127 УК РФ при удержании в неволе.

This article analyzes the issues of differentiation of human trafficking (Article 127.1 of the Criminal Code) from similar crimes: abduction (Article 126 of the Criminal Code), unlawful imprisonment (Article 127 of the Criminal Code), the use of slave labor (Article 127.2 of the Criminal Code) and involvement in prostitution (Article 240 of the Criminal Code). The distinction is based on the objective and subjective sides, as well as the subject of the crime. Attention is focused on the fact that human trafficking includes unlawful imprisonment, excluding additional qualifications under Article 127 of the Criminal Code of the Russian Federation when held in captivity.

Согласно Конституции Российской Федерации, каждому индивиду гарантируется свобода и личная неприкосновенность. Данное право является фундаментальным и неотъемлемым, возникает оно с момента рождения и имеет прямое действие. Оно определяет направление и содержание законодательства, деятельности государственных органов, местного самоуправления и обеспечивается судебной системой. Торговля людьми является прямым нарушением свободы, чести и достоинства человека. Данное явление существовало на протяжении всей истории человечества. С появлением смежные составов преступления создается ряд проблем для правильной квалификации преступных

деяний, что приводит к осложнению в правоприменительной практике и работе правоохранительных органов.

Такой феномен как торговля людьми сопровождала общество на протяжении всего периода его развития. Если определять временные рамки, то рабство и работорговля являются самыми древними общественными институтами, получившими наиболее широкое распространение в эпоху становления и развития рабовладельческих государств.

Рабство — это «состояние, положение раба», при этом раб - «человек, лишенный всех прав и средств производства и являющийся полной собственностью владельца-господина, распоряжающегося его трудом и жизнью» [6]

Работорговля и обращение в рабство тесно связаны с такими негативными социальными явлениями, как проституция и сексуальная эксплуатация, поскольку работорговля осуществлялась не только с целью экономической эксплуатации рабов, но и сексуальной эксплуатации женщин и детей, особенно процветавшей в период рабовладельческого строя.

Проституция зародилась в Вавилоне (около 1400 лет до н.э.) и носила религиозный характер, но в Древней Греции и Риме появились бордели с рабынями. Эксплуатация проституции рабовладельцами позволяла получать сверхдоходы, что связывало работорговлю и проституцию. В США акт Манна 1925 г. был направлен против "белого рабства", запрещая перевозку женщин через границы штатов с целью проституции. Со временем работорговля трансформировалась, что привело к признанию проблемы торговли людьми мировым сообществом в середине XX века.

В то же время учтены взаимосвязи современной торговли людьми с рабством и работорговлей, что позволило специалистам, изучающим эту проблему, трактовать торговлю людьми, как «проявление рабства в современных условиях, масштабы которой глобальны». Человек становится объектом манипулирования, к нему применяется право собственности, как к вещи.

В создавшихся условиях законодатель вынужден был принять соответствующие меры, позволяющие остановить нарастающие преступные посягательства. Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ в Уголовный кодекс 1996 года были внесены нормы, предусматривающие ответственность за торговлю людьми и смежные составы.

Понятие торговли людьми дано в ст. 3 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и

наказании за нее, дополняющий конвенцию организации объединенных наций против транснациональной организованной преступности, где сказано, что "торговля людьми" означает осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов.

Также можно определить исходя из диспозиции ст. 127.1 УК РФ то, что торговля людьми может выражаться в совершении одного или нескольких действий, это купли-продажа или иная сделка в отношении человека - независимо от целей их осуществления, а равно вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека в целях его эксплуатации.

Проанализировав данное определение и признаки торговли людьми из вышеуказанных нормативных актов, думаю, что можно дать свое определение данному феномену.

Торговля людьми — это такая форма рабства, посягающая на неотчуждаемые права и свободы человека, в целях его эксплуатации.

Квалификация преступления, связанного с торговлей людьми, представляет собой сложную задачу. Для правильной юридической оценки действий необходимо тщательно анализировать все обстоятельства дела, чтобы исключить наличие признаков других преступлений. В связи с этим, важно детально изучить вопрос о разграничении торговли людьми и смежных составов преступлений. Необходимо установить, какие факторы позволяют отличить торговлю людьми от других противоправных деяний, имеющих схожие признаки.

Особое внимание следует уделить анализу целей и мотивов преступника, способов совершения преступления, а также последствий, наступивших в результате противоправных действий. Только комплексный подход позволит избежать ошибок в квалификации и обеспечить справедливость наказания.

Состав торговли людьми включает в себя незаконное лишение свободы, поэтому при удержании человека в неволе дополнительной квалификации по статье 127 УК РФ не требуется. Однако похищение человека (статья 126 УК РФ) статьей 127.1 УК РФ не охватывается

(содеянное образует будет образовывать совокупность преступлений). Проведем разграничение данных составов.

Объективная сторона ст. 126 УК РФ выражается в захвате, перемещении и в последующем удержании потерпевшего.

Субъектом данного преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет.

Субъективная сторона выражается в прямом умысле, где нет цели (в качестве обязательного элемента субъективной стороны).

1. Объективная сторона выражается в выполнении хотя бы одного из действий, указанных в диспозиции ст. 127.1 УК РФ.

Субъектом преступного деяния является физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет. Цель торговли людьми - эксплуатация, если речь идет о вербовке, перевозке, передаче, укрывательстве или получении.

Проанализировав вышесказанное, можно выделить следующее:

1. в преступлении «торговля людьми» не подразумевает захвата, перемещения и удержания потерпевшего, данные действия образуют состав похищения;

2. похищение человека не преследует цель эксплуатации потерпевшего;

3. возраст, по достижении которого лицо, совершившее преступление, может быть привлечено к уголовной ответственности, для обоих составов различен: в случае с составом похищения человека возраст составляет 14 лет, а в случае с составом торговли людьми - 16 лет.

Для подтверждения выше изложенных выводов приведем пример из судебной практики. Так, ВС РФ рассмотрел дело, в котором гражданка С. для организации занятия проституцией похитила и организовала куплю-продажу гражданки Н., преследуя цель личного материального обогащения. ВС РФ в данных действиях усмотрел два состава преступления - похищение человека (С. похитила гражданку Н. с целью ее дальнейшей продажи третьим лицам) и торговля людьми (С. с применением насилия продала гражданку с целью ее дальнейшей эксплуатации, а именно для занятия проституцией).[3]

Торговлю людьми и использование рабского труда следует ограничивать по объективной стороне. Рассмотрим это более подробно.

Объективная сторона ст. 127.2 УК РФ выражается в использовании труда человека, в отношении которого осуществляется полномочия, присущие праву собственности в случае, если лицо по не зависящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ или услуг.[5]

Объективная сторона ст. 127.1 УК РФ выражается в выполнении хотя бы одного из следующих действий в отношении человека это купля-продажа, вербовка, перевозка, передача, укрывательство, получение и

совершаются данные действия в целях дальнейшей эксплуатации человека.

Основным непосредственным объектом преступлений против личной свободы, к которым относится ст. 127.2 УК РФ, выступают конституционные положения, закрепляющие за каждым человеком право на личную свободу, неприкосновенность и охрану достоинства личности.

Следовательно, объекты использования рабского труда и торговли людьми совпадают: это личная свобода.

Таким образом, если при торговле людьми имеет место прямая эксплуатация человека как объективная сторона, то содеянное следует дополнительно квалифицировать по статье 127.2 УК РФ.

Торговля людьми и вовлечение в занятие проституцией

Как показывает практика, достаточно сложно разграничить торговлю людьми и вовлечение в занятие проституцией (статья 240 УК РФ). Это связано с тем, что с учетом конструкции состава статьи 127.1 УК РФ совершение купли-продажи, вербовки, перевозки, передачи, укрывательства или получения человека, совершенные в целях его эксплуатации, может быть квалифицировано как торговля людьми. В соответствии с примечанием 2 под эксплуатацией понимаются использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд, подневольное состояние. В данной ситуации необходимо четко определить, что эксплуатация в составе торговли людьми — это цель, а не объективная сторона, как в составе вовлечения в занятие проституцией.

Субъекты анализируемых преступлений совпадают, поэтому по данному критерию торговлю людьми от вовлечения в занятие проституцией отграничить нельзя, однако возможно квалифицировать по направленности умысла виновного. Приведем соответствующий пример из судебной практики ВС РФ. Гуйджова вовлекала лиц в занятие проституцией. Для этого она привлекала девушек к этой деятельности как на добровольных началах, так и путем лишения их свободы посредством торговли ими. В первом случае, лица привлекались к вовлечению в занятие проституцией без лишения свободы, поэтому данные действия суд квалифицировал по статье 240 УК РФ. Во втором случае, Гуйджова покупала девушек, поэтому здесь образуется совокупность составов торговли людьми и вовлечения в занятие проституцией, поскольку впоследствии преступница эксплуатировала их, т.е. эксплуатация стала не только целью, но и частью объективной стороны.[4]

В заключении хотелось бы сказать, что торговля людьми довольно древнее явление, связанное с рабством и работорговлей, которые

изначально использовались для экономической и сексуальной эксплуатации. Проституция, зародившаяся в древности, тесно переплеталась с работорговлей, где рабыни подвергались сексуальной эксплуатации. Несмотря на исторические трансформации, торговля людьми сохранилась как современная форма рабства, где человек становится объектом манипуляций. Международное сообщество признало проблему в XX веке, определив торговлю людьми как вербовку, перевозку, укрывательство или получение людей путем принуждения, обмана или злоупотребления властью в целях эксплуатации, включая проституцию, принудительный труд, рабство и извлечение органов. Российское законодательство, в частности ст. 127.1 УК РФ, предусматривает ответственность за куплю-продажу, вербовку, перевозку и другие действия в отношении человека с целью эксплуатации.

Квалификация торговли людьми требует тщательного анализа, исключающего смежные составы преступлений, для чего и было проведено разграничение. При определении состава преступного деяния важно учитывать цели, мотивы, способы совершения преступления и последствия для правильности дальнейшей квалификации того или иного деяния

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесенных. Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Российская газета.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023).
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.12.2016 N 11-АПУ16-36 // <https://legalacts.ru/sud/apelliationnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20122016-n-11-apu16-36/> (дата обращения 18.03.25).
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 01.09.2016 N 5-АПУ16-42 // <https://legalacts.ru/sud/apelliationnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-01092016-n-5-apu16-42/> (дата обращения: 18.03.25).
5. Проблемы соотношения торговли людьми с другими смежными преступлениями / Ловчикова Ю. В. // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 2. С. 63-67.

6. Феномен торговли людьми: социоправовая природа / В.И. Коваленко // Журнал «Юрист-Правоведь». 2010. С. 1-4.

РЕЗУЛЬТАТЫ ГЕНЕРАЦИИ НЕЙРОСЕТЕЙ КАК ОБЪЕКТЫ АВТОРСКОГО ПРАВА

В. А. Жукова

Новосибирский государственный технический университет

г. Новосибирск, izumis04@mail.ru

Научный руководитель: Епифанцев А. В., к. ю. н.

В данной статье рассматривается проблема определения авторства и правовой защиты произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта и нейросетей. Анализируются возможные подходы к решению указанной проблемы, включая признание авторства за человеком, подавшим команду на создание произведения, и признание авторства на произведение за владельцем (разработчиком) нейросети.

This article examines the problem of attributing authorship and legal protection for works created using artificial intelligence and neural networks. Possible approaches to solving this problem are analyzed, including assigning authorship to the person who initiated the creation of the work and assigning authorship to the owner (developer) of the neural network.

В 2021 году Амстердамский музей «Рейксмузеум» использовал искусственный интеллект для восстановления некоторых частей картины Рембрандта «Ночной Дозор», вернув полотну утраченные фрагменты (на картине добавилось 60 сантиметров слева, 7 сантиметров справа, 22 сантиметра сверху и 12 сантиметров снизу) [1].

Более того, развитие технологий искусственного интеллекта привело к появлению нейросетей, способных генерировать разнообразные формы информации для любого желающего: тексты, изображения, музыку и многое другое. Теперь проблема состоит в определении авторства и правовой защиты произведений, созданных с использованием нейросетей.

Искусственный интеллект - комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [2]

Нейросеть – это программа, которая обрабатывает информацию. Нейросети в системе искусственного интеллекта отвечают за решение

вполне конкретных задач; в разрезе креативных индустрий, например, за генерацию текста, музыки или картинок. Нейросеть – это часть искусственного интеллекта [3].

Согласно ст. 1228 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ): автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат, более того, исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, созданный творческим трудом, первоначально возникает у его автора. То есть, исходя из буквального толкования смысла нормы, автором результата интеллектуальной деятельности (произведения любой разновидности: науки, литературы или искусства) может быть только физическое лицо (гражданин) или группа физических лиц (в ситуациях, когда результат творческой работы создан трудом нескольких авторов), коим ни искусственный интеллект, ни нейросеть не являются. Также, две проблемы, связанных с определением авторства произведений, созданных с помощью нейросетей, вытекают из сущности обучения и сущности деятельности искусственного интеллекта и нейросетей: первая проблема заключается в том, что произведения создаются на основе больших объемов данных и алгоритмов машинного обучения (искусственный интеллект или нейросеть «обучается» на основе полученных ей картинок, музыки, видео и на их основе создаёт последующие работы), и вторая – в результате подобного обучения искусственный интеллект или нейросеть обладает таким количеством данных, что участие человека в создании готового произведения минимален (сводится до «подачи команды», в результате чего возникает вопрос, насколько человеческий вклад необходим для создания таких произведений и можно ли за такое участие считать человека автором готового произведения.

Исходя из вышеннаписанного, получается, что автором точно не может быть сам искусственный интеллект или нейросеть, значит, автором будет являться либо человек, поставивший задачу, либо тот, кто является владельцем (разработчиком) нейросети, искусственного интеллекта. Относительно первого – автором будет признаваться человек, который подал команду, если произведение создано творческим трудом человека, пусть даже с помощью технологий искусственного интеллекта [4].

А это значит, что если творческий труд человека был, даже с использованием искусственного интеллекта, то созданное произведение будет считаться объектом авторского права, а если установлено не будет – то последует обратное, следовательно, не будет оснований для возникновения авторского права. Относительно второго - поскольку в действующем законодательстве пока отсутствуют нормы,

регламентирующие принадлежность интеллектуальных прав на произведения, созданные искусственным интеллектом, каждый сервис самостоятельно устанавливает свои правила использования (прим. сервис «Кандинский» в своем пользовательском соглашении установил, что исключительное право на сгенерированный контент принадлежит пользователю) [2].

Существует третья позиция: согласно определению данному выше, результаты искусственного интеллекта сопоставимы с результатами интеллектуальной деятельности человека, но они не являются результатами интеллектуальной деятельности в прямом смысле (именно те результаты, которые охраняются законом: так как право на результат интеллектуальной деятельности первоначально возникает у автора, а автором, в соответствии со ст. 1228 ГК РФ является гражданин), следовательно, не влекут появления исключительного права на произведение полученное в итоге – а значит, и порождения авторского права не влекут.

Таким образом, уже на текущем этапе является очевидным, что произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта и нейросетей, требуют соответствующего правового регулирования, ведь среди позиций по определению авторства: автор – человек, подавший команду, автор – владелец (разработчик) нейросети и авторского права на результаты генерации искусственного интеллекта и нейросетей не возникает. И, хотя пока единый подход в признании авторских прав на произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта или нейросетей не найден, а создание подобных произведений продолжает набирать популярность, считаем, что регламентирование и закрепление авторских прав на такие произведения в законодательстве Российской Федерации произойдёт в ближайшем будущем, придерживаемся точки зрения и предлагаем восполнить образовавшийся на данный момент пробел с помощью оценки степени участия человека и его труда в создании итогового произведения и создании критериев для выявления этого труда, либо на основании экспертизы, а также, учёта критериев по которым искусственный интеллект или нейросеть обучались.

Литература:

1. Caroline Goldstein Rembrandt's Revered 'Night Watch' Was Cut Up to Fit Through a Door. With A.I., You Can See It Whole for the First Time in 300 Years / Caroline Goldstein [Electronic resource] // Artnet: [сайт]. — URL: <https://news.artnet.com/art-world/operation-night-watch-1982686> (accessed: 21.11.2025).

2. Федеральный закон "О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных" от 24.04.2020 N 123-ФЗ (последняя редакция).

3. Макаров А. Д. Авторские права на объекты, созданные искусственным интеллектом / А. Д. Макаров [Электронный ресурс] // Закон.ру: [сайт]. — URL: https://zakon.ru/blog/2025/2/27/avtorskie_prava_na_obekty_sozdannye_iskusstvennym_intellektom (дата обращения: 21.11.2025).

4. Сперанская Л. В. Авторское право на произведения, созданные искусственным интеллектом / Л. В. Сперанская [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=СЛ&n=155987#ogzm93V0XyvSUD721> (дата обращения: 21.11.2025).

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ВИДАХ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ

А. В. Зерняев

**Сибирский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»,
г. Новосибирск, artzern@mail.ru**

Научный руководитель: Новиков В. А., к.ю.н., доцент

В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования социальной поддержки участников специальной военной операции (СВО) и членов их семей. Автор анализирует понятийный аппарат, определяет круг получателей социальной поддержки - лиц, относящихся к участникам СВО и членам их семей, а также классифицирует виды и меры предоставляемой им социальной помощи. Уделяется внимание принципам адресности, комплексности и справедливости при оказании социальной поддержки данной категории граждан. Исследование основано на анализе научной литературы, а также норм действующего федерального и регионального законодательства.

The article discusses current issues of legal regulation of social support for participants in a special military operation (SVO) and their family members. The author analyzes the conceptual framework, defines the range of recipients of social support - persons belonging to the participants of the SVO and their family members, and also classifies the types and measures of social assistance provided to them. Attention is paid to the principles of targeting, complexity and fairness in providing

social support to this category of citizens. The study is based on an analysis of scientific literature, as well as the norms of current federal and regional legislation.

В современных условиях особую значимость приобрела система мер социальной поддержки участников СВО и членов их семей. Государство, высоко оценивая заслуги этих лиц, формирует комплекс мер, направленных на обеспечение их достойного уровня жизни как на федеральном, так региональном и местном уровнях. Актуальность темы исследования обусловлена не только социальной значимостью рассматриваемого вопроса, но и необходимостью системного анализа действующего правового регулирования в этой сфере в целях его совершенствования, а также повышения информированности и доступности этих мер для участников СВО и членов их семей. Невысокая теоретическая исследованность этого вопроса наряду с отсутствием комплексного анализа нормативно-правовой базы в этой сфере предопределили новизну полученных результатов – в виде авторского определения понятия и системы мер социальной поддержки участников СВО и их семей. Объектом исследования является определение понятия и классификации мер социального поддержки, а также круга ее получателей.

Анализ действующего законодательства показал, что легального определения понятия «участник СВО» нет. Однако положения федеральных и региональных нормативных правовых актов [2,5,6,11,13] позволяют отнести к данной категории следующие группы лиц, принимающих участие в боевых действиях и обеспечении задач СВО на территориях Украины, Донецкой Народной Республики (ДНР), Луганской Народной Республики (ЛНР), Запорожской и Херсонской областей, а также на приграничных территориях РФ (Белгородская, Брянская, Курская области):

1. Военнослужащие, в том числе мобилизованные в соответствии с Указом Президента РФ «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации», заключившие контракт с Минобороны России в добровольном порядке (проходящие военную службу по контракту), - так называемые мобилизованные, контрактники, кадровые военнослужащие.

2. Лица, пребывающие в добровольческих формированиях, содействующих выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ (войска национальной гвардии Российской Федерации) и заключившие контракт с Минобороны и Росгвардией, в соответствии со статьёй 22.1 Федерального Закона «Об обороне». Это так называемые

«добровольцы» (к примеру, бойцы разведывательно-штурмовых отрядов «Орион», «Барс»).

3. Сотрудники правоохранительных органов и войск национальной гвардии РФ (к примеру, полиции, Росгвардии).

4. Лица, заключившие контракт с организациями, содействующими выполнению задач Вооруженных Сил РФ (частные военные компании, например «Вагнер»).

5. Иные лица, не состоящие на военной службе, но направленные для выполнения профессиональных задач на территориях боевых действий (например, работники организаций, которые осуществляют ремонтно-восстановительные и иные работы в целях обеспечения жизнедеятельности населения и восстановления объектов инфраструктуры).

В соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих» [6] к членам семей участников СВО относятся супруг(а), несовершеннолетние дети, дети-инвалиды, дети до 23 лет, обучающиеся по очной форме, и иждивенцы. Указами Президента РФ этот круг может быть расширен, например, за счет лиц, фактически воспитывавших погибшего участника СВО [3].

Основным документом для получения мер поддержки является справка, подтверждающая факт участия в СВО, порядок выдачи которой упрощен с ноября 2024 года [9]. Участники СВО также вправе получить статус ветерана боевых действий в соответствии с Федеральным законом «О ветеранах», что предоставляет им дополнительные гарантии [4, 10, 12].

После начала спецоперации законодательство в отношении военнослужащих стало существенно изменяться и развиваться, особенно в сфере социальной поддержки участников СВО, проводится серьезная работа по созданию единой комплексной системы ее оказания.

В научной литературе социальная защита рассматривается как деятельность государства по реализации комплекса гарантий, обеспечивающих соблюдение социальных прав, а социальная поддержка – как один из ее базовых элементов, направленный на помощь гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации [14, 15, 16, 17].

С этой точки зрения, учитывая положения ст. 7 Конституции РФ [1] и норм Федерального закона «О государственной социальной помощи» [7], социальную поддержку участников СВО и членов их семей можно определить как комплекс адресных государственных мер, направленных на обеспечение достойного уровня жизни в силу их особого статуса и заслуг перед государством.

Виды и меры социальной поддержки представляют собой социальные гарантии отдельным категориям граждан, установленные законодательством РФ и предоставляемые государством за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы РФ, в том числе в виде социальных пособий, субсидий, товаров и услуг, пенсионного обеспечения, компенсаций и выплат компенсационного характера и иных льгот [10].

Анализ теоретических исследований и нормативной базы позволяет классифицировать меры социальной поддержки на три основные группы:

1. Материальная помощь: денежные выплаты, такие как единовременные и ежемесячные денежные выплаты в связи с гибелью и ранениями (например, 5 млн рублей из федерального бюджета и 3 млн рублей из бюджета Новосибирской области в связи с гибелью военнослужащего); субсидии (например, на оплату жилищно-коммунальных услуг); компенсации (например, за проезд и приобретение лекарств); пенсии (по инвалидности, потере кормильца).

2. Предоставление социальных услуг: социальное обслуживание на дому, психологическая помощь и медико-социальная реабилитация; предоставление временного жилья.

3. Льготы, такие как первоочередное или внеочередное предоставление земельных участков, квоты на бесплатное обучение детей в вузах; льготы при получении медицинской помощи, проезде в транспорте.

Важной гарантией является право участников СВО и их семей на получение бесплатной юридической помощи для защиты своих прав и законных интересов [8].

Основополагающими принципами предоставления социальной поддержки являются ее адресность (помощь нуждающимся на основе оценки индивидуальных потребностей), комплексность (поддержка в различных сферах жизни) и справедливость (обеспечение достойного уровня жизни в связи с особым статусом).

Таким образом, проведенное исследование позволило определить участников СВО как широкий круг лиц, непосредственно участвующих в боевых действиях и обеспечивающих выполнение задач спецоперации (военнослужащие, добровольцы, бойцы ЧВК, сотрудники правоохранительных органов) и члены их семей, а социальную поддержку этой категории граждан - как систему государственных мер, направленных на обеспечение достойного уровня их жизни в силу особого статуса и заслуг перед государством и обществом. Часть из них, получившая ранения и потерявшая способность к труду, а также семьи в

случае гибели военнослужащего нуждаются в преодолении трудностей и улучшении качества своей жизни.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 23.11.2025).
2. Указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru>, 21.09.2022. (дата обращения: 24.11.2025).
3. Указ Президента РФ от 11.03.2024 № 181 «О дополнительных социальных гарантиях отдельным категориям лиц» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru>, 11.03.2024 (дата обращения: 25.11.2025).
4. Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» // Собрание законодательства РФ, 16.01.1995. - № 3. - Ст. 168.
5. Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» // Собрание законодательства РФ, 03.06.1996. - № 23. - Ст. 2750.
6. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства РФ, 01.06.1998, - № 22. - Ст. 2331.
7. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» // Собрание законодательства РФ, 19.07.1999. - № 29. - Ст. 3699.
8. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 28.11.2011. - № 48. - Ст. 6725.
9. Постановление Правительства РФ от 19.12.2003 № 763 «Об удостоверении ветерана боевых действий» // Собрание законодательства РФ, 29.12.2003. - № 52 (ч. II). - Ст. 5064.
10. Приказ Минтруда России от 30.03.2022 № 184 «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Социальное казначейство», не входящего в состав национального проекта и являющегося структурным элементом государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ, 2022. - № 6.
11. Письмо Минобороны России от 20.07.2023 № 172/4/УГ-711 «Об установлении статуса ветерана боевых действий лицам гражданского

персонала, привлекавшимся для обеспечения выполнения задач в ходе специальной военной операции с 24 февраля 2022 г.» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». - URL: <https://www.garant.ru>.

12. Письмо Минтруда России от 28.04.2023 № 26-0/ООГ-1898 «Об установлении статуса ветерана боевых действий лицам, направлявшимся органами государственной власти субъектов РФ для обеспечения выполнения задач в ходе специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики» // [Электронный ресурс]: Информационно-правовой портал «Гарант». - URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 13.11.2025).

13. Закон Новосибирской области от 11.10.2004 № 225-ОЗ «О дополнительных мерах социальной защиты граждан, уволенных с военной службы, со службы в войсках национальной гвардии Российской Федерации, участников специальной военной операции и членов семей погибших участников боевых действий» // Ведомости Новосибирского областного Совета депутатов, 15.10.2004. - № 46.

14. Замарева З. П. К вопросу об определении понятий «социальная защита» и «социальное обеспечение» (правовой аспект) // Вестник Пермского госуниверситета. Юридические науки. - 2017. - № 2 – С. 203-209.

15. Миронова Т. К. Право социального обеспечения и современные тенденции правового регулирования отношений в сфере социальной защиты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - Москва, 2008. - 55 с.

16. Назарова И. С., Шевченко К.В., Шеншин В.М. О комплексном подходе к правовой регламентации вопросов предоставления участникам специальной военной операции мер государственной поддержки // Аграрное и земельное право. - 2023. - №7 (223). - С. 40-42.

17. Токарева Е. А. К вопросу о понятии социальная защита // Социальное и пенсионное право. - 2016. - № 3. - С. 3-6.

К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ НОРМ ПО ОХРАНЕ ТРУДА РАБОТОДАТЕЛЯМИ

К. Ю. Иванова

Новосибирский государственный университет

экономики и управления НИИХ»,

г. Новосибирск, ivanovakss3005@mail.ru

Научный руководитель: Чельцова М. Г., доцент

В данной статье автором рассматривается важнейший институт трудового права – охрана труда. Раскрывается понятие охраны труда как целого комплекса мер, направленных на сохранение жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, а также правовое регулирование в данной области. Особое внимание уделено ряду распространенных нарушений в области охраны труда со стороны работодателей.

In this article, the author examines the most important institution of labor law – occupational safety. The article defines occupational safety as a set of measures aimed at preserving the life and health of workers during their work, as well as the legal regulation in this area. Special attention is given to a number of common violations in the field of occupational safety by employers.

В основном законе государства, Конституции РФ, закреплено право на осуществление трудовой деятельности в условиях, соответствующих гигиеническим требованиям, а также требованиям, связанным с безопасностью. Данное право представляет собой социальное право, обладающее повышенной значимостью. Можно сказать, что институт охраны труда выступает не только как правовая категория, но и как форма реализации конституционной обязанности государства по защите жизни и здоровья граждан.

Понятие охраны труда содержится в нормах трудового законодательства, а именно в статье 209 ТК РФ. Итак, «охрана труда - система сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающая в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия» [1]. Указанные меры, соответственно, предназначены для того, чтобы предотвращать производственный травматизм, профессиональные заболевания, и в первую очередь для создания безопасных и благоприятных условий для выполнения работником трудовой функций.

Важной составляющей охраны труда является профилактика, осуществляемая в том числе посредством таких мер, как СОУТ (специальная оценка условий труда), медосмотры, обеспечение СИЗ

(средствами индивидуальной защиты), спецодеждой, инструктажи по технике безопасности.

Законодательство в области охраны труда носит комплексный характер, поскольку включает в себя различные нормативно-правовые акты. Основным из них выступает Трудовой кодекс РФ, который регулирует такие аспекты, как обязанности и права работника и работодателя, гарантии прав работника, управление охраной труда и прочее. Также к числу НПА, регулирующих охрану труда, относятся Федеральный закон «О специальной оценке условий труда» от 28.12.2013 № 426-ФЗ, Постановление Правительства РФ от 24.12.2021 № 2464 «О порядке обучения по охране труда и проверки знания требований охраны труда», Приказ Минтруда России от 29.10.2021 № 772н «Об утверждении основных требований к порядку разработки и содержанию правил и инструкций по охране труда, разрабатываемых работодателем» и другие.

Несмотря на такую развитую систему правового регулирования, все же сохраняется тенденция к нарушениям в области охраны труда. К числу распространенных нарушений относится:

1) Допуск работника к выполнению трудовой функции без мед. осмотра или же ненадлежащее его проведение.

В нормах трудового законодательства, в частности в ст. 220 ТК РФ, определен перечень категорий работников, которые должны пройти обязательный мед. осмотр, это сотрудники, занятые на работах с вредными и опасными условиями труда, работники пищевой промышленности, водители, несовершеннолетние и ряд других.

Стоит сказать, что состояние здоровья работника является ключевой составляющей в процессе осуществления трудовой деятельности. На законодательном уровне закреплена обязанность работодателя отстранять от работы или не допускать к работе работника, который не прошел обязательный медосмотр. Однако работодатели все же пренебрегают данным предписанием, что способствует повышению риска для жизни и здоровья работника, росту производственного травматизма и в целом неблагоприятным последствиям.

Несмотря на то, что за данное нарушение предусмотрена юридическая ответственность, а именно административная, которая регулируется статьей 5.27.1 КоАП, данное нарушение является распространенным.

В качестве мер, направленных на предотвращение указанного нарушения, могут выступать обязательное назначение ответственного лица за организацию и проведение мед. осмотров (приказом работодателя), осуществление более строгого контроля и надзора со стороны государственных органов за прохождением мед. осмотров,

например через электронную систему, которая будет содержать в себе сведения, касающиеся здоровья работника.

2) Непроведение или же формальное проведение специальной оценки условий труда.

СОУТ представляет собой комплекс мер, реализуемых согласно предусмотренному порядку. В рамках осуществления данных мер выявляются присутствующие в трудовом процессе и в среде, в которой осуществляется производственная деятельность, факторы, являющиеся опасными, а также вредными; определяется, в какой мере они влияют на работника (при этом принимается во внимание расхождение между имеющимися значениями данных факторов и предусмотренными нормативами значениями); используются защитные средства – коллективные, индивидуальные [2]. Специальная оценка условий труда дает возможность оценить состояние рабочих мест, выявить вредные и опасные производственные факторы, а также на основе результатов подтвердить соответствие деятельности организации требованиям в области охраны труда. Обязанность проведения СОУТ возложена также на работодателя в соответствии со ст. 214 ТК РФ.

Непроведение специальной оценки условий труда в первую очередь, нарушает права работников на получение достоверной информации об условиях труда, требованиях охраны труда на рабочем месте. Работодатель, объясняя причину нарушений правовых предписаний о СОУТ зачастую называет финансовую и организационную составляющую [5]. За данное нарушение работодатель также привлекается к административной ответственности в соответствии с нормами КоАП.

Так, Государственной инспекцией труда в Ленинградской области была получена информация о результатах проведения специальной оценки условий труда в ООО «Р» более пяти лет назад при наличии рабочих мест с вредными или опасными условиями труда. По результатам проведения контрольного (надзорного) мероприятия были выявлены нарушения трудового законодательства в части непроведения на рабочих местах специальной оценки условий труда. Виновные лица привлечены к административной ответственности [3].

К мерам по устранению данного нарушения можно отнести обеспечение проведения внеплановых проверок СОУТ со стороны государственных органов, а также законодательное закрепление стоимости проведения данной оценки.

3) Необеспечение работников спецодеждой и средствами индивидуальной защиты.

Работодатель в силу правового предписания, содержащегося в ст. 214 ТК РФ обязан предоставлять работникам средства индивидуальной защиты. Необеспечение работников СИЗ может привести к серьезным последствиям, таким как, травмы, профессиональные заболевания, угроза жизни и здоровья человека. А на работодателя в свою очередь, возлагается юридическая ответственность за данное нарушение.

Так, генеральный директор ООО «ТК Элеватор» был привлечен к административной ответственности по ч. 4 ст. 5.27.1 КоАП РФ за необеспечение работника средствами индивидуальной защиты. Поводом послужил тяжелый несчастный случай, произошедший 20.09.2023 с электромехаником по лифтам, который не был обеспечен необходимыми СИЗ (жилет, перчатки, очки и прочее) [4].

Для предотвращения таких последствий работодателю необходимо своевременно обеспечивать работников СИЗ, организовать учет выдачи таких средств, назначив ответственных за это лиц.

Помимо указанных нарушений в области охраны труда, встречающихся в современных условиях наиболее часто, допускаются и иные. В частности, могут отсутствовать инструктажи по технике безопасности. Предназначение инструктажей – информирование работников; работникам в рамках данного мероприятия предоставляются сведения в отношении связанных с охраной труда требований. Работников знакомят с безопасными методами и приемами выполнения работ, а также правилами поведения в случаях возникновения чрезвычайной ситуации. Соответственно, непроведение инструктажа может привести к неблагоприятным последствиям как для работника, так и для работодателя. Нарушение норм режима труда и отдыха также встречается в качестве нарушений в области охраны труда. Незаконная сверхурочная работа и отсутствие отпусков негативно влияет на здоровье работника и приводит к производственным травмам и несчастным случаям в силу физической усталости работника.

Подводя итог, можно сказать, что охрана труда и ее обеспечение является важнейшим направлением социальной политики государства и одной из ключевых сфер регулирования трудовых отношений. На сегодняшний день в данной области выделяются ряд нарушений, которые необходимо исключить, поскольку это нарушает конституционное право граждан на труд в безопасных условиях, а также от этого напрямую зависит жизнь и здоровье граждан.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2002., № 1.

2. Федеральный закон от 28.12.2013 № 426-ФЗ «О специальной оценки условий труда» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2013., № 52.

3. Приказ Федеральной службы по труду и занятости от 02.06.2025 «Об обзоре обобщения и анализа правоприменительной практики контрольной (надзорной) деятельности в сфере труда и расследования несчастных случаев» // Официальный сайт Федеральной службы по труду и занятости [Электронный ресурс]. — URL: https://rostrud.gov.ru/rostrud/deyatelnost/?CAT_ID=14212&ysclid=mhl06tu5b8992093635 (дата обращения: 04.11.2025).

4. Приговор Московского городского суда г. Москва № 7-7013/2025 от 20 апреля 2025 г. по делу № 12-1059/2024 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oAwjO1IucNrV/> (дата обращения: 04.11.2025).

5. Чернышева Л.А. Правовые аспекты охраны труда в современных условиях [Электронный ресурс] // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 3 (61). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-ohrany-truda-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 04.11.2025).

«ПРАВО НА ОТПУСК: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ»

К. А. Кирей

Новосибирский государственный университет

экономики и управления «НИНХ»,

г. Новосибирск, kiraaaaaa2023@mail.ru

Научный руководитель: Чельцова М. Г., доцент

В данной статье мы подробно рассмотрим сущность одной из наиболее актуальных, ключевых и важных социальных гарантий, которую предусматривает трудовое законодательство – право на отпуск. Мы проанализируем существующие в современных трудовых правоотношениях проблемы, которые связаны с реализацией работником его права на отпуск, аргументируем почему такие проблемы требуют особого внимания и поиска новых путей решения данных проблем, вследствие чего нами будут предложены возможные способы преодоления актуальных проблем в соответствующей области трудовых правоотношений.

In this article, we will examine in detail the essence of one of the most relevant, key, and important social guarantees provided for by labor legislation – the right to vacation. We will analyze the existing problems in modern labor relations that are related to the employee's right to vacation, and we will argue why these problems

require special attention and new solutions. As a result, we will propose possible ways to overcome these issues in the field of labor relations.

Право на отпуск – явление в трудовых правоотношениях, которое приобрело в соответствии с законодательными положениями статус социальной гарантии, предоставляемой работнику в качестве одного из видов времени его отдыха.[6, с. 2] Данное право нашло своё законодательное закрепление как в основном законе государства – Конституции Российской Федерации, а именно в её статье 37, смысл положения которой предусматривает право каждого гражданина на обеспечение ему отдыха, так и в положениях основного нормативно-правового акта, регулирующего трудовые правоотношения – в Трудовом кодексе РФ. В нём рассматриваемому нами праву на отпуск посвящена целая глава 19, регулирующая основные аспекты, нормативное закрепление которых необходимо для реализации работником своего права на отпуск. [4, с. 2]

Итак, после обращения к правовым предписаниям, закрепляющим право каждого гражданина на отпуск, следует заметить, что простого закрепления в нормативно-правовых актах в данном случае будет малой мерой для качественного осуществления и исполнения рассматриваемого права. Для того, чтобы право на отпуск реализовывалось на практике эффективно и качественно, важно выработать правильный с механизм воплощения права работника в реальности. В связи с этим и возникают на практике некоторые проблемы в реализации права работника на отпуск, т.к. не всегда и не каждый работодатель подходит ответственно к исполнению права своего работника на отпуск в соответствии с законом. [7, с. 1]

Одной из наиболее популярных проблем в процедуре предоставления отпуска работнику считается задержка выплаты отпускных. Тут речь идёт о том, что работники часто сталкиваются с неприятной ситуацией, когда их работодатели нарушают срок оплаты отпуска, который представлен в законодательном положении статьи 136 Трудового кодекса РФ и составляет 3 дня до начала отпуска работника.[1] Мало того, что такое нарушение встречается довольно часто, к тому же работник из-за обычного незнания своих прав в такой ситуации, продолжает бездействовать. [5, с. 2] Поэтому, следует заметить, что такое нарушение в соответствии со статьёй 236 Трудового кодекса РФ, регламентирующей порядок материальной ответственности работодателя за нарушение сроков различных выплат, приводит к логичным последствиям, а именно к выплате компенсаций работнику за каждый день задержки оплаты отпуска, которая причитается работнику, а к тому же, работодатель будет обязан выплатить штраф на основании

положения пункта 6 статьи 5.27 КоАП РФ за своё неправомерное поведение, нарушающее права его работника.[3]

Не менее серьёзной и распространённой проблемой в данной сфере является отзыв из отпуска сотрудника при отсутствии его соответствующего согласия. Обращение к статье 125 Трудового кодекса РФ даёт нам понять, что отзыв сотрудника из отпуска вследствие внезапно возникшей производственной необходимости может осуществляться только с его согласия, которое в дальнейшем должно быть подкреплено подписью работника в последующем приказе об отзыве.[1] Однако опять же, некоторые работодатели, злоупотребляя и пользуясь незнанием работника данного законодательного положения, всё же позволяют себе вызвать по сотрудника на работу без предоставления им согласия на это. Это также приводит к наложению на работодателей штрафов, предусмотренных КоАП РФ на основании нарушения требований, выдвигаемых трудовым законодательством.

Следующей проблемой, возникающей при процедуре предоставления работнику его законного времени отпуска, является проблема, которая имеет отношение к определённым категориям работающих лиц – ко льготным категориям. Тут ситуация складывается следующим образом: определённым трудовым законодательством категориям работников предоставляется право выбора времени отпуска в удобное и желаемое для них время. [6, с. 2] К таким лицам Приказ Роструда от 11.11.2022 N 253 "Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных требований трудового законодательства" относит, например: супруг военнослужащего; ветеранов; одного из родителей, воспитывающего ребёнка инвалида, который не достиг 18 лет; работников, имеющих детей в возрасте до 12 лет; работников, которые удостоены высшего звания и имеющие государственные награды; работников, которые пострадали в радиационных катастрофах или авариях.[2] Тут также, к сожалению, имеют место прецедентные случаи, когда работодатель, например, вследствие нехватки кадров, может игнорировать или даже отказывать работникам в предоставлении им законного вышеуказанного права. Работодатель, отклоняя запросы таких работников, тем самым совершает грубейшее нарушение и игнорирование положений трудового законодательства, которое также приводит к неблагоприятным для работодателя последствиям в виде определённой юридической ответственности работодателя за свои действия.

Также, стоит отметить ещё одну проблему, которая наблюдается в эффективном осуществлении права на отпуск. Эта проблема уже связана не с какими-либо нарушениями со стороны работодателя, а с отсутствием в самом российском законодательстве положения, регламентирующего

возможность супругов выбирать время отпуска в одно время. Во многих законодательствах зарубежных стран наблюдается такая возможность, что благоприятно сказывается на психологическом состоянии как самих супругов, так и их детей, то есть совместный отпуск бы сделал для работников отдых более комфортным и эффективным, поэтому законодателям нашего государства стоит принять во внимание данный вопрос и предпринять меры. [5, с. 2]

Приведённые нами проблемы являются в данной сфере не единственными существующими проблемами, которые представляют грубые нарушения прав работника со стороны работодателя. К таким нарушениям могут относиться, например, изменение работодателем отпускного графика работников без их согласия, предоставление короткого отпуска с нарушением законных сроков отпуска и т.д. Такие проблемы, конечно же, требуют ответных действий со стороны работников, организаций, защищающих их права, поэтому необходимо знать о возможных путях преодоления и предотвращения таких проблем.

Итак, первым наиболее действенным способом предотвращения нарушения права работника на отпуск являются регулярные обращения работников к профсоюзным организациям, которые оперативно реагируют на возникающие неправомерные действия работодателей в сфере предоставления права на отпуск, впоследствии чего у работодателей вырабатывается дисциплина в данной сфере и соответственно соблюдение законодательных положений, регулирующих данное право сотрудников.

Продолжая тему обращения работников к организациям, выступающим на защите их прав, следующим способом преодоления проблем является автоматизация контрольной деятельности Государственной инспекции труда, которая будет выражаться в разработке цифровых инструментов для быстрого выявления нарушений и оперативного реагирования на них. К подобным цифровым инструментам, можно отнести электронные порталы для написания электронного обращения работника при недобросовестном поведении их начальства, которые позволят работникам иметь качественные рычаги воздействия на работодателя в случае произвола его действия в отношении своих трудовых законных прав.

Также путём преодоления проблем может выступать внедрение программных систем, которые отслеживают графики отпусков работников, автоматически направляют бухгалтерии уведомления о своевременной выплате отпускных определённым работникам за 3 дня до начала их отпуска. Это позволит избежать одну из существенных проблем – нарушение сроков оплаты отпуска, т.к. теперь все графики

отпусков будут подотчётны, что даже для работодателя и кадровых служб облегчит их деятельность.

Итак, подводя итог, следует сказать, что трудовые правоотношения между работником и работодателем в части предоставления работнику отпуска характеризуются немалым количеством серьёзных нарушений права работника, что, конечно же, надо каким-то образом регулировать и предотвращать, поэтому в содержании этой статьи нами и были предложены возможные эффективные, на наш взгляд, пути предотвращения проблемных ситуаций в данной области и уменьшения количества возникающих нарушений.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации 30.12.2001 №197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2002., №1.

2. Приказ Роструда от 11.11.2022 №253 «Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных требований трудового законодательства» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы по труду и занятости. – URL: https://rostrud.gov.ru/rostrud/deyatelnost/?CAT_ID=14212&ysclid=mhl06tu5b8992093635 (дата обращения: 01.01.2025).

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях 30.12.2001 №195-ФЗ // Собрание законодательства от 2002., №1.

4. Бац Ю.В. Правовое регулирование отпусков [Электронный ресурс] // Символ науки. – №5. – 2018. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-otpuskov/viewer> (дата обращения: 26. 10.2025).

5. Бербекова М.Х., Марзей И.Р., Шогенова Ф.О. Основные этапы становления и актуальное состояние законодательства о родительских отпусках в России и за рубежом [Электронный ресурс] // Аграрное и земельное право. – №8. – 2024. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-stanovleniya-i-aktualnoe-sostoyanie-zakonodatelstva-o-roditelskih-otpuskakh-v-rossii-i-za-rubezhom/viewer> (дата обращения: 30.10.2025).

6. Лилюкова О. С. Ежегодные отпуска и порядок их предоставления [Электронный ресурс] // StudNet. – №6. – 2021. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ezhegodnye-otpuska-i-poryadok-ih-predostavleniya/viewer> (дата обращения: 30.10.2025).

7. Смотров В. С. К вопросу о понятии времени отдыха в трудовом праве [Электронный ресурс] // Вестник науки. – №6. – 2023. – URL:

ОТГРАНИЧЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ

А. К. Кондратьева

**Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»,
г. Новосибирск, anzhelika.kondrateva.05@mail.ru
Научный руководитель: Лямкина Н. И., ст. преп.**

В статье рассмотрены основные признаки составов преступлений в сфере компьютерной информации, закрепленных в Уголовном Кодексе Российской Федерации. Особое внимание уделяется отграничению преступлений в сфере компьютерной информации от смежных составов. Приводится анализ критериев разграничения, включая основной объект посяательства и специфику способа совершения преступления.

This article examines the key elements of computer crimes as defined in the Criminal Code of the Russian Federation. Particular attention is paid to distinguishing computer crimes from related offenses. An analysis of the criteria for this distinction is provided, including the primary target of the offense and the specific method of committing the crime.

Современная жизнь человека непосредственно связана с процессом прогрессивного развития технологий. Круг потребностей человека с каждым годом расширяется все больше и больше. В век технологий людям сложно обойтись без компьютеров, бытовой техники и электроники. Актуальность темы, несомненно, определяется условиями современной реальности: изобретений компьютеров и умных телефонов способствовало созданию нового поля для деятельности преступников. Информация, персональные данные, которые человек по собственной воле предоставляет в общественное пользование, может стать мощнейшим оружием для злоумышленника.

Звонок из больницы, сомнительное предложение по работе, неожиданная доставка цветов, социологический опрос – каждый из нас хотя бы однажды сталкивался с такой ситуацией при звонке по телефону, провоцирующие утечку персональных данных, взлом и хищение личной информации пользователя. Это одни из наиболее распространенных методов действия преступников в современной технологичной жизни. Как защитить свои права и не стать жертвой злоумышленника? Как закон

устанавливает справедливое наказание за совершение тех или иных преступлений, непосредственно связанных с компьютерной информацией?

В сложившейся ситуации правоприменителю важно четко разграничивать преступления, предусмотренные главой 28 УК РФ, со смежными составами [1].

Глава 28 УК РФ содержит следующие виды преступлений в сфере компьютерной информации: несанкционированный доступ к компьютерной информации, который непосредственно связан с получением или использованием информации без разрешения владельца или в нарушение установленных правил [2; 163 с.]; создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ, то есть программ, специально разработанных для повреждения или изменения компьютерных данных; нарушение правил эксплуатации компьютерной информации, приводящее к уничтожению, блокированию, модификации информации, если эти действия повлекли за собой крупный ущерб (до 1 миллиона рублей) и между действиями и последствиями наличествует прямая причинно-следственная связь.

Сложность отграничения заключается в том, что компьютерная информация часто является не целью, а средством совершения другого преступления.

Итак, первый критерий отграничения преступления в сфере компьютерной информации от смежных составов – объект преступления.

Общим признаком преступлений, закрепленных в главе 28 УК РФ является то, что непосредственным объектом составов таких преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие безопасное использование именно компьютерной информации, средств ее хранения, обработки и передачи, а также защиту от несанкционированного доступа. Закон охраняет конфиденциальность, целостность и доступность компьютерной информации.

Смежными составами являются преступления, закрепленные в статьях 137, 138, 158, 159, 183, 283, 283.1 УК РФ. В составах перечисленных преступлений компьютерная информация не является основным объектом. Например, для квалификации преступления по статьям 158, 159 УК РФ важно, чтобы объектом преступления была собственность, имущество [3]. Кроме того, чтобы квалифицировать преступления по приведенным статьям важным признаком является способ совершения преступления, выраженный в обмане, а для квалификации по ст. 159.6 УК РФ необходимо наличие всех перечисленных в настоящей статье приемов, а именно: ввод, удаление,

блокирование, изменение компьютерной информации и иное вмешательство.

Основным объектом преступлений, закрепленных в ст. 137 и 138 УК РФ, являются права и свободы личности, а именно защита частной жизни, нарушение которых осуществляется путем сбора и распространения компьютерной информации [4]. Объектом преступлений ст. 183, 283 УК РФ, коммерческая и государственная тайна соответственно.

Вторым, немаловажным критерием является характер и направленность умысла. Если умысел при совершении преступлений, закрепленных главой 28 УК РФ, направлен именно на совершение действий с компьютерной информацией, а именно – получение к ней доступа, копирование, изменение, уничтожение, и конечная цель может быть любой (включая корысть и хулиганские побуждения), то умысел при смежных составах направлен именно на достижение конечного преступного результата (материальная выгода, причинение вреда репутации и др.). Компьютерная информация здесь может выступать в качестве способа достижения результата.

Объективная сторона также выступает признаком того или иного состава преступления. Преступления в сфере компьютерной информации характеризуются наличием специфических действий: несанкционированным доступом, созданием, использованием и распространением вредоносных программ, нарушением правил хранения, обработки или передачи компьютерной информации [5]. В смежных составах использование компьютерных технологий является дополнительным факультативным признаком преступления и служит способом совершения преступления.

На практике действия виновного часто образуют совокупность преступлений. Ярким примером является дело, рассматриваемое Тверским районным судом г. Москвы [6]. Гражданин Галимуллин создал специализированный сайт для систематического оказания платного доступа к трансляциям с чужих камер видеонаблюдения, установленных в жилых и нежилых помещениях. Таким образом, все действия совершались с использованием персонального компьютера подсудимого. Неправомерный доступ и последующее копирование видеопотока (создание скриншотов и предоставление доступа к трансляции) квалифицированы как отдельные преступления в сфере компьютерной информации. Галимуллин был привлечен к уголовной ответственности в соответствии с ч. 1 ст. 137 УК РФ и с ч. 2 ст. 272 УК РФ в виде штрафа, размер с учетом смягчающих обстоятельств.

Анализ признаков преступлений в сфере компьютерной информации, а также изучение судебной практики по рассматриваемому вопросу неоспоримо влечет за собой следующее заключение: отграничение преступлений в сфере компьютерной информации от смежных составов является комплексной и актуальной проблемой современной уголовно-правовой теории и практики.

Правильное отграничение преступлений в сфере компьютерной информации от смежных состав требует систематического изучения всех признаков состава преступления с учетом развития современных технологий и сложившейся судебной практики.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Харламова А. А. Неправомерный доступ к компьютерной информации: толкование признаков и некоторые проблемы квалификации [Электронный ресурс] // Вестник Уральского юридического института МВД России. – № 2. – 2012. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nepravomernyy-dostup-k-kompyuternoy-informatsii-tolkovanie-priznakov-i-nekotorye-problemy-kvalifikatsii/viewer> (дата обращения 11.11.2025).

3. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате. – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48 // Российская газета. – 2017. – № 280.

4. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 уголовного кодекса российской федерации). – Постановление Пленума Верховного суда РФ от 25.12.2018 г. № 46 // Российская газета. – 2019 г. – № 1 (7759).

5. Курбанов Г. Сурхай Оглы. Объективная сторона преступления, связанного с неправомерным доступом к компьютерной информации [Электронный ресурс] // Правовая информатика. – № 4. – 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnaya-storona-prestupleniya-svyazannogo-s-nepravomernym-dostupom-k-kompyuternoy-informatsii> (дата обращения: 13.11.2025).

6. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://mos-gorsud.ru>. (дата обращения: 13.11.2025).

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

А. Т. Тимофеева, П. В. Кочубеева
Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»,
г. Новосибирск, arinatimofk@gmail.com
Научный руководитель: Матвеев И. В., к.ю.н., доцент

Статья посвящена анализу одной из дискуссионных проблем современного уголовного права - возможности признания искусственного интеллекта (ИИ) субъектом преступления. Исследуется несоответствие автономных систем классическим признакам субъекта по российскому уголовному закону. Выявляются пробелы в правовом регулировании ответственности за вред, причиненный ИИ, и анализируются потенциальные модели решения проблемы, включая концепцию «электронного лица». Делается вывод о преждевременности признания за ИИ уголовной правосубъектности на современном этапе.

The article is devoted to the analysis of one of the controversial issues in modern criminal law, namely, the possibility of recognizing artificial intelligence (AI) as a subject of a crime. The article examines the discrepancy between autonomous systems and the classical characteristics of a subject under Russian criminal law. It identifies gaps in the legal regulation of liability for harm caused by AI and analyzes potential solutions to this problem, including the concept of an "electronic person." The article concludes that it is premature to recognize AI as a criminal subject at the current stage.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ), в особенности появление автономных и самообучающихся систем, бросает вызов фундаментальным основам традиционных правовых отраслей. Одной из наиболее дискуссионных проблем современной юриспруденции становится вопрос о возможности признания ИИ самостоятельным субъектом преступления. Классическая уголовно-правовая доктрина не содержит конструкций для привлечения к ответственности не-человека, обладающего признаками интеллекта и автономии. Как верно отмечает П.М. Морхат, «Тема правосубъектности (и в частности - ответственности) искусственного интеллекта, на наш взгляд, более чем заслуживает научного осмысления» [1, с. 127]. Цель работы заключается в постановке проблемы ИИ как субъекта уголовной ответственности и выявлении правовых последствий его автономности.

Действующая правовая доктрина, основанная на ст. 19 УК РФ, называет в числе признаков субъекта преступления физическое лицо, вменяемость и достижение возраста уголовной ответственности. ИИ не обладает ни одним из этих признаков, что исключает возможность привлечения его к ответственности за причинённый вред [2]. Отсутствие

универсального понимания того, что представляет собой интеллект вообще, является центральным препятствием для законодательного определения ИИ и его возможной уголовной ответственности. Кроме того, в науке отсутствует критерий определения и механизм фиксации достижения роботами уровня «разумности», без чего невозможно говорить о вине и осознанности действий.

В настоящее время, как отмечают исследователи, доминирует подход, согласно которому юнит искусственного интеллекта должен рассматриваться как инструмент [1, с. 133]. Так, ИИ - например, ChatGPT - не является субъектом преступления, но может стать средством совершения мошенничества или иных преступлений, облегчая их реализацию [2]. Однако такая трактовка не решает проблему, когда вред возникает вследствие автономной, непредсказуемой и не заложенной разработчиком модели поведения. Случаи самообучения ИИ приводят к появлению новых угроз, ранее неизвестных уголовному праву, что подтверждается практикой использования ИИ в целях распространения дезинформации, создания deepfake-контента и автоматизации преступных схем [3]. В связи с этим пробел в регулировании становится особенно заметен.

Если ИИ невозможно привлечь к уголовной ответственности в силу отсутствия правосубъектности, логичным представляется возложение ответственности за действия автономных систем на разработчиков, операторов или владельцев таких технологий. По мысли П.М. Морхата, «разумно и обоснованно привлечение к ответственности за ошибки, совершённые юнитом искусственного интеллекта, разработчиков и создателей этого юнита» [1, с. 139]. Однако действующее законодательство не всегда позволяет вменить вину этим лицам, особенно когда отсутствует небрежность или когда автономность ИИ исключает причинно-следственную связь между решением разработчика и вредом. Модель посредственного исполнения также неприменима, если поведение ИИ отклоняется от алгоритма вследствие самообучения [4].

В юридической литературе в качестве потенциального решения предлагается концепт «электронного лица». Это правовая фикция, позволяющая наделить сложные автономные системы ограниченной правосубъектностью, прежде всего для целей деликтной ответственности [5]. Теоретически автономный ИИ может обладать большей независимостью от разработчика, чем юридическое лицо от учредителей. Введение статуса «электронного лица» позволило бы рассматривать искусственный интеллект как самостоятельный субъект, способный нести имущественную ответственность, что предполагает создание страховых фондов или специальных механизмов покрытия вреда. Однако

реализация этой модели в уголовном праве потребовала бы пересмотра фундаментальных категорий вины и вменяемости, что вызывает серьёзные теоретические сомнения.

Отдельного внимания заслуживает анализ действующего регулирования эксперимента по внедрению технологий ИИ, закреплённого в Федеральном законе № 123-ФЗ от 24.04.2020 [6]. Несмотря на то, что закон направлен на развитие технологий и создание специальных правовых режимов, он не содержит положений, касающихся уголовной ответственности при использовании ИИ, что подчёркивает сохранение нормативного вакуума в этой сфере. Закон фиксирует технологический прогресс, но не отвечает на вопрос о последствиях возможных преступных результатов автономной деятельности ИИ.

Представляется, что признание ИИ субъектом преступления на современном этапе является преждевременным. Проблема заключается не только в правовых ограничениях, но и в философско-правовых основаниях. Как справедливо отмечает А.С. Подшибякин, «искусство и в области права является раньше науки... потому что искусство сживается и с одной догадливостью, с простым чувством или инстинктом, в то время как наука начинается только с познания» [7, с. 571]. Уголовное право опирается на интуитивное и человеческое понимание мотивации, умысла и вины, тогда как ИИ функционирует по иным принципам. Формализация понятий вины и умысла для нечеловеческого субъекта привела бы к их утрате или существенному изменению. Именно поэтому на данном этапе важно сохранить гуманистическую природу уголовного права, усиливая роль правоприменительного «искусства».

Таким образом, признание искусственного интеллекта субъектом преступления в условиях современного уровня развития технологий является юридически невозможным и теоретически противоречивым. Более реалистичными путями решения проблемы видится развитие гражданско-правовых механизмов компенсации вреда, включая концепцию «электронного лица» в деликтном праве, а также уточнение уголовной ответственности разработчиков и операторов автономных систем на основе принципа преступной небрежности [8]. Дополнительно требуется совершенствование законодательства в сфере использования ИИ, включая обновление специальных правовых режимов и выработку критериев определения автономности и влияния ИИ на причинение вреда. Прежде чем решать, может ли ИИ быть субъектом преступления,

необходимо укрепить базовые категории уголовного права и адаптировать правовую систему к новым технологическим реалиям.

Литература:

1. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: Научная монография / ООО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». – М.: Буки Веди, 2017. – 257 с.

2. Ключев С.Ю. Искусственный интеллект как субъект преступления [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2025. – № 27 (578). – С. 168-172. – URL: <https://moluch.ru/archive/578/127450> (дата обращения: 20.05.2025).

3. Даниленко Ю. А. Использование искусственного интеллекта в преступных целях: уголовно-правовая характеристика [Электронный ресурс] // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 4. – С. 232–240. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-prestupnyh-tselyah-ugolovno-pravovaya-harakteristika-1> (дата обращения: 20.05.2025).

4. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10. – Вып. 3. – С. 456–468. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-ugolovnaya-otvetstvennost-problemy-stanovleniya-novogo-vida-subekta-prestupleniya> (дата обращения: 20.05.2025).

5. Журавлева А. В., Куликова Ю. А. Искусственный интеллект как субъект права [Электронный ресурс] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 3. – С. 88-94. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-subekt-prava-1> (дата обращения: 20.05.2025).

6. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ "О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных" [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/c5051782233a cca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ (дата обращение: 20.05.2025).

7. Подшибякин А. С. О «технике» и «искусстве» в уголовном судопроизводстве и криминалистике [Электронный ресурс] //

Российский следователь. – 2015. – № 19. – С. 569-571. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-tehnologiyah-i-iskusstve-v-kriminalistike> (дата обращения: 20.05.2025).

8. Букалерова Л. А., Уторова Т. Н., Сизов Д. О. К вопросу о значении искусственного интеллекта в уголовном праве [Электронный ресурс] // Пенитенциарная наука. – 2020. – № 2. – С. 70-75. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-znachenii-iskusstvennogo-intellekta-v-ugolovnom-prave> (дата обращения: 20.05.2025).

ТУРИСТИЧЕСКИЙ НАЛОГ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Д. Н. Куликова

**Новосибирский государственный технический университет
г. Новосибирск, darya.kulikova.2004@bk.ru**

Научный руководитель: Шлепкина Е. А., ст.преп.

Данная статья посвящена анализу туристического налога как инструмента стимулирования территориального развития. Исследование основано на обобщении опыта взимания курортного сбора в отдельных регионах РФ и практике налогообложения в сфере туризма. Актуальность данного исследования определяется необходимостью поиска инновационных финансовых инструментов, способствующих развитию туристической инфраструктуры и решению связанных социально-экономических задач на уровне регионов.

The article is devoted to the analysis of the tourist tax as a tool for stimulating territorial development. The study is based on the generalization of the experience of resort fee collection in some regions of the Russian Federation and the practice of taxation in tourism.

С 2025 года в Российской Федерации произошли существенные изменения в области налогообложения туристической индустрии: курортный сбор преобразован в туристический налог [1]. Данная трансформация подразумевает расширение налоговой базы и внедрение новых механизмов администрирования и взимания налоговых обязательств, что способствует эффективному регулированию и развитию туристического бизнеса.

Налогообложение туризма рассматривается учеными и практиками в качестве инструмента для решения проблем, возникающих в ходе туристической деятельности. Кроме того, оно помогает достижению таких целей, как создание рабочих мест, стимулирование экономического развития, охрана окружающей среды и т.д.

Налоговое администрирование санаторно-курортной сферы применялось у нас в стране не в первый раз. Если обратиться к истории курортного сбора, то его применение было впервые введено на территории СССР [2]. В современной России курортный сбор был введен согласно Федеральному закону от 29.07.2017 г. № 214-ФЗ (далее - Закон о курортном сборе) с 2018 года и действовал до конца 2024 года только в нескольких регионах, а именно, Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае, Ставропольском крае, городе федерального значения Санкт-Петербурге [3].

С точки зрения проработанности правового регулирования эксперимент признан провальным, но с точки зрения дополнительного источника средств вполне успешным. Так, Б. И. Алехин отмечает, что «важным направлением развития бюджетного федерализма в России является укрепление налоговой автономии регионов» [4]. Рукина С.Н. отмечает, что туристический налог в качестве дополнительного источника финансирования туристической инфраструктуры, будет способствовать развитию территорий и решению значимых социально-экономических проектов в регионе, возможно, и межмуниципального характера [5].

Введение туристического налога, несмотря на потенциальные преимущества для развития территорий, вызывает неоднозначную реакцию со стороны представителей туристической индустрии. В ряде регионов, например, в Ростовской области, Ассоциация профессионалов индустрии гостеприимства выразила обеспокоенность относительно потенциального увеличения фискальной нагрузки на малый гостиничный бизнес. Аналогичную позицию занимает Ассоциация туристских организаций Новосибирска. Данный дискурс актуализирует необходимость тщательной оценки социально-экономических последствий введения туристического налога и поиска баланса между интересами развития территорий и поддержкой субъектов предпринимательства в сфере туризма.

За указанные периоды было опубликовано несколько отчетов по Ставропольскому краю, так за 2020 год посредством применения курортного сбора объем доходов субъекта от уплаты указанного сбора составил 159 797 200 рублей за отчетный период [6], а за 2022 год уже 294 413 000 рублей. Так же было отмечено, что эффективность использования межбюджетного трансферта в указанных городах так же различаются: Ессентуки и Железноводск – средняя эффективность, Кисловодск и Пятигорск – низкая.

Рассматривая в качестве примера Краснодарский край, был так же опубликован отчет о ходе проведения эксперимента, который наглядно

показывает, что было изменено на годы проведения эксперимента. Как уже упоминалось, одной из целей проведения эксперимента является финансирование мероприятий, связанных с благоустройством, ремонтом и содержанию объектов туристической инфраструктуры.

Отчеты демонстрируют целевое расходование собранных средств на мероприятия по благоустройству объектов туристической инфраструктуры, что подтверждает гипотезу о позитивном влиянии курортного сбора на развитие региона.

Однако, почти все исследователи отмечали, что сбор не включен в налоговую систему в НК РФ, при том, что, региональные и местные власти не вправе устанавливать налоги и сборы, не предусмотренные НК РФ. Потому видится целесообразным его преобразование в туристический налог, отданного на «откуп» местному уровню, которые самостоятельно принимают решение об установлении на соответствующей территории.

Анализ льгот по туристическому налогу в различных регионах демонстрирует вариативность подходов. Введение туристического налога на территории Новосибирской области, в частности в городе Обь, стало важным шагом к стимулированию развития местной туристической инфраструктуры и экономики в целом. Говоря об особенностях в льготах, кроме перечисленных в статье 418.4. НК РФ, было установлено несколько категорий лиц, освобожденных от уплаты данного налога: лица, имеющие на своем иждивении 3 и более несовершеннолетних детей, (в том числе старше 18 лет, обучающихся по очной форме обучения до получения образования, но не более чем до 23 лет); опекуны, приемные родители, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, а также лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лица, зарегистрированные в самом субъекте [7].

В рабочем поселке Кольцово Новосибирской области так же был установлен туристический налог, устанавливающий в качестве дополнительных категорий физических лиц, стоимость услуг по временному проживанию которых не включается в налоговую базу: пенсионеры, получающие пенсию, назначаемую в порядке, установленном пенсионным законодательством, которым в соответствии с законодательством Российской Федерации выплачивается ежемесячное пожизненное содержание [8].

Рассматривая в качестве примера смежную область – Омскую, хотелось бы отметить, что налог не будет взиматься также с несовершеннолетних спортсменов, приезжающих для участия в соревнованиях и мероприятиях, а также тренеров и сопровождающих

лиц [9]. В Алтайском крае и в Республике Крым курортный сбор не уплачивается лицами, направляемыми на лечение в рамках обязательного медицинского либо социального страхования [10]. Такая дифференциация подчеркивает региональную специфику и различные приоритеты в развитии туризма.

Целесообразным также видится недифференцированный подход к сумме налога, чем больше стоимость услуги по средству размещения, тем выше сумма налога. При этом в сумму не включаются НДС и другие дополнительные услуги. Пропорциональная шкала налогообложения в большей мере согласуется с принципом справедливости, поскольку предполагает равенство правовой позиции лиц сообразно их экономическому положению. Однако противников подобного преобразования приводят контраргументы, которые сводятся к снижению покупательной способности населения и к росту «теневого сектора». В настоящее время, по данным UNWTO, по числу мест в гостиницах наша страна занимает 85 -е место в мире, а по ценовой доступности размещения - 115-е место среди 139 стран [11]. Для полноценного и недорогого отдыха туристов необходима широкая сеть гостиниц и апартментов, способная обеспечить достойное размещение во всех регионах России. В отношении налогообложения самозанятых мы пришли к выводу о том, что, данная идея, будучи в целом прогрессивной, вряд ли повлечет массовый «выход из тени», поскольку даже предлагаемые преимущества такого шага пока не в состоянии перевесить риски и угрозы для данной категории граждан.

Современные тенденции в управлении финансами требуют повышения уровня отчетности и прозрачности в использовании бюджетных средств. В контексте туристического налога это означает, что местные власти должны предоставлять регулярные отчеты о расходовании собранных средств и их влиянии на развитие региона. Установление таких практик способствует повышению доверия со стороны населения и бизнеса к системе налогового администрирования. А потому следует закрепить целевой характер использования полученных средств.

Говоря об администрировании туристического налога, хотелось бы выделить следующие недостатки:

1. Недостаточность учета разнообразия видов туризма. Как учесть уникальные черты различных форм туризма (таких как деловой, экотуризм) при создании систем администрирования налогов? Важно рассмотреть индивидуализированные методы налогообложения, основываясь на целях поездок, их продолжительности, типах

размещения и других особенностях различных сегментов туристического рынка.

2. Проблема контроля за целевым использованием средств заключается в необходимости гарантировать, что собранные средства направляются именно на развитие местной инфраструктуры в целом, а не на другие цели. Важно исследовать механизмы общественного контроля, прозрачности бюджетного процесса, эффективности использования средств и оценки достигнутых результатов.

3. Согласно Налоговому кодексу Российской Федерации, лишь классифицированные средства размещения будут считаться налогоплательщиками. В настоящее время это правило не распространяется на глэмпинги и квартиры, сдаваемые посуточно.

4. Вопрос о порядке исчисления налога на доходы от почасовых броней представляет собой актуальную тему для анализа в рамках налогового законодательства. В частности, необходимо выяснить, следует ли округлять продолжительность бронирования до целых суток или же налоговые обязательства в данном случае отсутствуют.

5. Налоговая база по туристическому налогу включает стоимость услуг по предоставлению мест для временного проживания, если договор заключен с лицом, не относящимся к определённым льготным категориям. Необходима более конкретная, пропорциональная и дифференцированная система исчисления в случае заключения договора с несколькими лицами, один или несколько из которых относятся к льготным категориям, а другие – нет. Это может привести к дополнительной налоговой нагрузке на владельцев гостиниц и других средств размещения, предоставляющих услуги нескольким физическим лицам в рамках одного договора, что может быть нецелесообразно и затрудняет ведение бизнеса.

Подводя итог, исследование тенденций введения туристического налога раскрывает его эволюцию от узкоспециализированного инструмента (курортный сбор) к более комплексному механизму регулирования и финансирования туристической отрасли. Анализ пилотных проектов в России однозначно указывает на целесообразность перехода к более широкому охвату налогообложения, охватывающему всю цепочку создания туристического продукта. Пространственное развитие определяется качеством территориальной доступности услуг индустрии гостеприимства и туризма.

Однако, для достижения максимальной эффективности необходима дальнейшая работа над оптимизацией налоговой модели, включающая в себя разработку гибкой системы дифференцированных ставок с учётом специфики региональных рынков, активное внедрение

цифровых технологий для упрощения администрирования и повышения прозрачности, и, что особенно важно, разработку чётких механизмов контроля за целевым использованием собранных средств. Только комплексный подход, учитывающий как экономические, так и социально-экологические аспекты, позволит максимизировать потенциал туристического налога как драйвера устойчивого развития туристических регионов.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. 12.12.2024) // Собрание Законодательства РФ – 07.08.2000 г. – № 32.

2. Лушков М. В., Анисимова Н. Н. Мировая и общероссийская практика взимания курортного сбора в 2023 году // Форум молодых ученых. – 2023. – №6 (82). [Электронный ресурс]. - URL: <https://gog.su/UviR> (дата обращения: 25.01.2025).

3. О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры: федеральный закон от 29 июля 2017 года № 214-ФЗ // Текст федерального закона опубликован в "Российской газете" от 30 июля 2017 г. – №169.

4. Алехин Б. И. Налоговая автономия и бюджетные балансы регионов. // Финансовый журнал. –2020; – 12(5) – С. 114–127;

5. Рукина С. Н. Потенциал туристического налога в российских регионах // Финансово-кредитный механизм регулирования социально-экономического развития в условиях демографической и структурной трансформации. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2024. – С. 54-56;

6. Отчет о ходе эксперимента по развитию курортной инфраструктуры на территории Ставропольского края за период с 01 января 2020 года по 31 декабря 2020 года [Электронный ресурс]. - URL: <https://clck.ru/3Ffarq> (дата обращения: 09.01.2025).

7. Решение Совет депутатов г. Оби Новосибирской области от 06.11.2024 г. № 408 [Электронный ресурс]. - URL: <https://gorodob.nso.ru/page/15007> (дата обращения: 19.01.2025).

8. Решение Совета депутатов рабочего поселка Кольцово 6 созыва от 16 октября 2024 года № 50 [Электронный ресурс]. - URL: <https://clck.ru/3Fud4i> (дата обращения: 20.01.2025).

9. В Омске освободят от туристического налога ряд категорий граждан [Электронный ресурс]. – URL: <http://surl.li/jcmoxv> (дата обращения: 22.01.2025).

10. Пинская М. Р., Стешенко Ю. А. Туристический налог и его значение для территориального развития // Экономика. Налоги. Право. – 2021. – №6.

11. Асланова Д. М., Шатульская Н. А. Роль туристической отрасли в российской экономике // Экономика и социум. – 2020. – №2 (69).

ДОМЕННЫЕ ИМЕНА КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Д. Н. Куликова

**Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, darya.kulikova.2004@bk.ru**

Научный руководитель: Епифанцев А. В., к.ю.н., доцент

В условиях цифровой экономики доменные имена трансформировались из простых технических адресов в ценные активы, товары и средства индивидуализации. Это порождает комплекс правовых коллизий на стыке гражданского, информационного и интеллектуального права, требующих теоретического осмысления и совершенствования законодательства.

In the digital economy, domain names have transformed from simple technical addresses into valuable assets, goods, and means of individualization. This generates a complex of legal conflicts at the junction of civil, information and intellectual law, requiring theoretical understanding and improvement of legislation.

Стремительный рост информационных технологий и цифровизации глобальной экономики привели к тому, что доменные имена перестали быть исключительно техническими адресатами, обеспечивающих функционирование доступа к сети Интернет. Теперь же они стали уникальными идентификаторами, определяющие коммерческое присутствие и репутацию субъектов в интернет-пространстве, что обнажило проблему правовой неопределенности.

В современном российском законодательстве домен не рассматривается как средство индивидуализации, что обуславливает защиту соответствующих прав преимущественно через общие положения гражданского законодательства [1].

Определенный прогресс в этом направлении демонстрирует ГОСТ 34888-2022 [2]. Этот стандарт подчеркивает идентифицирующую функцию домена как «уникального символического обозначения», служащего для индивидуализации собственника и адресации сообщений. Важно отметить, что в определении учитывалась возможность включения товарного знака, географического обозначения,

наименования места нахождения товара, что подчеркивает связь доменов с объектами интеллектуальной собственности.

Однако такая формулировка носит декларативный характер и констатирует техническую возможность такого совпадения, но не проясняет правовых последствий этой связи. Данная норма фиксирует наблюдаемое на практике явление, при этом не решая ключевой коллизии: создает ли использование товарного знака в домене производный объект права или же права на домен целиком поглощаются исключительным правом на знак.

Правовая природа доменного имени остается одной из наиболее дискуссионных проблем в современном праве. Доктрина предлагает несколько принципиально различных подходов к его квалификации, каждый из которых имеет свои достоинства и ограничения.

Наиболее распространенный подход рассматривает доменное имя как средство индивидуализации, проводя аналогию с товарным знаком или коммерческим обозначением [3]. Действительно, домен выполняет схожую функцию — позволяет идентифицировать субъекта в цифровом пространстве. Однако эта аналогия неполна: домен лишен территориального характера, присущего товарным знакам, и его регистрация не всегда основана на принципе первенства (право возникает у лица, который впервые зарегистрировал товарный знак), что противоречит самой логике средств индивидуализации. Альтернативная теория, уподобляющая домен наименованию места происхождения товара [4], также представляется спорной из-за отсутствия связи с географическими характеристиками.

Наиболее перспективным представляется подход, рассматривающий доменное имя как новый объект интеллектуальных прав. Эта концепция признает уникальную цифровую природу домена и позволяет создать для него специальный правовой режим, не вписывающийся в традиционные категории. Домен может ассоциироваться с определенной репутацией и качеством, формируя у пользователей устойчивые ожидания. Однако реализация этого подхода требует законодательных новаций и формирования новой правовой доктрины.

Наконец, гражданско-правовая концепция квалифицирует домен как имущественное право (право на использование) [5]. Этот подход удобен с практической точки зрения, но не отражает всей сложности природы домена, сводя его к простому обязательственному праву. Современная юридическая доктрина в большинстве своем признает доменное имя уникальным объектом, формирующим особый класс цифровых деликтов, где техническая природа домена переплетается с его правовой сущностью.

П. 5 ч. 2 ст. 1484 ГК РФ регулирует использование товарного знака в домене, устанавливая не абсолютный запрет, а скорее, "правовой фильтр". Для квалификации нарушения требуется не только объективное соответствие - наличие тождественного или сходного обозначения, но и субъективный критерий - его использование именно в целях индивидуализации товаров, работ или услуг [6, 7, 8].

Развитие цифровой экономики увеличивает число правовых конфликтов, требующих комплексного разрешения. Среди них центральное место занимают споры о недобросовестной конкуренции, связанные с использованием доменных имён для введения потребителей в заблуждение или блокирования бизнеса конкурента.

Особую категорию составляет киберсквоттинг — умышленная регистрация доменных имен, тождественных или сходных до степени смешения с охраняемыми товарными знаками, с целью их последующей перепродажи или извлечения иной незаконной выгоды. Так, например, в деле № А41-68198/2021 Верховный суд РФ установил комплексный характер правонарушений, где нарушение исключительных прав на товарный знак по ст. 1484 ГК РФ тесно переплетается с актами недобросовестной конкуренции [9]. Ключевым нарушением стало использование тождественного обозначения как в самом доменном имени, так и при размещении коммерческого контента с рекламными баннерами.

Особую квалифицирующую роль играют признаки системного злоупотребления правом: регистрация домена, тождественного известному бренду, уклонение от ответственности через смену владельцев и регистраторов, создание сети зеркальных сайтов с переадресацией и извлечение коммерческой выгоды из чужой репутации. Эта совокупность действий образует сложный состав недобросовестной конкуренции, требующий применения как гражданско-правовых, так и конкурентных механизмов защиты.

Системное толкование закона приводит к выводу, что регистрация домена, содержащего чужой словесный товарный знак, сама по себе еще не является противоправным актом [10]. Нарушением она становится лишь тогда, когда доменное имя начинает функционировать как инструмент рыночной идентификации, создавая риск смешения. Именно эту логику развивает Суд по интеллектуальным правам, указывая, на то, что использование в домене неохранных элементов знака (например, описательных компонентов) лежит вне поля действия исключительного права и не может быть признано нарушением по определению [11]. Данная правовая позиция сужает зону потенциального конфликта, защищая добросовестных участников оборота от необоснованных

претензий и подчеркивая, что охрана распространяется не на любую комбинацию символов, а лишь на их использование в специфической, предусмотренной законом функции.

С другой стороны, современная практика говорит об ином: факт размещения в доменной системе обозначения, сходного до степени смешения с охраняемым средством индивидуализации создает презумпцию нарушения исключительных прав.

Данная правовая позиция основывается на комплексе принципов: признании превентивной функции защиты интеллектуальных прав, учете особой роли цифровой среды как пространства для первичной идентификации субъектов, а также установлении презумпции недобросовестности в отношении регистрации доменных имен, конфликтующих с охраняемыми средствами индивидуализации.

Неопределенный правовой статус доменных имен в российском законодательстве, которые стали полноценными активами цифровой экономики, создает системные проблемы в правоприменении.

Таким образом решением выявленных в процессе анализа видится следующее:

1. Прямое закрепление понятия «доменное имя» в ГК РФ как самостоятельного объекта гражданско-правового регулирования, обладающего двоякой природой - сочетающего технические и правовые характеристики.

2. Расширение оснований для защиты прав добросовестных владельцев доменов через разъяснения Верховного суда РФ:

- Закрепить легальные критерии добросовестности, включая регистрацию домена до установления приоритета товарного знака, его использование в законной хозяйственной деятельности и отсутствие намерения извлечь выгоду из чужой репутации.

- Ввести презумпцию добросовестности для доменов, зарегистрированных до возникновения исключительного права на тождественный товарный знак, с переложением бремени доказывания недобросовестности на правообладателя.

- Признать самостоятельную коммерческую ценность доменного имени, сформированную в результате инвестиций в его раскрутку, как охраняемый законом интерес, не поглощаемый исключительным правом на товарный знак.

- Установить специальный правовой режим использования товарных знаков в доменах, ограничивающий сферу действия исключительного права случаями, когда домен используется именно для целей индивидуализации товаров/услуг, создавая реальный риск

смещения. Это позволит дифференцировать нарушение от технической регистрации и защитит добросовестных участников оборота.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 "О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации" // Текст Постановления опубликован в «Российской газете» от 16.05.2019 – №7.
2. ГОСТ 34888-2022. Интеллектуальная собственность. Термины и определения: введен в действие Приказом Росстандарта от 25.10.2022 № 1180-ст [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант-Плюс». — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.11.2025).
3. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: Теория и судебная практика. / В.А. Лапач //— СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 544 с.
4. Перельгин К. И. Использование товарных знаков в доменных именах / К. И. Перельгин // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2016. – № 12. – С. 78–87.
5. Морозов Н. Е., Татаринова С. С. Правовой режим доменного имени и способы его защиты / Н.Е. Морозов, С.С. Татаринова // Вестник молодых учёных и специалистов Самарского университета. — 2023. № 1(22). — С. 158-161.
6. Етеева Е. В. Обзор судебной практики в сфере доменных имен: тенденции и проблемы / Е. В. Етеева // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2024. – № 4 (46). – С. 134–146.
7. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8.12.2009 г. № 9833/09 [Электронный ресурс] // Текст постановления опубликован на сайте ВАС РФ от 30.12.2009. - URL: www.arbitr.ru (дата обращения: 11.11.2025).
8. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.05.2011 г. № 18012/10 // Текст постановления опубликован в "Вестнике Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации", – 2011 г., – № 8.
9. Решение Верховного Суда РФ от 14.03.2022 по делу № А41-68198/2021 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 11.11.2024).
10. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.03.2014 № СП-21/4 "Об утверждении справки по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров".
11. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.06.2023 г. по делу № А41-19542/2022 [Электронный ресурс] // Документ

опубликован не был. Доступ из СПС «Гарант». - URL: <https://base.garant.ru/407111490/> (дата обращения: 12.11.2025).

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯМ

А. М. Максимов

**Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»,**

г. Новосибирск, vuutq@vni1.ru

Научный руководитель: Матвеев И. В., к. ю. н, доцент

В работе рассматривается проблема уголовно-правовой защиты генетических данных с учётом стандартов законодательства РФ, находящихся на стыке биотехнологий, кибербезопасности и права. Автор подвергает анализу фундаментальные принципы криминалистики, связанные с судебно-медицинской экспертизой, доказательную силу ДНК-тестирования в судебном производстве, учитывая риски хищения и фальсификации данных биобанков. Результаты исследования определяют возможности борьбы с биопиратством и обеспечения национальной безопасности.

This paper examines the issue of criminal law protection of genetic data, taking into account Russian legislation standards at the intersection of biotechnology, cybersecurity, and law. The author analyzes the fundamental principles of criminalistics related to forensic medical examination and the evidential value of DNA testing in court proceedings, taking into account the risks of theft and falsification of biobank data. The results of the study determine the possibilities for combating biopiracy and ensuring national security.

Современное законодательство РФ направлено на защиту чести и достоинства личности независимо от контекста их применения. Однако правовой статус генетических данных, тканей и других биологических материалов остается неопределённым.

В научных кругах существует дискуссия относительно правовой природы биоматериалов. Одни ученые-правоведы рассматривают их как объекты гражданского права, другие — как персональные данные, связанные с субъектом, что создает правовые сложности при использовании биотехнологий [8].

Под понятие «генетические данные» относится и биометрическая информация, то есть физиологические и биологические характеристики, утверждённые в ФЗ от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в РФ» [3].

К основным биометрическим характеристикам относятся: дактилоскопия (отпечатки пальцев), биометрия лица, радужная оболочка глаза, геометрия кисти, анализ голоса и походки [11].

Отдельное внимание заслуживает вопрос доступа к данным, содержащихся в биологических базах, для третьих лиц.

Биобанки подразделяются на научно-исследовательские; терапевтические — применяются в медицинских целях; судебно-медицинские — используются для судебных экспертиз и расследований, создаются исключительно по инициативе государства [7]. В последнем случае биообразцы и связанные с ними данные поступают в эти базы без согласия субъекта и не подлежат обезличиванию.

Что касается регулирования биобанкинга, то специального закона в РФ нет. Регулирование этой сферы осуществляется отдельными нормативными правовыми актами, что создает пробелы в правовом регулировании генетических данных.

В связи с чем автор ставит перед собой цель — изучение действующего законодательства РФ для выявления пробелов правового регулирования биоэтики, а также в комплексном анализе и разработке механизмов противодействия новым видам преступлений с учётом стандартов, находящихся на стыке биотехнологий, информационной безопасности и права, затрагивая объект исследования — общественные отношения в сфере защиты генетических данных и правовые механизмы противодействия биотехнологическим киберпреступлениям.

В отличие от других персональных данных, генетический код остается неизменным на протяжении жизни, что делает его эффективным средством манипулятивного воздействия.

Согласно Указу Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97 «Об Основах государственной политики РФ в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» г. III. ст. 13, п. 8 утверждено: «осуществление генетической паспортизации населения с учетом правовых основ защиты данных о персональном геноме человека и формирование генетического профиля населения» [2].

В случае массового распространения генетических профилей, в первую очередь, информацией воспользуется работодатель, который сможет использовать генетические данные для принятия решений, нарушая права и интересы людей, например, дискриминации или стремление к найму «оптимальных» сотрудников», учитывая генетические особенности организма [6].

В настоящее время трудовое законодательство РФ не требует предоставления генетического паспорта работодателю.

Учитывая «полезность» генетических данных, государство может использовать их для неэтичных целей: установления контроля над людьми, склонных к определённому поведению, обосновывая это необходимостью обеспечения национальной безопасности.

В настоящее время в РФ геномная регистрация обязательна для осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений [4], граждан, подвергнутых административному аресту. Кроме того, иностранные граждане и лица без гражданства обязаны сдавать биометрические данные [5].

Если рассматривать наиболее серьезные последствия при неконтролируемом использовании генетических данных, то среди них можно выделить фальсификацию доказательств с помощью подбрасывания ДНК на место преступления или риск клонирования человека.

Современные технологии синтеза ДНК позволяют создавать искусственные последовательности, но интеграция их в биологический материал, например, волосы, слюну, чтобы это выглядело естественно и выдержало судебно-медицинскую экспертизу, сложна. Любые аномалии или признаки деградации могут быть выявлены экспертами [14].

Для прохождения проверки можно использовать смешанные образцы ДНК, содержащие нескольких лиц или смешение с землей, водой, что приводит к деградации ДНК. Для получения ДНК человека не всегда требуется физический контакт с ним, достаточно провести успешный взлом базы данных биобанков.

Осенью 2023 года на «теневом» форуме появилось объявление о взломе базы данных компании 23andMe — одного из лидеров на рынке ДНК-тестирования [10]. Позднее руководство компании подтвердило, что хакер получил доступ к личным данным около 6,9 млн. пользователей.

Проведенный эксперимент проектом «Кибериспытания» летом 2025 года подтверждает риск кражи данных: 2/3 из 74 участвовавших организаций не смогли пройти тест на взлом. [9].

Дело Олега Лаптева подчеркивает важность доступа стороны защиты к информации о происхождении геномных данных для проверки их достоверности [1]. Несмотря на отказ Конституционного Суда России рассматривать жалобу, проблема остается актуальной. Лаптев, стремясь доказать невиновность брата, столкнулся с отказом в предоставлении информации судмедэкспертизы от МВД России и следственных органов. Отсутствие специального закона, регулирующего доступ к сведениям по

делу судебно-медицинского биобанка, усложняет защиту прав обвиняемого, особенно учитывая риски фальсификации ДНК-профилей.

Для обеспечения безопасности генетических и медицинских данных в биобанках применяются различные методы шифрования. Несмотря на высокие стандарты защиты, с развитием квантовых технологий возрастает риск кибератак.

В октябре 2024 года китайские учёные успешно атаковали три основных алгоритма (AES), заявив, что пока что им не удалось окончательно взломать AES-256, но они подошли к этому «ближе, чем когда-либо прежде» [13].

27 ноября 2015 года Роспатент вынес решение по патентному спору, описывающий метод создания эмбрионов с геномом человека и мыши [12]. Стоит отметить, что аналогичные эксперименты уже проводились и показали свою результативность, что подтверждает возможность создания химеры — биологического организма со смешанной ДНК [12].

Вследствие чего возникает риск создания живого организма, генетически идентичного исходному. Например, удачно сложившиеся кибератаки на биобанк, с последующей кражей генетических данных известных людей, актёров, политиков, для проведения диверсий за границей.

Исследования в области клонирования организмов вызывают этические споры, открывая многие направления в юриспруденции для дальнейшего изучения. Примеры ставят под удар наработанный годами фундамент криминалистики. Например, преступник с химерными клетками оставит на месте преступления ДНК, которая характеризуется как «не существует в природе», что ставит следствие в затруднительное положение.

В результате анализа автор предлагает внедрить в законодательство следующие дополнения.

Добавить в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» статью, устанавливающей обязательное требование к использованию протокола шифрования не ниже AES-256, с последующим переходом на квантово-устойчивые алгоритмы для юридических лиц, занимающихся сбором, хранением и обработкой персональных данных граждан РФ.

Для уравнивания сторон в судебном процессе необходимо дополнить ст. 53 УПК РФ положением: «Право на доступ к сведениям в рамках судебного дела из судебно-медицинского биобанка», с учётом требований законодательства о защите персональных данных и медицинской тайны.

По мнению автора, попытки ограничить клонирование людей не имеют смысла, поскольку в будущем оно будет осуществляется любыми методами в странах с мягким законодательством.

В связи с чем автор предлагает обозначить в УК РФ правовой статус клонов как субъектов права, предусматривающий применение к ним соответствующих мер юридической ответственности за совершённые деяния, в том числе и уголовную.

Таким образом, для надёжной защиты генетической информации необходимо применять комплексный подход, включающий использование передовых технологий, особенно в условиях развития биотехнологий.

Литература:

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лаптева Олега Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 15 Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и частями первой и второй статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2025 г. № 1839-О // Конституционный Суд Российской Федерации. — 2025. — № 1839-О.

2. Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу: указ Президента Российской Федерации от 11 марта 2019 г. № 97 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2019 — №97. — Ст. 13.

3. О государственной геномной регистрации в Российской Федерации: федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2008. — № 49. — Ст. 1.

4 О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 8-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2023. — №6. — Ст. 7.

5. Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ (с изменениями и дополнениями)

// Собрание законодательства Российской Федерации. — 2023. — № 1. — Ст. 2.

6. Адриановская Т. Л. Использование генетических данных при приеме на работу [Электронный ресурс] /// Аграрное и земельное право. — 2023. — С.53-55. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-geneticheskikh-dannyh-pri-prieme-na-rabotu> (дата обращения: 05.11.2025).

7. Болтанова Е. С., Имекова М. П. Виды биологических баз данных (биобанков) [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2021. — №41. — С.136-147. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-biologicheskikh-baz-dannyh-biobankov> (дата обращения: 08.11.2025).

8. Васильев Г. С. Человеческий биоматериал как объект права [Электронный ресурс] // Правоведение. — 2018. — С.308-361. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-biomaterial-kak-obekt-prava> (дата обращения: 05.11.2025).

9. Исследование на базе данных «Кибериспытание Экспресс» на 15 июля 2025 г.: Недопустимое событие 2025. Цифровой краш-тест российского бизнеса [Электронный ресурс] //. — URL: https://cyberfy.ru/documents/CQ_research_express_NS2025.pdf (дата обращения: 01.11.2025).

10. Логачёва М. Д., Пушкарев В. С. Зарубежный опыт правового регулирования прямого потребительского генетического тестирования [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — С.103-117. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-pravovogo-regulirovaniya-pryamogo-potrebitelskogo-geneticheskogo-testirovaniya> (дата обращения: 06.11.2025). — doi: 10.17803/1994-1471.2021.129.8.103-117.

11. Лютов Н. Л. Запрет генетической дискриминации и защита генетических персональных данных: перспективы модификации норм трудового права [Электронный ресурс] // Журнал российского права. — 2021. — С.72-83. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zapret-geneticheskoy-diskriminatsii-i-zaschita-geneticheskikh-personalnyh-dannyh-perspektivy-modifikatsii-norm-trudovogo-prava> (дата обращения: 07.11.2025). — doi: 10.12737/jrl.2021.124.

12. Рыжова А. А. Клон человека как субъект конституционного права [Электронный ресурс] // Наука. Общество. Государство. — 2017. — Т.5. — №1 (17). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klon-cheloveka-kak-subekt-konstitutsionnogo-prava> (дата обращения: 06.11.2025).

13. Research on Quantum Computing for Practical SPN Structure Symmetric Ciphers Attacks Using the D-Wave Advantage [Electronic resource] / PEI Zhi, HONG Chun-Lei, WANG Qi-Di, HU Qiao-Yun, WANG

Chao // Key Laboratory of Specialty Fiber Optics and Optical Access Networks, Shanghai University, Shanghai 200444. — URL: <http://cjic.ict.ac.cn/online/bfpub/pz-20241018114046.pdf> (accessed: 08.11.2025).

14. Single-cell transcriptome sequencing allows genetic separation, characterization and identification of individuals in multi-person biological mixtures [Electronic resource] / Lucie Kulhankova, Diego Montiel González, Eric Bindels, Daniel Kling, Manfred Kayser, Eskeatnaf Mulugeta // Communications Biology. — 2023. — URL: <https://www.nature.com/articles/s42003-023-04557-z> — doi: 10.1038/s42003-023-04557-z (accessed: 07.11.2025).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

П. С. Новохацкая

Новосибирский государственный технический университет

г. Новосибирск, rolinapovohackaya@gmail.com

Научный руководитель: Свирина А. А., ст. преп.

Статья посвящена анализу цифровизации семейного права в РФ. Рассмотрены ключевые направления: электронная регистрация актов гражданского состояния, заключение электронных договоров, управление совместным имуществом и исполнение алиментных обязательств в цифровой среде. Особое внимание уделено правовому регулированию цифровых активов при разделе имущества, использованию электронных доказательств в спорах и защите персональных данных. Выявлены риски и обозначены перспективы.

The article is devoted to the analysis of the digitalization of family law in the Russian Federation. The key areas are considered: electronic registration of civil status acts, conclusion of electronic contracts, management of joint property, and fulfillment of alimony obligations in the digital environment. Special attention is paid to the legal regulation of digital assets in the division of property, the use of electronic evidence in disputes, and the protection of personal data. The risks are identified and the prospects are outlined. translate into English.

Актуальность исследования обусловлена интенсивным развитием цифровизации, существенно влияющей на сферу семейных правоотношений. Статистические данные свидетельствуют, что более 85 % граждан используют цифровые сервисы для взаимодействия с госорганами по вопросам регистрации брака, рождения ребёнка и оформления алиментов.[3] При этом внедрение новых технологий порождает правовые феномены, не имеющие чёткого регулирования:

виртуальные браки, цифровые активы как предмет раздела имущества, применение искусственного интеллекта в судопроизводстве.

Научная новизна работы заключается в системном анализе воздействия цифровизации на семейные правоотношения, выявлении возникающих правовых и этических коллизий, исследовании новых юридических категорий (виртуальные браки, смарт-контракты, оценка цифровых активов) и разработке предложений по адаптации зарубежного опыта к российской правовой системе. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов для совершенствования семейного законодательства, оптимизации работы органов ЗАГС, судов и опеки, создания безопасных цифровых платформ для реализации семейных прав, а также для повышения правовой грамотности граждан в цифровой среде.

Таким образом, исследование способствует развитию теории семейного права в условиях цифровой трансформации и предлагает решения для совершенствования правового регулирования семейных отношений.

Цифровизация правовой сферы представляет собой процесс внедрения автоматизированных систем и цифровых технологий в сферы правотворчества, правоприменения и правового регулирования, предполагающий перевод информации в электронный формат и оптимизацию юридических процессов посредством информационных систем. При этом цифровая трансформация права выходит за рамки простого технологического дополнения, меняя сам механизм правового регулирования: ряд общественных отношений становится возможен исключительно при использовании цифровых инструментов, а правовые средства приобретают форму цифрового кода (например, смарт-контракты, электронные документы).[4]

В юриспруденции цифровизация реализуется по нескольким ключевым направлениям. Электронное правосудие охватывает использование цифровых технологий в судопроизводстве — от подачи документов в электронной форме до проведения онлайн-заседаний и автоматизированной фиксации процессов. В России данный вектор развивается через ГАС «Правосудие» и специализированные порталы судов. Параллельно происходит переход к цифровым документам и электронному документообороту: внедряются электронные подписи, создаются цифровые реестры (в частности, Единый государственный реестр недвижимости), что сокращает бюрократическую нагрузку и ускоряет информационный обмен. Кроме того, активно развиваются онлайн-сервисы и LegalTech-решения — платформы для урегулирования споров, чат-боты для консультаций, системы анализа больших данных, а

также технологии блокчейн и смарт-контрактов для автоматизации договорных отношений.[7]

В частном праве, особенно в семейном, специфика цифровизации проявляется в ряде аспектов. Во-первых, упрощается регистрация актов гражданского состояния: через онлайн-сервисы подаются заявления о заключении и расторжении брака, регистрации рождения ребёнка. Во-вторых, цифровые платформы позволяют учитывать и делить совместное имущество, включая новые объекты — криптовалюту и токены, что ставит вопросы их правового регулирования в семейном контексте. В-третьих, для разрешения споров внедряются онлайн-медиация и ИИ-инструменты для анализа документов и подготовки проектов решений (опыт Великобритании демонстрирует работоспособность удалённых слушаний по семейным делам). Одновременно актуализируются проблемы защиты персональных данных членов семьи при использовании цифровых сервисов, а также правовой неопределённости новых феноменов, таких как виртуальные браки.[5]

Вместе с тем цифровизация порождает ряд вызовов. К ним относятся этические и правовые коллизии (например, ответственность за ошибки ИИ в судебных решениях), цифровой разрыв, ограничивающий доступ к технологиям для отдельных категорий граждан, и риски кибербезопасности, связанные с утечкой персональных данных. Таким образом, цифровая трансформация правовой сферы требует не только адаптации законодательства и развития новых правовых институтов, но и повышения цифровой грамотности участников правоотношений, что особенно значимо для семейного права в условиях растущего влияния технологий на межличностные связи и управление семейным имуществом.[8]

Цифровизация семейного права представляет собой комплексный процесс внедрения электронных инструментов в регулирование семейных правоотношений, затрагивающий как административно-процедурные аспекты, так и имущественные отношения, а также механизмы защиты прав.

В сфере регистрации актов гражданского состояния цифровая трансформация проявляется через электронную подачу заявлений в органы ЗАГС посредством портала Госуслуг, включая регистрацию рождения, брака, расторжение брака, установление отцовства и усыновление. Электронные свидетельства о рождении, браке и усыновлении, вносимые в Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния (ЕГР ЗАГС), обладают равной юридической силой с бумажными аналогами. Развивается и онлайн-взаимодействие с

органами опеки — например, в Москве доступны видеоконсультации по вопросам усыновления и оформления опеки через портал mos.ru, а на федеральном уровне ведётся разработка единой цифровой платформы для органов опеки на базе «ГосТех».[6]

В области имущественных отношений цифровизация позволяет заключать электронные договоры — в частности, брачные контракты с использованием Единой информационной системы нотариата (ЕИС) и усиленной квалифицированной электронной подписи, а также соглашения об уплате алиментов, приобретающие силу исполнительного листа. Дистанционное управление совместным имуществом осуществляется через онлайн-банки и специализированные платформы, а исполнение алиментных обязательств — посредством электронных переводов и автоматизированных платежей. Особую сложность представляет учёт и раздел цифровых активов (криптовалют, аккаунтов в социальных сетях, доменных имён) при расторжении брака: их правовой статус в семейном праве остаётся недостаточно урегулированным, хотя суды признают их совместно нажитым имуществом при наличии доказательств экономической ценности.

Защита семейных прав в цифровой среде опирается на использование электронных доказательств (переписки, аудио- и видеоматериалов), которые принимаются судом при соблюдении процессуальных требований, например, нотариального заверения. Онлайн-медиация становится эффективным инструментом разрешения семейных конфликтов, снижая временные и эмоциональные издержки сторон. При этом особую значимость приобретает защита персональных данных членов семьи: нарушение конфиденциальности может влечь ответственность по ст. 137 УК РФ. Одновременно актуализируются вопросы противодействия кибербуллингу и цифровым формам семейного насилия, требующим как правового реагирования, так и применения технических инструментов платформ.[10]

Вместе с тем цифровизация семейного права сопряжена с рядом проблем и рисков. Технические сбои в работе электронных систем способны приводить к задержкам и ошибкам в оформлении документов. Вопросы подлинности электронных документов обуславливают необходимость надёжной верификации электронной подписи и защиты от фальсификаций. Цифровое неравенство ограничивает доступ к сервисам для граждан, не обладающих техническими навыками или инфраструктурой. Риски утечки персональных данных ставят под угрозу конфиденциальность семейной информации, а этические аспекты (например, использование цифровых технологий для контроля за

исполнением обязательств) требуют дополнительного нормативного регулирования.

Перспективы развития цифрового семейного права в России связаны с совершенствованием законодательства в части регулирования цифровых активов, внедрением искусственного интеллекта для анализа документов и прогнозирования исходов дел, а также созданием единой цифровой платформы для предоставления семейных услуг (ЗАГС, опека, нотариат). Важнейшими задачами остаются повышение цифровой грамотности населения и прогнозирование правовых последствий дальнейшей цифровизации, особенно в контексте защиты прав детей и уязвимых категорий граждан.[9]

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
2. Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 47. — Ст. 5341.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 N 15 (ред. от 06.02.2007) "О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака".
4. Король И. Г. О некоторых правах в условиях цифровизации семейных правоотношений // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 10(226).
5. Кузьмин А. В., Грызунова Е. В., Смирнова Е. М. Цифровые технологии в правовой сфере // Социология и право. — 2022. — № 2 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-tehnologii-v-pravovoy-sfere> (дата обращения: 21.11.2025).
6. Майстренко А. Г., Майстренко Г. А. Семейное законодательство Российской Федерации в условиях цифровизации // Право и управление. — 2024.
7. Прончев Г. Б. Становление электронно-цифровой цивилизации: ключевые понятия // Общество: социология, психология, педагогика. — 2022. — № 6.
8. Селезнева Е. А. Цифровая трансформация семейных правоотношений: правовые аспекты и проблемы информационной безопасности // Материалы конференции. — 2024.
9. Право цифровой среды: монография / под ред. Т. П. Подшивалова [и др.]. — М.: Проспект, 2022. — 896 с. — ISBN 978-5-392-36023-9 [Электронный ресурс]. — URL: <https://e.lanbook.com/book/280544> (дата обращения: 21.11.2025).

10. Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия по гражданским делам: монография / под ред. К. Л. Брановицкого, В. В. Яркова. — М.: Статут, 2022. — 328 с. — ISBN 978-5-83-54-1810-7 [Электронный ресурс]. — URL: <https://znaniyum.ru/catalog/product/2133930> (дата обращения: 21.11.2025).

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕР ПРОТИВ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ В БЛОГОСФЕРЕ

Е. В. Панкова, Е. Е. Третьякова
Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»,
г. Новосибирск
Научный руководитель: Исаев А. А., ст. преп.

В статье рассматривается проблема уклонения от уплаты налогов лицами, осуществляющими блогговую деятельность и получающими значительные доходы от рекламы, донатов и иных видов монетизации. Анализируются пробелы в действующем законодательстве, затрудняющие эффективное выявление и доказывание таких правонарушений. В качестве основного решения предлагается внести в статью 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» новую часть, устанавливающую особое основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении близких родственников и близких лиц блоггеров, уклоняющихся от уплаты налогов. Приводится текст поправки и его обоснование с точки зрения конституционно-правовых принципов и потребностей правоприменительной практики.

The article addresses the issue of tax evasion by individuals engaged in blogging activities who receive substantial income from advertising, donations, and other monetization methods. The analysis highlights gaps in current legislation that hinder effective detection and proof of such violations. As a primary solution, it is proposed to amend Article 7 of the Federal Law "On Operational-Search Activities" by introducing a new section that establishes a special basis for conducting operational-search measures concerning close relatives and associates of bloggers who avoid paying taxes. The text of the proposed amendment and its justification from the perspective of constitutional principles and the needs of law enforcement practice are presented.

Среди правоведов и практикующих юристов сложилось мнение, что основной проблемой при противодействии уклонению от уплаты налогов блогерами является отсутствие в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» специальных оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении близких

родственников и близких лиц блогеров, уклоняющихся от уплаты налогов.

Законодателем предпринимались определенные шаги по регулированию деятельности в цифровой среде - введение института самозанятости, требования о декларировании доходов. Однако, как справедливо отмечает С.Г. Пепеляев, «институт самозанятости охватывает далеко не все схемы получения доходов в цифровой среде, а контроль за поступлением деклараций и их проверка остаются крайне трудоемкими» [1].

В научной литературе обсуждаются различные подходы к решению данной проблемы. Ряд авторов [2] предлагают расширить полномочия налоговых органов, предоставив им право запрашивать информацию о доходах родственников налогоплательщиков. Другие исследователи [3] считают необходимым создание специального реестра блогеров с усиленным контролем их финансовых операций. Третьи [4] предлагают использовать зарубежный опыт, где широко применяются нормы, позволяющие проводить финансовые расследования в отношении «ассоциированных лиц».

Мы можем согласиться с необходимостью усиления контроля за доходами в цифровой сфере, учитывая значительные объемы неучтенных финансовых потоков. Однако предлагаемые меры либо недостаточно эффективны, либо требуют коренной перестройки существующей системы налогового администрирования.

Показательным прецедентом является норма, содержащаяся в части 8 статьи 7 ФЗ «Об ОРД», которая была введена для противодействия терроризму. Данный подход демонстрирует, что законодатель признает необходимость использования специальных механизмов для противодействия особо опасным видам преступной деятельности. Как отмечает А.Н. Верин, «борьба с организованной экономической преступностью, в структуру которой все чаще входят и лица, использующие цифровые платформы, требует адекватных правовых инструментов, включая и оперативно-розыскные» [5].

Важной задачей является также соблюдение баланса между эффективностью борьбы с налоговыми правонарушениями и защитой прав граждан. Как указывает О.А. Лимонова, «внедрение подобных фильтров необходимо для соблюдения баланса между эффективностью борьбы с преступностью и неприкосновенностью частной жизни» [6].

В данном контексте можно предложить дополнить статью 7 ФЗ «Об ОРД» новой частью следующего содержания:

О достоверности сведений о законности происхождения денег, ценностей, иного имущества и доходов от них у близких родственников,

родственников и близких лиц лица, уклоняющегося от уплаты налогов в крупном или особо крупном размере при получении доходов от осуществления блоговой деятельности, распространяемой на информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», при наличии достаточных оснований полагать, что деньги, ценности и иное имущество получены в результате уклонения от уплаты налогов, но не ранее установленного факта получения лицом значительных доходов от указанной деятельности.

Таким образом, предлагаемая поправка является соразмерной, целевой и содержит необходимые правовые гарантии от злоупотреблений. Ее принятие создаст адекватный правовой инструмент для эффективного выявления и расследования случаев уклонения от уплаты налогов в крупных размерах, осуществляемого с использованием блоговой деятельности, и будет способствовать укреплению экономической безопасности Российской Федерации.

Литература:

1. Пепеляев С. Г. Налоговое право и цифровая экономика: проблемы адаптации // Закон. – 2022. – № 3. – С. 42-51.
2. Демин А. В. Налоговые правонарушения в цифровой экономике: новые вызовы и пути противодействия // Финансовое право. – 2021. – № 5. – С. 11-17.
3. Яни В. М. Уклонение от уплаты налогов как экономическое преступление: проблемы квалификации и расследования. – М.: Юрист, 2020. – 256 с.
4. Верин А. Н. Преступления в сфере экономики: уголовно-правовая характеристика и проблемы расследования. – М.: WoltersKluwer, 2018. – 384 с.
5. Лимонова О. А. Оперативно-розыскная деятельность: теоретические и практические проблемы. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2019. – 318 с.
6. Дубовик Е. С. Методология оперативно-розыскной деятельности: современные вызовы и пути развития // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 11 (120). – С. 108-117.

СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО: ЮРИДИЧЕСКИЕ РИСКИ «РЕБЕНКА ПО ДОГОВОРУ»

А. А. Поппевина

**Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, anna.poplevina.05@bk.ru**

Научный руководитель: Свирина А. А., ст. преп.

Статья анализирует юридические риски суррогатного материнства в РФ. На основе норм права и судебной практики выявлены ключевые проблемы: неопределённость договора, конфликт интересов сторон, слабая защита прав ребёнка. Предложены пути совершенствования законодательства. Результаты применимы в законотворчестве и правоприменении.

The article analyzes the legal risks of surrogacy in the Russian Federation. Based on legal norms and judicial practice, the key problems have been identified: the uncertainty of the contract, the conflict of interests between the parties, and the weak protection of the child's rights. The article proposes ways to improve the legislation. The results are applicable in lawmaking and law enforcement.

В современном правовом пространстве вопросы репродуктивных технологий приобретают особую остроту, выходя за рамки сугубо медицинской сферы и становясь предметом пристального внимания юридической науки. Среди всех ВРТ (вспомогательных репродуктивных технологий) именно суррогатное материнство порождает наиболее сложные правовые коллизии, ставя перед законодателем и правоприменителем нетривиальные задачи балансировки интересов трёх ключевых субъектов: генетических родителей, суррогатной матери и ребёнка.

Цель настоящей статьи — системный анализ правовых рисков, возникающих при реализации программ суррогатного материнства, с акцентом на установление родительских прав и защиту интересов ребёнка.

Согласно ч. 9 ст. 55 ФЗ № 323, суррогатное материнство — это вынашивание и рождение ребёнка по договору между суррогатной матерью и потенциальными родителями [3]. Из этого же нормативного акта мы можем увидеть требования к суррогатной матери (п. 10 ст. 55 ФЗ № 323: возраст 20–35 лет; наличие хотя бы одного собственного здорового ребёнка; удовлетворительное состояние здоровья (медицинское заключение); письменное согласие супруга (если в браке)) и право на ВРТ определенных граждан (ч. 9 ст. 55 ФЗ № 323: супружеские пары (граждане РФ); лица, не состоящие в браке (мужчина и женщина), но только при наличии медицинских показаний и с использованием

собственных половых клеток; одинокие женщины (с ограничениями для одиноких мужчин после 2023 г.).

Запись родителей в актовой книге осуществляется на основании ст.51 СК РФ только с согласия суррогатной матери.

Суррогатная мать имеет абсолютное право не дать согласие на запись генетических родителей (абз. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ). В этом случае она признаётся матерью ребёнка по факту рождения. Закон не предусматривает имущественной ответственности за такой отказ — договор не может принудительно обязать к передаче ребёнка.

Однако судебная практика (Постановление Пленума ВС РФ № 16 от 16.05.2017) показывает, что такой отказ может быть признан злоупотреблением правом, если суррогатная мать не имеет генетической связи с ребёнком и изначально не планировала его воспитывать [5].

Если генетические родители отказываются от ребёнка (например, из-за инвалидности или пола), суррогатная мать становится юридической матерью с обязанностью содержать ребёнка. Потенциальные родители не несут автоматических алиментных обязательств, что создаёт риск для ребёнка [2].

Одна из проблем данного договора это то, что он не имеет законодательно установленной формы, это приводит к признанию условий о «передаче ребёнка» недействительными как противоречащих публичному порядку (ст. 169 ГК РФ) [6].

Правовая природа договора остается дискуссионной: одни авторы относят его к договору возмездного оказания услуг, другие к особому виду гражданско-правовых договоров [5][9].

Также отсутствует регулирование ответственности за невыплату содержания суррогатной матери или нарушение ею режима. Из-за чего возможен шантаж со стороны любой стороны.

Можно выделить риски установления родительской связи. Приоритет остается за женщиной, родившей ребёнка (п. 3 ст. 48 СК РФ). Генетические родители не могут оспаривать материнство ссылкой на ВРТ (п. 3 ст. 52 СК РФ), но возможны иные основания (подлог, ошибка).

Крайне важны медицинские и этические риски, влекущие правовые последствия. Рождение ребёнка с патологиями может спровоцировать отказ генетических родителей. Прерывание беременности по медицинским показаниям — зона конфликта. Вопросы о грудном вскармливании остаются неурегулированными [10].

Перейдя к судебной практике по суррогатному материнству, можно точно сказать, она неоднородна. Ключевой ориентир — Постановление Пленума ВС РФ № 16 от 16.05.2017, где указано, что отказ суррогатной

матери не абсолютен: суд проверяет договор, генетическую связь и разрешает спор в интересах ребёнка [8].

Примеры:

- Анализ дела № 2-4754/2016 (Ленинский районный суд г. Владивостока, решение от 27 июня 2016 г.): удовлетворён иск генетических родителей об истребовании ребёнка, поскольку суррогатная мать не была генетической [7].

Это одно из ключевых дел в российской судебной практике по суррогатному материнству на момент 2016 года иллюстрирует ситуацию, когда суррогатная мать отказалась дать согласие на запись генетических родителей в акте о рождении ребёнка, но суд всё равно удовлетворил иск потенциальных (генетических) родителей об истребовании ребёнка и установлении родительских прав.

Фабула дела (основные факты) такова:

- Генетические родители (супружеская пара или лица, предоставившие генетический материал) заключили договор с суррогатной матерью о вынашивании и рождении ребёнка с использованием их половых клеток (гестационное суррогатное материнство — суррогатная мать не была генетической матерью).

- После рождения ребёнка суррогатная мать отказалась подписать согласие на запись генетических родителей в качестве матери и отца в книге записей рождений (требование абз. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ в редакции того времени).

- Генетические родители обратились в Ленинский районный суд г. Владивостока с иском: о признании их родителями ребёнка; об истребовании ребёнка из чужого незаконного владения (виндикационный иск); об оспаривании записи о материнстве суррогатной матери (при необходимости).

Суд удовлетворил иск генетических родителей в полном объёме. Аргументами послужило отсутствие генетической связи суррогатной матери с ребёнком. Также суд подчеркнул, что ребёнок был зачат из половых клеток истцов (генетических родителей), а суррогатная мать выполняла лишь функцию вынашивания. Это обстоятельство сделало отказ суррогатной матери злоупотреблением правом, поскольку она изначально не намеревалась становиться матерью. Ещё суд установил, что генетические родители способны обеспечить лучшие условия для воспитания, имеют эмоциональную привязанность и финансовую возможность. Отказ суррогатной матери не был мотивирован заботой о ребёнке, а носил корыстный или эмоциональный характер.

Данное дело стало одним из первых, где суд фактически обошёл абсолютный приоритет согласия суррогатной матери, предусмотренный

п. 4 ст. 51 СК РФ (до разъяснений Пленума ВС РФ № 16 от 16.05.2017). Оно заложило тенденцию: если доказана генетическая связь истцов и отсутствие генетической связи у суррогатной матери, плюс исполнен договор и отказ суррогатной матери может быть признан злоупотреблением правом, а ребёнок передаётся генетическим родителям в судебном порядке.

После 2017 года (Постановление Пленума ВС № 16) такая позиция стала доминирующей: суды обязаны проверять договор, генетику, причины отказа и разрешать спор исключительно в интересах ребёнка. Дело из Владивостока часто цитируется как прецедент этой линии.

Противоположные примеры (до 2017 г.) — дела, где суды отказывали генетическим родителям (например, дело Натальи Раковой в Санкт-Петербурге), но после разъяснений ВС такие отказы стали редкостью.

Стоит обратить внимание на разночтения, что возникают при толковании ст. 51 СК РФ и ст. 55 ФЗ № 323, особенно после поправок 2022–2023 гг. (запрет для иностранцев, обязательный брак, собственные клетки).

Например, в США (некоторые штаты, в расчет возьмем Калифорнию) — коммерческое суррогатное материнство с предродовым установлением родительства (pre-birth order). В Израиле — только альтруистическое, под строгим госконтролем. В большинстве стран ЕС (Франция, Германия, Италия) — полный запрет как противоречащий достоинству человека.

Россия занимает промежуточную позицию: коммерческое разрешено, но с ужесточением 2022–2025 гг. Возможные заимствования: обязательное судебное/нотариальное удостоверение договора (как в Украине до 2022), предродовое установление родительства (США).

Суррогатное материнство в РФ остаётся зоной повышенных юридических рисков: приоритет факта рождения над генетикой, пробелы в ответственности, отсутствие принудительного исполнения договора. Главная коллизия — баланс прав суррогатной матери (право на отказ), генетических родителей (ожидания по договору) и интересов ребёнка.

Перспективы — дальнейшее ужесточение (запрет коммерческого или донорства) или либерализация с усилением защиты ребёнка. Необходим комплексный пересмотр норм СК РФ и ФЗ № 323 с учётом судебной практики и международного опыта.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации: принят Государственной думой 8 декабря 1995 года: со всеми изменениями, законопроектами и

постановлениями судов: [12+] / М.: АСТ, 2024. — 93, с. — (Кодексы и законы). — ISBN 978-5-17-175734-2.

2. Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (последняя редакция).

3. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).

4. Определение Конституционного Суда РФ от 13.05.2025 N 1222-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан К.Т. и К.Ю. на нарушение их конституционных прав частью 9 статьи 55 Федерального закона "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации"

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей».

6. Приказ Минздрава России от 31.07.2020 N 803н "О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению" (Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 N 60457)

7. Решение Ленинского районного суда г. Владивостока по делу № 2-4754/2016 от 27.06.2016.

8. Кременец М. Ю. Правовая природа договора о суррогатном материнстве / М. Ю. Кременец // Вопросы российской юстиции. — 2022. — № 20. — С. 149-157. — EDN JPIGPW.

9. Расчупко С. В. К вопросу о проблемах суррогатного материнства и принятии специального закона о суррогатном материнстве в Российской Федерации / С. В. Расчупко // Аллея науки. — 2017. — Т. 2, № 15. — С. 474-477. — EDN YMDPLB.

10. Цыдыпова Н. В. Договор суррогатного материнства: анализ правовой природы договора суррогатного материнства, его существенных условий и последствий нарушения договора / Н. В. Цыдыпова // Вопросы российской юстиции. — 2025. — № 37. — С. 246-255. — EDN DGZJJH.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ В АВИАЦИОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕЖИМА

А. А. Пяткин, С. А. Поляков

Новосибирский государственный технический университет,

г. Новосибирск, ryatkin_a_a_2003@mail.ru

Научный руководитель: Поляков С. А. к.ю.н., доцент

В статье исследуется правовой режим защиты конфиденциальной информации в стратегической авиационной отрасли РФ. Акцент в исследовании на разграничение правовых режимов государственной, коммерческих тайн и ноу-хау. На основе анализа законодательства (в т.ч. законов о КИИ и информации) выявляются правовые коллизии и пробелы. Особое внимание уделяется защите коммерческой тайны в условиях импортозамещения.

The article examines the legal regime for protecting confidential information in the strategic aviation industry of the Russian Federation. The focus of the study is on distinguishing between the legal regimes of state secrets, commercial secrets, and know-how. Based on an analysis of legislation (including laws on confidential information and information), legal conflicts and gaps are identified. Special attention is given to the protection of commercial secrets in the context of import substitution.

Авиационная промышленность (далее – авиапром) представляет собой одну из наиболее наукоемких и стратегически значимых отраслей экономики Российской Федерации. Ее продукция имеет двойное назначение, а сами предприятия являются объектами критической информационной инфраструктуры (КИИ). В таких условиях обеспечение конфиденциальности информации становится не только вопросом коммерческой выгоды, но и элементом национальной безопасности. Правовое регулирование отношений в данной сфере характеризуется комплексностью и многоуровневостью, что обуславливает необходимость четкого разграничения правовых режимов и механизмов защиты.

Информация, обрабатываемая субъектами авиационной промышленности, подпадает под действие нескольких правовых режимов:

1) Режим государственной тайны.

В соответствии со ст. 5 Закона РФ «О государственной тайне» [1], к сведениям, составляющим государственную тайну, в авиационной сфере относятся, в частности:

- Сведения о содержании, ходе и результатах реализации государственных программ в области обороны;

- Сведения о технологиях, научно-исследовательских, опытно-конструкторских работах в области авиастроения, имеющих стратегическое значение;
- Сведения о системе государственного управления военно-промышленным комплексом.

Доступ к таким сведениям и их защита регламентируются строгими процедурами, установленными указанным законом и подзаконными актами.

2) Режим коммерческой тайны (ноу-хау). Наиболее обширный пласт конфиденциальной информации составляют сведения, охраняемые в режиме коммерческой тайны на основании Федерального закона «О коммерческой тайне» [2]. К ним относятся:

- Конструкторская и техническая документация;
- Технологические процессы и методы производства;
- Результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), не отнесенные к государственной тайне;
- Планы и стратегии развития, бизнес-модели;
- Данные о поставщиках и контрагентах.

Для установления режима коммерческой тайны предприятие обязано принять комплекс мер, указанных в ст. 10 Закона [2], включая утверждение положения о коммерческой тайне, ведение реестра конфиденциальной информации и заключение соответствующих соглашений с сотрудниками.

3) Служебная тайна. Сведения, ставшие известными государственным органам в связи с осуществлением ими контрольно-надзорных функций (например, со стороны Минпромторга России или Росавиации), охраняются в режиме служебной тайны на основании Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3].

Подавляющее число предприятий авиапрома являются субъектами КИИ в соответствии с Федеральным законом «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [4]. Это накладывает на них дополнительные обязательства по защите конфиденциальной информации, в частности:

- Категорирование объектов КИИ и их аттестация;
- Установление особых правил и процедур для предотвращения кибератак и утечек информации;
- Обеспечение устойчивости информационных систем и целостности данных.

Несмотря на развитую нормативную базу, на практике возникают сложности:

1) Коллизия режимов: зачастую одна и та же информация (например, результаты НИОКР) может одновременно подпадать под признаки коммерческой тайны и содержать элементы, отнесенные к государственной тайне. Требуется четкая процедура их разграничения.

2) Внутренние угрозы: основным каналом утечки конфиденциальной информации остаются сотрудники предприятий. Недостаточная эффективность внутреннего контроля и культуры информационной безопасности усугубляет данную проблему.

3) Международное сотрудничество: в условиях санкционного давления и ограничения трансфера технологий возникает вопрос о правовых механизмах защиты конфиденциальной информации при взаимодействии с иностранными партнерами.

Правовой режим конфиденциальности информации в авиационной промышленности РФ представляет собой сложную, многоуровневую систему, основанную на дифференциации видов охраняемых сведений. Эффективность его функционирования напрямую влияет на конкурентоспособность отрасли и национальную безопасность страны. Для дальнейшего совершенствования системы защиты представляется целесообразным:

1) Разработать и внедрить отраслевые методические рекомендации по разграничению сведений, составляющих государственную и коммерческую тайну.

2) Стимулировать предприятия к внедрению современных систем защиты информации от внутренних угроз, включая DLP-системы и регулярный аудит.

3) Усилить уголовную и административную ответственность за незаконное получение и разглашение конфиденциальной информации, составляющей коммерческую тайну предприятий авиапрома.

Литература:

1. Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 02.08.2019) «О государственной тайне».

2. Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О коммерческой тайне».

3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

4. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

5. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) «О безопасности».

6. Приказ Минпромторга России от 15.04.2014 № 656 «Об утверждении Стратегии развития авиационной промышленности на период до 2030 года».

К ВОПРОСУ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СМЯГЧАЮЩЕГО НАКАЗАНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ПУНКТОМ «Д» ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 63 УК РФ

И. И. Рыбаченко

**Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»,
г. Новосибирск, semidelkinivan@gmail.com**

Научный руководитель: Лямкина Н. И., ст.преп.

Данная статья исследует тематику «мертвых норм» на примере смягчающего обстоятельства, предусмотренного пунктом «д» части 1 статьи 61 УК РФ. Автором выявляет причины и предлагает путь решения проблемы.

This article examines the issue of defunct regulations by using the example of a mitigating circumstance provided in paragraph "d" of part 1 of Article 61 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author identifies the reasons for this problem and proposes a solution.

В Российской Федерации одним из важнейших требований к отправлению правосудия является честность и справедливость. Рассматриваемые в судебном порядке вопросы должны быть исследованы всесторонние. Возможность для правоприменителя учитывать обстоятельства совершения деяния при назначении наказания несет в себе именно эту конституционно-правовую ценность. Нельзя представить себе, что в правовом государстве, каким является Россия, рассматриваемый вопрос не имел нормативной регламентации. В противном случае не будет исполняться принцип соразмерности, установленный частью 3 статьи 55 Основного закона [1], требующий ограничивать права ровно в той мере, что необходима для достижения конституционных целей [7].

Фундаментальной основой для проведения настоящего исследования служит институт обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание,

закрепленный в статьях 61 и 63 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данные нормы имеют первостепенное значение для реализации принципа справедливости (ст. 6 УК РФ) и индивидуализации наказания, поскольку они позволяют суду выйти за рамки формальных признаков состава преступления и оценить личность виновного, мотивы и конкретные условия совершения деяния. Статистика и динамика права тесно связаны друг с другом, а потому, при рассмотрении практики по конкретным положениям указанных норм (динамический аспект), видны проблемы законодательства (статический аспект). Данное исследование ставит перед собой две последовательные задачи: выявить их, проблем, причины, то есть, в некотором смысле, идентификация проблем, а также наметить путь к их решению.

В описанной выше логике маркером наличия проблемы будем считать отсутствие значимой судебной практики. Отсюда следует, что речь идет прежде всего об актах Верховного и Конституционного Суда РФ.

Научная литература предлагает несколько взглядов на истоки этого явления. Во-первых, «избыточная криминализация», то есть создание отдельных запрещающих норм по каждому деянию, что приводит к их излишней конкуренции, в результате которой одно из положений перестает применяться. Во-вторых, «криминализация чрезмерно распространенных деяний», которая делает невозможным для правоохранительных органов обеспечение неотвратимости ответственности по всем нарушениям. Наконец, «мертвые нормы в уголовном законе часто приобретают такой статус не в силу наличия объективных причин, а исходя из нечеткости терминологии или ошибочности конструкции диспозиций уголовно-правовых статей, неточности их судебного или доктринального толкования» [6]. Далее будут приведены рассуждения, в связи с которыми третий вариант кажется наиболее справедливым в рамках нашей темы.

Рассмотрим пункт «д» части 1 статьи 61 УК РФ «совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания» [3]. Мною было проанализировано тридцать последних приговоров судов общей юрисдикции, суд при назначении наказания рассматривал соответствующее положение УК РФ. Типичным следует считать отказ судов от использования данного обстоятельства на практике, что не снимает вопрос о том, какие жизненные обстоятельства следует считать тяжелыми.

Определение не содержится ни в законодательстве, ни в судебной практике. Единственный тематический акт Верховного Суда позволяет сказать, что тяжелое материальное положение лица не является тяжелым жизненным обстоятельством [5] – этого пояснения, разумеется,

недостаточно, – кроме того оно мало чем отличается от тех рассуждений, при помощи которых суды общей юрисдикции исключают рассматриваемую норму.

Между тем, учитывать данное обстоятельство в качестве смягчающего уголовное наказание кажется необходимым в виду сниженной общественной опасности лица, которое совершает уголовно-наказуемое деяние, при обстоятельствах, указанных в пункте «д» признаки. Совершение преступления в связи с тяжелыми жизненными обстоятельствами может свидетельствовать о низкой психологической стойкости лица, что характеризует его не как профессионального преступника, носителя антиобщественных установок, а как личность, которая не смогла справиться с внешними проблемами.

Итак, сталкиваясь с недействующей нормой мы можем выбрать два способа действовать (и еще один – бездействовать, что не приведет к решению проблемы): исключить ее или изменить так, чтобы она стала пригодной к использованию, то есть устранить третью из приведенных причин появления мертвых норм. И то, и другое решение возможно, однако нужно оценить, какую идею оно транслирует.

Исключение пункта «д» части 1 статьи 61 УК РФ, принципиально не повлияет ни на структуру уголовного законодательства (в силу части 2 статьи 61 УК РФ судом в качестве смягчающих наказание обстоятельств могут учитываться не указанные в части 1 статьи 61 УК РФ обстоятельства), ни на судебную практику (ее нет и, вероятно, не появится). Следовательно, этот подход принципиально не отличается от бездействия и не несет ни ценностной установки, ни практического результата.

Потенциально, раскрытие в норме «тяжелых жизненных обстоятельств», может породить практику, которая затем будет конкретизирована ВС РФ в рамках деятельности по формированию единообразной судебной практики. Напомним, что в задачу исследования не входит решение данной проблемы в связи с тем, что проведение действий, которые будут предложены далее в качестве возможного способа устранить неопределенность, представляются темой для отдельной работы прикладного характера, которую следует подготовить адресно для законодателя.

Во-первых, необходимо начать с изучения семантики положений, которые предлагается изменить. Идеалом ясности, к которому следует стремиться могут послужить «атомарные факты» [4], простейшие атрибутивные суждения. Когда «тяжелые жизненные обстоятельства» будут раскрыты в цепочке таких нераздельных признаков для обстоятельств, интерпретация общей конструкции станет значительно

более простой, что позволит сформировать официальную позицию. Для выявления признаков, связанных с личностью преступника, логично привлечь к работе психологов.

Во-вторых, анализ аналогичной зарубежной судебной практики может помочь конкретизировать сформированную на первом этапе концепцию, приблизив ее к праву. Иностранный опыт значим в виду того, что человеческие отношения в достаточной степени универсальны. Например, в некоторых субъектах США в качестве «тяжелых жизненных обстоятельств» могут признаваться условия детства, которые негативно повлияли на психику субъекта преступления, отразились на его понимании морали [8]. Уже классическая тема немецкой правовой доктрины о криминализации эвтаназии как убийства при смягчающих обстоятельствах [9] могла бы быть полезна при рассмотрении «мотива сострадания».

В соответствии с пунктом 5.2 статьи 3 ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации» [2] законопроект необходимо проверить на предмет его соответствия Основному закону, что обосновывает его положение в системе национального права.

Таким образом, решение обозначенной проблемы требует сложной междисциплинарной разработки. Впрочем, не стоит удивляться, что разрешение пробелов в праве предполагает усилия не только юристов, ведь право охватывает общественные отношения во всем их многообразии.

Составим резюме по выводам для каждой из задач. На наш взгляд, причина недостатков правовой практики по указанным статья УК РФ кроется в отсутствии возможности у правоприменителя однозначно понять текст закона. Данную проблему предполагается решать комплексно, с учетом опыта различных гуманитарных дисциплин, а также зарубежной практики, если та позволяет проследить понимание судебными органами других стран аналогичных положений. Итоговый результат должен позволить устранить пробелы в части рассматриваемой темы.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет–портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.07.2025).

2. Закон Российской Федерации "О Конституционном Суде Российской Федерации" от 21.07.1994 № 1-ФКЗ // Российская газета. - 1994 г. - № 138-139. - с изм. и допол. в ред. от 31.07.2023.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: [Федеральный закон от 13.11.1996 №63-ФЗ в ред. от 31.07.2025] // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 02.11.2025).
4. Воробьев Д. В., Шмелева Н. В. Атомарные факты, атомарные предложения и принцип верификации в методологии логического позитивизма // KANT. – 2023. – №. 3 (48). – С. 112-116.
5. Дело № 78-УД21-27-А2 // Верховный Суд Российской Федерации [Электронный ресурс]. - URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2091748 (дата обращения: 26.10.2025).
6. Курсаев А. В. Причины наличия «мертвых норм» в Уголовном кодексе Российской Федерации //Право: история и современность. – 2021. – №. 1 (14). – С. 37-44.
7. Alexy R. Constitutional rights, proportionality, and argumentation //Proportionality, Balancing, and Rights: Robert Alexy's Theory of Constitutional Rights. – Cham: Springer International Publishing, 2021. – С. 1-10.
8. Atiq E. H., Miller E. L. The limits of law in the evaluation of mitigating evidence //Am. J. Crim. l. – 2018. – Т. 45. – С. 167.
9. Körtner U. H. J. Die VfGH-Entscheidung zur Suizidbeihilfe aus ethischer Sicht //Österreichische Kommentare zu Medizinrecht, Medizin-und Bioethik, Wien: oV. – 2021.

СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ РАБОТНИКОВ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В. В. Саратова
Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»,
г. Новосибирск, saratova.v@mail.ru
Научный руководитель: Чельцова М. Г.

В предлагаемом исследовании в центре внимания находятся правовые институты и функционирующие механизмы реализации гарантий, предоставляемых работникам с инвалидностью на территории Российской Федерации; анализируются не только положения трудового законодательства, но и иные нормативные акты, воздействие которых распространяется на соответствующие общественные отношения. При этом особое значение придается выявлению юридических диссонансов, возникающих в ходе применения правовых норм, а также формулированию предложений, направленных на устранение пробелов и противоречий, выявленных в действующем регулировании.

This study focuses on the legal institutions and existing mechanisms for implementing guarantees provided to workers with disabilities in the Russian Federation. It analyzes not only labor legislation but also other regulations that impact relevant social relations. Particular attention is paid to identifying legal inconsistencies that arise during the application of legal norms, as well as formulating proposals aimed at eliminating gaps and contradictions identified in current regulations.

В статье 37 Конституции Российской Федерации зафиксировано положение, согласно которому «каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию» [1]. Данное положение, будучи закрепленным в основном законе, приобретает характер не просто декларативного утверждения, а выступает в качестве значимого ориентира для развития социальной сферы. В условиях, когда структура рынка труда претерпевает существенные трансформации, обеспечение универсальной доступности указанного конституционного права, в том числе и для лиц с инвалидностью, предстает не как опциональная задача, а как один из приоритетов государства.

Одним из ключевых векторов социальной политики государства, реализуемой на федеральном уровне, выступает создание институциональной среды, в которой возможность осуществления трудовых прав и получение социальной защищенности обеспечивались бы для лиц с ОВЗ с той же полнотой, что и для других участников

трудовых отношений. Ежегодно фиксируется рост числа трудоустроенных граждан с инвалидностью - явление, обусловленное, в том числе, скоординированной реализацией программ, ориентированных на социальную интеграцию данной категории лиц.

Однако продолжают существовать качественные дисбалансы, проявляющиеся в несоответствии между декларируемыми гарантиями и реальными условиями их выполнения. Поскольку устойчивое функционирование механизма социальных гарантий невозможно без четкого понимания его составных элементов, первоочередной задачей становится детальный анализ нормативной регламентации соответствующих гарантий.

Сами по себе социальные гарантии представляют определенные меры поддержки от государства, которые позволяют защитить различные социально незащищенные слои населения. Социальные гарантии работников с инвалидностью закреплены в Трудовом кодексе РФ, а также в ФЗ от 12.12.2023 N 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации». Рассмотрим ключевые гарантии и выявим основные проблемы, которые встречаются на практике.

1. Особую значимость имеет гарантия о квотировании рабочих мест. Как определяет Жаворонков Р.Н. «квотирование — это распространенное на всех работодателей требование трудоустроить на определенное количество рабочих мест в процентном отношении к среднесписочной численности работников организации, граждан, нуждающихся в социальной защите и испытывающих трудности в поиске работы» [4]. Благодаря данной квоте, работодатель обязан выделить рабочие места, если в организации свыше 35 работников. Она устанавливается в размере от 2 до 4 % от общего числа работников. Таким образом, данная мера напрямую направлена на интеграцию инвалидов в трудовую сферу. Хотя квоты и закреплены нашим законодательством существуют различные проблемы, например, формальное трудоустройство, где вакансии существует только номинально, а на деле она только для того, чтобы выполнить квоту, не обеспечивая реальной занятости, развития и профессионального роста. Также могут создаваться неблагоприятные условия, из-за которых работник сам прерывает рабочие отношения [5]. Конечно, существуют и добросовестные работодатели, но все равно проблема остается реальной. Также распространена проблема дискриминации, существует стереотипное мнение о том, что люди с ОВЗ не могут справиться с работой

2. Еще одной гарантией является адаптация рабочих мест. Согласно действующему законодательству, для таких граждан создаются

специальные рабочие места, которые включают в себя оснащение рабочего места всем необходимым для гражданина с ОВЗ. Согласно Федеральному закону от 12.12.2023 N 565-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О занятости населения в Российской Федерации" «Специальные рабочие места для трудоустройства инвалидов оснащаются (оборудуются) работодателями с учетом нарушенных функций инвалидов и ограничений их жизнедеятельности в соответствии с основными требованиями к такому оснащению (оборудованию) указанных рабочих мест» [3]. Все это должно также соответствовать конкретной программе реабилитации такого работника. Таким образом, это позволяет предпринять все необходимые средства для удобства такого работника, но для работодателя может быть очень затратным обеспечить все это для работника. Вместо того, чтобы создать все условия для работы, работодатель выбирает уплатить штраф, поскольку он может быть менее затратным, чем оборудование места работы всем необходимым. Хотя государством предусмотрены различные меры поддержки, могут возникать сложности в выполнении условий для ее получения, а также недостаточная информационная осведомленность об этом.

3. Помимо специальных рабочих мест, также предусматриваются особые условия труда, которые направлены на сохранения здоровья работника инвалида. Так, Трудовым кодексом РФ устанавливается сокращенное рабочее время (не более 35 часов в неделю) для инвалидов 1 и 2 группы [2]. Нельзя привлечь такого сотрудника к работам в ночное время, но к сверхурочным работам и отправлению в командировку можно только с согласия, которое должно быть обязательно оформлено в письменном виде и при условии, если позволяет здоровье. Также каждый год дается отпуск в 30 дней, который полностью оплачивается. Таким образом, закон прямо устанавливает достаточно широкий перечень гарантий условий труда. Для малых и средних предприятий это может быть не очень экономически выгодно, поскольку сокращенный график работ зачастую не позволяет выполнить работу в полном объеме, что может потребовать привлечение дополнительного персонала или не выполнение плана работы. Из-за этого некоторые работодатели могут избегать найма таких сотрудников, что в свою очередь препятствует реализации квот и очень снижает эффективность интеграции инвалидов на рынок труда.

4. Также обеспечивается профессиональное обучение, повышение квалификации и стимулирование работодателей на трудоустройство инвалидов. Работодателям предоставляются различные меры поддержки и государственные субсидии, например, на компенсацию части затрат на оснащение и организацию рабочего места. Переподготовка, подбор

кандидатов и помощь в трудоустройстве очень помогает инвалидам интегрироваться в трудовую среду. Несмотря на то, что осуществляются комплексные меры поддержки на практике все же могут возникать трудности. Нужно чтобы все эти меры эффективно обеспечивались на региональном уровне, а программы обучения были действительно востребованы работодателями.

Все это отражает стремление государства в обеспечении инвалидов равными условиями и возможностями в сфере занятости. Приведенные выше проблемы показывают, что необходимо разработать меры для повышения результативности проводимой социальной политики.

Для того, чтобы эффективно обеспечивалось квотирование нужно повысить уровень контроля за исполнением квот и штрафы, чтобы работодателям было очень невыгодно отказывать в трудоустройстве. Не менее важным является повышение информированности работодателей о мерах поддержки и содействия трудоустройству.

В тоже время из-за проблем с мобильностью и неразвитостью инфраструктуры, было бы целесообразно внедрить различные виды дистанционной занятости в контексте затрудненного доступа к очным трудовым местам. Также можно было бы открывать больше программ подготовки и переподготовки дистанционных специалистов, что соответствовало бы тенденциям развития современного мира.

Наконец, одним из основных барьеров остается плохая осведомленность и предрассудки работодателей о людях с ОВЗ. Каждый год выпускается множество молодых специалистов, которые могли бы внести большой вклад в трудовую деятельность. До сих пор остаются стереотипы о том, что такие работники менее эффективны. Можно ввести различные информационные программы о том, что инвалиды — это ответственные и мотивированные сотрудники. Также можно привести в пример успешную практику трудоустройства таких работников. Необходимо оказать поддержку сотрудникам на месте работы, путем наставничества новичков, чтобы их навыки и потенциал полностью раскрылся, и работодатель увидел, что это очень ценный и квалифицированный работник.

Таким образом, важно чтобы социальные гарантии реализовывались в полной мере. Трудоустройство инвалидов является важным условием социальной и трудовой вовлеченности в жизнь общества.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-

портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gof.ru> (дата обращения: 23.11.2025).

2. Трудовой кодекс Российской Федерации 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2002., № 1.

3. Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2023 г., N 51, ст. 9138.

4. Жаворонков Р. Н. Проблемы правового регулирования квотирования рабочих мест для инвалидов // Сибирское юридическое обозрение. 2014. №2 (23) [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-kvotirovaniya-rabochih-mest-dlya-invalidov> (дата обращения: 05.11.2025).

5. Казова З. М., Циканова Л. М. Актуальные проблемы трудоустройства инвалидов // Известия КБНЦ РАН. 2025. №1 [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-trudoustroystva-invalidov-1> (дата обращения: 05.11.2025).

К ВОПРОСУ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ЭЛЕМЕНТ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В. Е. Соловьева

**Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»,**

г. Новосибирск, vichka.soloveva.01@mail.ru

Научный руководитель: Федорова О. В. к.ю.н., доцент

Целью данного исследования является анализ механизмов и инструментов государственной поддержки семей с детьми в России и выявление их роли в формировании и поддержании традиционных семейных устоев и ценностей. В работе планируется рассмотреть существующие меры поддержки, включая финансовые выплаты, льготы, программы материнского капитала, а также последние изменения в законодательстве в данной сфере. Особое внимание будет уделено оценке эффективности реализуемых мер с точки зрения их влияния на укрепление института семьи, сохранение и передачу духовно-нравственных ориентиров молодому поколению.

The purpose of this study is to analyze the mechanisms and tools of state support for families with children in Russia and identify their role in the formation and maintenance of traditional family values. The work plans to consider existing support measures, including financial payments, benefits, maternity capital programs, as well as recent changes in legislation in this area. Special attention will be paid to assessing

the effectiveness of the measures being implemented in terms of their impact on strengthening the institution of the family, preserving and transferring spiritual and moral guidelines to the younger generation.

В настоящее время Российская Федерация сталкивается с целым рядом демографических, социальных и экономических вызовов, которые напрямую затрагивают институт семьи. Государственная политика в области поддержки семей с детьми становится ключевым инструментом воздействия на качество и стиль жизни граждан, а также на систему духовно-нравственных координат общества. Разработка и реализация эффективных мер государственной поддержки направлены не только на преодоление демографического спада, но и на сохранение и укрепление базовых ценностей российского общества, в числе которых находятся традиционные семейные устои, преемственность поколений, взаимоуважение и поддержка, ответственность родителей за воспитание детей.

Одной из приоритетных задач социально-экономического развития Российской Федерации, отражённой в стратегических документах (например, в указах Президента РФ, национальных проектах «Демография» и «Образование»), является формирование устойчивой поддержки семьи как основы развития общества. Именно поэтому данная тема обладает высокой актуальностью как для органов государственной власти, так и для исследовательского сообщества, разрабатывающего методологические основы укрепления семейных структур и повышения эффективности институтов социальной защиты [1].

Цель исследования – анализ эффективности реализуемых мер государственной поддержки семей с детьми в контексте их влияния на укрепление российских духовно-нравственных ценностей.

Задачи исследования:

1. Проанализировать современное состояние и ключевые направления государственной поддержки семей с детьми в Российской Федерации.
2. Оценить влияние реализуемых мер на формирование и сохранение духовно-нравственных ориентиров в обществе.
3. Выявить основные проблемы и противоречия, препятствующие эффективному выполнению данной функции.
4. Определить области применения результатов исследования и сформулировать практические рекомендации по совершенствованию государственной семейной политики.

Объектом исследования является совокупность мер государственной поддержки семей с детьми, осуществляемых в Российской Федерации на федеральном и региональном уровнях.

Предмет исследования – степень влияния механизмов государственной поддержки семей с детьми на укрепление российских духовно-нравственных ценностей, на формирование ответственного родительства и поддержку семейных традиций как элемента национального самосознания.

В фокусе исследования пребывают такие направления, как: законодательное и нормативное обеспечение системы поддержки, практика реализации соответствующих мер, восприятие и оценка их эффективности непосредственно семьями-бенефициарами, а также влияние семейной политики на духовно-нравственное развитие подрастающего поколения.

Исследование основано на комплексном, междисциплинарном подходе, который включает в себя элементы правового, социологического, экономического и гуманитарного анализа. Для достижения поставленных целей использовались следующие методы:

1. Анализ нормативно-правовой базы: исследование ключевых федеральных законов (например, Федеральный закон № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»), указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, регулирующих порядок предоставления поддержки семьям с детьми [2].

2. Статистический анализ: рассмотрение динамики показателей рождаемости, демографической структуры населения, распределения социальных выплат и льгот, используя данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата), Минтруда РФ, Министерства просвещения РФ, Пенсионного фонда РФ.

3. Контент-анализ научных публикаций и экспертных заключений: обзор современных исследований по вопросам духовно-нравственного развития, семейной политики, оценки социальных эффектов.

4. Социологические методы: результаты опросов общественного мнения, исследования социологов и аналитиков о восприятии семей реализующих мер поддержки и их достаточности с точки зрения семейной идентичности и духовных приоритетов.

Разветвленная система государственной поддержки семей с детьми в России базируется на принципах комплексности, адресности и социальной справедливости. Среди ключевых инструментов выделяются следующие группы мер [3]:

1. Прямые денежные выплаты. К ним относятся:
 - ежемесячное пособие на ребёнка, включая выплаты на детей до 18 лет для малоимущих семей;
 - единовременные выплаты при рождении ребёнка;

- материнский (семейный) капитал, предоставляемый при рождении второго и последующих детей;
- повышенные ежемесячные выплаты для семей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

2. Налоговые льготы:

- стандартные (имеющие детей) и дополнительные налоговые вычеты по налогу на доходы физических лиц (НДФЛ);
- льготное налогообложение по отдельным видам деятельности для многодетных семей.

3. Адресная поддержка отдельных категории семей:

- меры поддержки для семей, имеющих детей-инвалидов;
- жилищные программы государственной поддержки (льготная ипотека, предоставление земельных участков).

4. Меры, направленные на повышение доступности и качества образования и здравоохранения:

- бесплатное питание для школьников;
- бесплатные путёвки в детские оздоровительные лагеря;
- бесплатные медицинские услуги для детей и беременных женщин.

5. Региональные меры поддержки, включающие региональные выплаты и льготы, финансируемые за счёт бюджетов субъектов РФ.

В последние годы наблюдается тенденция усиления внимания к поддержке молодых и многодетных семей, а также работающих родителей. Значительные трансформации были произведены в связи с реализацией национальных проектов, целью которых является улучшение демографической ситуации, создание условий для самореализации молодых родителей и укрепление семейного потенциала.

Для понимания масштабов государственной поддержки семей с детьми в современной России обратимся к итогам последних лет.

По официальным данным Росстата и Общественной палаты РФ, в 2024 году в России проживало около 30 миллионов детей, объединённых в 24,5 миллиона семей с детьми. Только пособие на детей от 3 до 7 лет получает более 5,5 млн семей. С 1 февраля 2025 года базовый размер ежемесячного детского единого пособия составляет 26 942 рубля, материнский (семейный) капитал на первого ребёнка в 2025 году – 676 тысяч рублей, на второго и последующих – 891,8 тысячи рублей (с индексацией). За последние пять лет число многодетных семей выросло на 27% и сейчас в них воспитывается более 7,4 млн детей.

Эти показатели свидетельствуют о значительном охвате семей государственными мерами поддержки и подтверждают важность

социальной политики как одного из ключевых условий не только для демографического развития, но и для сохранения и укрепления российских духовно-нравственных ценностей.

Несмотря на развитие института государственной поддержки, в реализации данных мер отмечаются определенные проблемы и противоречия, которые затрудняют достижение поставленных целей. К числу наиболее значимых из них относятся [4]:

1. Разница региональных возможностей. В ряде субъектов РФ уровень финансирования социальных программ существенно ниже среднероссийского, что приводит к неравномерности предоставления поддержки. Это обусловлено различиями в бюджетной обеспеченности, демографических показателях и экономическом развитии регионов.

2. Сложности в доступности мер поддержки. Не всегда механизмы получения помощи прозрачны для семей, сталкивающихся с бюрократическими процедурами, необходимостью сбора обширного пакета документов, длительным сроком рассмотрения заявлений. Ряд мер действует по заявительному принципу, что ограничивает их практическую реализацию для граждан, мало информированных о своих правах.

3. Ограниченный охват незащищённых категорий. Существуют группы семей, которые формально не попадают под государственную поддержку из-за несоответствия одному из критериев, хотя реально находятся в трудном положении (например, семьи с формально достаточным доходом, но высокой кредитной нагрузкой).

4. Недостаточность мер нематериального характера. Основные усилия государства пока что концентрируются на финансовой поддержке, тогда как воспитательная, образовательная, социокультурная и морально-психологическая поддержка, направленная на формирование духовно-нравственных приоритетов, реализуется менее системно.

5. Соппротивление негативным демографическим трендам. Несмотря на рост объемов социальных выплат, сохраняется проблема низкой рождаемости. Семьи нередко рассматривают количество детей как фактор социальной уязвимости, исходя из опасений за собственное будущее и нехватку долгосрочных гарантий.

6. Актуальность координации мер различных ведомств. Недостаточная интеграция усилий между органами образования, здравоохранения, социальной защиты, культуры зачастую ведёт к фрагментарности политики и снижает результативность комплексных программ.

Таким образом, существует объективная потребность в совершенствовании механизмов государственной поддержки на основе

синергии материальных и нематериальных мер, а также в повышении их адресности и эффективности.

Государственная семейная политика в России декларирует приоритет традиционных ценностей семьи – взаимоуважения, ответственности, сплочённости, передачи историко-культурного опыта и воспитания детей в духе патриотизма. Однако формирование и поддержание этих ценностей связано не только с материальным обеспечением, но и с целым спектром нематериальных, воспитательных, социокультурных и образовательных мероприятий.

Материальная поддержка (прямые выплаты, налоговые льготы, субсидии на жильё и образование) позволяет создать основу для нормального функционирования семьи, минимизируя стрессовые ситуации, связанные с бедностью, социальной неуверенностью, отсутствием возможности реализовать базовые потребности детей. В условиях социальной защиты у родителей появляется больше ресурсов для формирования и поддержания здоровых внутрисемейных отношений на основе уважения, доверия и ответственности.

Наряду с финансовыми мерами государство инициирует программы и проекты, направленные на популяризацию семейных традиций, осмысление важности родительства, развитие навыков ответственного материнства и отцовства. Важную роль в этом играют образовательные программы «Семейные ценности», интеграция тематики семейных традиций в школьные учебные курсы, работа с молодежью и консультативная поддержка молодых родителей [6].

В некоторых образовательных учреждениях созданы центры поддержки семьи и детства, где будущие и молодые родители могут получить не только информацию о мерах материальной поддержки, но и советы по воспитанию, разрешению конфликтов, построению гармоничных отношений.

Проведение семейных праздников, конкурсов, фестивалей, развитая инфраструктура семейного досуга способствует созданию устойчивого позитивного образа многодетной, сплочённой семьи. Библиотеки, культурные и духовно-просветительские центры, совместные проекты с РПЦ, традиционными религиозными общинами способствуют освоению молодыми поколениями духовного наследия, поддержанию уважительного отношения к родителям и старшим.

Новизна данной работы проявляется в системном анализе комплекса государственной поддержки семей с детьми не только в социально-экономическом, но и в ценностно-мировоззренческом фокусе. Среди ключевых новых аспектов исследования следует выделить:

1. Расширенное осмысление государственной поддержки как фактора социально-культурной трансформации. Впервые даётся развернутый анализ взаимосвязи между мерами поддержки и духовно-нравственным развитием общества, демонстрируется, что государственная поддержка может и должна быть инструментом укрепления не только материального, но и духовного единства нации.

2. Акцент на недостаточности чисто материалистического подхода: выявляется, что для долгосрочного демографического и культурного эффекта необходимо сочетать финансовую поддержку с духовно-воспитательными и образовательными инициативами, затрагивающими ядро российских традиционных ценностей.

3. Практические рекомендации по интеграции мер поддержки и воспитательных практик — предложены направления совершенствования семейной политики, ориентированные на консолидацию усилий государства, семьи, образовательных, культурных, религиозных институтов ради комплексного развития личности ребёнка.

4. Сравнительно-правовой компонент: анализ зарубежного опыта позволяет предложить наиболее релевантные для России организационные и нормативные решения в сфере поддержки семей и укрепления нравственных ориентиров.

5. Выделение региональной специфики: применение результатов исследования позволяет формировать эффективную политику, учитывающую различия регионов в культурных, экономических и институциональных условиях.

Результаты исследования могут быть использованы:

1. При разработке и корректировке государственной семейной политики на федеральном и региональном уровнях, во взаимодействии между министерствами и ведомствами разного профиля.

2. В работе социальных работников, специалистов по социальной поддержке, экспертов по вопросам демографии и семейного благополучия – в части формирования целевых программ для семей с детьми, предусматривающих не только материальную поддержку, но и образовательно-воспитательную компоненту.

3. В образовательной системе – для совершенствования содержания учебных программ по вопросам семейного воспитания, формирования духовно-нравственных ориентиров, подготовки кадров, работающих с семьями.

4. В сфере общественных и некоммерческих организаций, реализующих проекты в области поддержки семьи и детства, профилактики социального сиротства, укрепления института семьи.

5. В научной и экспертной деятельности – для дальнейшей разработки теоретических основ семейной политики, подготовки аналитических отчетов, стратегических программ, прогнозов развития демографической и социокультурной ситуации.

Реализация эффективной государственной поддержки семей с детьми является критически важной задачей, сопряжённой не только с социально-экономическими, но и с духовно-нравственными приоритетами современного российского общества. Преодоление демографических вызовов, сохранение и развитие национальной идентичности, формирование ответственного родительства и преемственности поколений – эти аспекты невозможно рассматривать вне комплексной семейной политики, в равной мере опирающейся на материальные, образовательные и социокультурные ресурсы [5].

Проведённое исследование позволяет утверждать, что существующие механизмы поддержки семей с детьми в России в целом отвечают социальному запросу общества, однако требуют системной доработки, направленной на:

- устранение региональной и социальной диспропорции в предоставлении поддержки;
- повышение информированности семей о своих правах и возможностях;
- интеграцию материальных и нематериальных мер, создающих основу для воспитания духовно-нравственных ценностей;
- разработку комплексных программ, объединяющих усилия государства, образовательных, культурных и религиозных институтов в формировании традиционных нравственных ориентиров.

Рекомендации:

1. Усилить межведомственную координацию и интеграцию мер поддержки;
2. Расширять поддержку нематериального характера — образовательные и просветительские проекты для родителей;
3. Ориентировать семейную политику на наиболее уязвимые группы, используя персонафицированный подход;
4. Повышать культурный престиж родительства, внедрять позитивные семейные практики на массовом уровне;
5. Развивать систему мониторинга эффективности мер поддержки, с учётом не только экономических, но и нравственно-воспитательных результатов.

Дальнейшее развитие семейной политики в России должно стать фактором национальной консолидации, роста социального доверия, передачи от поколения к поколению результатов культурного и

духовного опыта народа, обеспечивая тем самым устойчивое и гармоничное развитие общества.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»// Президент России [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения 21.10.2025).

2. Федеральный закон от 29.12.2006 №256 – ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения 21.10.2025).

3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 г. №1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.»// ГАРАНТ [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627660/> (дата обращения 22.10.2025).

4. Выплаты на детей в 2025 году: как помогают семьям[Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации от 03.01.2025. - URL: <http://duma.gov.ru/news/60680/> (дата обращения 02.11.2025).

5. Единое пособие на ребенка в 2025-м: размер, условия, как рассчитывается [Электронный ресурс] // РБК Life. - URL: <https://www.rbc.ru/life/news/679b84aa9a79474d51729841> (дата обращения 02.11.2025).

6. Коробкова Н. Ю. Единое пособие на ребенка в системе мер социальной поддержки в современных условиях: оценка влияния на основе моделирования доходов // Социально-трудовые исследования. 2023. №4 (53) [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinoe-posobie-na-rebenka-v-sisteme-mer-sotsialnoy-podderzhki-v-sovremennyh-usloviyah-otsenka-vliyaniya-na-osnove-modelirovaniya> (дата обращения: 02.11.2025).

7. Козачинская Д. Ю. Специфика и основные проблемы реализации национальных проектов РФ// Социальная и профессиональная активность молодежи №2 С.165-170 [Электронный ресурс]. - URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/104004/1/978-5-7996-3299-1_2021_26.pdf (дата обращения 22.10.2025).

8. Метальникова М. К. Дети и защита семьи как приоритет государственной политики России / М. К. Метальникова. [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2023. – № 10 (457). – С. 94-97. – URL: <https://moluch.ru/archive/457/100622> (дата обращения 22.10.2025).

9. Рублёв М. Л. Проблемы правового регулирования назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей // Вестник науки. 2023. №12 (69) [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-naznacheniya-i-vyplaty-gosudarstvennyh-posobiy-grazhdanam-imeyuschim-detey-1> (дата обращения: 02.11.2025).

10. Тогузаева Е.Н. Нормативное развитие института пропаганды традиционных семейных ценностей // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2022. №3. С. 310-315 [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativnoe-razvitiie-instituta-propagandy-traditsionnyh-semeynyh-tsennostey> (дата обращения: 22.10.2025).

ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ РОССИЙСКОГО СУДА В ОТНОШЕНИИ РАБОТНИКА, КОТОРЫЙ ЯВЛЯЕТСЯ ИНОСТРАННЫМ ГРАЖДАНИНОМ

В. А. Софьин

**Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, shmolemolle@gmail.com**

Научный руководитель: Свирина А. А., ст.преп.

Статья посвящена вопросам исполнения решений российских судов в отношении работников, являющихся иностранными гражданами. Рассматриваются правовые основы данного процесса, включающие российское законодательство и международные договоры. Подробно описаны этапы процедуры признания и исполнения судебных решений, начиная с обращения в суд страны гражданства работника и заканчивая возбуждением исполнительного производства.

The article is devoted to the issues of enforcement of decisions of Russian courts in relation to employees who are foreign citizens. The legal basis of this process, including Russian legislation and international treaties, is considered. The stages of the procedure for recognizing and executing court decisions are described in detail, starting with applying to the court of the employee's country of citizenship and ending with the initiation of enforcement proceedings.

Изучение вопросов исполнения судебных решений в отношении иностранных граждан важно для совершенствования национального и международного законодательства, а также для оптимизации процесса.

Исполнение судебных решений в отношении иностранных граждан имеет ряд особенностей, связанных с международными соглашениями, внутренними правовыми нормами и процедурой взаимодействия между странами. В данной статье рассмотрим основные моменты, касающиеся исполнения решений российских судов в отношении работников, являющихся иностранными гражданами.[5]

Вопросы исполнения судебных решений регулируются как российским законодательством, так и международными договорами. В частности, важное значение имеют следующие нормативные акты:

1. Гражданский процессуальный кодекс РФ (гл. 44). Определяет порядок рассмотрения гражданских дел и принятия решений судами.[1]

2. Трудовой кодекс РФ (глава 50.1). Регулирует трудовые отношения между работодателями и работниками, включая иностранцев.[2]

3. Федеральный закон № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Устанавливает правила пребывания и трудоустройства иностранных граждан на территории России.

4. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об исполнительном производстве»

5. Международные договоры, такие как Минская конвенция 1993 года и Кишинёвская конвенция 2002 года, обеспечивают взаимное признание и исполнение судебных решений между государствами-участниками.

Согласно статьи 10 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об исполнительном производстве»: при исполнении на территории Российской Федерации судебных актов, актов других органов и должностных лиц в отношении иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранных государств и иностранных организаций на них распространяются положения настоящего Федерального закона.[3] Иностранное государство пользуется иммунитетом в отношении исполнения решения суда в соответствии с Федеральным законом от 3 ноября 2015 года № 297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации».[4]

Для того чтобы решение российского суда могло быть исполнено в отношении иностранного гражданина, необходимо пройти несколько этапов:

Признание решения:

1. Обращение в суд страны гражданства работника. Если работник является гражданином государства, с которым Россия заключила международный договор о правовой помощи, то судебное решение должно быть признано в этой стране.

2. Проверка соответствия требованиям. Суд страны гражданства проверяет, соответствует ли решение российского суда законодательству своей страны и международным стандартам.

3. Вынесение постановления о признании. После проверки суд выносит постановление о признании судебного решения, которое позволяет начать процедуру его исполнения.[6]

Исполнение решения:

1. Передача исполнительного листа. После получения постановления о признании российский суд направляет исполнительный лист компетентным органам страны гражданства работника.

2. Возбуждение исполнительного производства. Компетентные органы страны гражданства возбуждают исполнительное производство и принимают меры по исполнению решения.

3. Контроль за исполнением. Работодатель или заинтересованные стороны могут контролировать процесс исполнения через дипломатические каналы или международные организации.

Исполнение судебных решений в отношении иностранных граждан может столкнуться с рядом практических трудностей:

1. Различия в законодательстве. Нормы трудового права разных стран могут существенно отличаться, что усложняет применение российских законов к иностранным гражданам.

2. Проблемы с коммуникацией. Языковой барьер и отсутствие прямых контактов между судебными органами могут замедлить процесс исполнения.

3. Отсутствие международных договоров. Если между Россией и страной гражданства работника нет соответствующего международного соглашения, процедура признания и исполнения может оказаться невозможной.

4. Политические факторы. Международные политические конфликты могут повлиять на сотрудничество между странами и затруднить выполнение судебных решений.

Исполнение решений российского суда в отношении работников-иностранцев требует тщательного соблюдения правовых норм и процедур. Важно учитывать особенности законодательства обеих стран, а также наличие международных соглашений. Только такой

комплексный подход позволит обеспечить защиту прав всех сторон трудовых отношений.

Исполнение судебных решений в отношении иностранных граждан представляет собой сложный процесс, обусловленный множеством юридических и организационных аспектов. Однако существуют различные способы преодоления возникающих проблем и обеспечения эффективного исполнения судебных актов.

Сложности:

1. Различные законодательные системы: трудовое и гражданское право разных стран могут иметь значительные различия, что усложняет применение российских законов к иностранным гражданам.

2. Языковой барьер: отсутствие единого языкового стандарта может вызвать задержки и путаницу в процессе обмена информацией между сторонами и юрисдикциями.[7]

3. Недостаточная координация между странами: проблемы возникают из-за отсутствия двусторонних или многосторонних соглашений, обеспечивающих признание и исполнение судебных решений.

4. Политические факторы: геополитические конфликты и нестабильность могут мешать сотрудничеству между государствами, снижая эффективность выполнения судебных предписаний.

5. Технические и административные препятствия: процесс исполнения судебных решений часто сталкивается с бюрократическими проволочками и недостаточным взаимодействием между государственными структурами.

Пути решения:

1. Заключение международных соглашений: увеличение числа двусторонних и многосторонних договоров, направленных на упрощение процессов признания и исполнения судебных решений, поможет улучшить взаимодействие между странами.

2. Усиление координации между судебными системами: создание единых стандартов и механизмов сотрудничества между судебными органами различных государств облегчит обмен информацией и ускорит процесс исполнения судебных актов.

3. Использование технологий: внедрение цифровых платформ и автоматизированных систем для обработки запросов и документов может сократить время и минимизировать риски ошибок.

4. Обучение и повышение квалификации сотрудников: Обеспечение подготовки специалистов, владеющих знаниями международного права и практикующими эффективные методы

межгосударственного сотрудничества, будет способствовать улучшению качества исполнения судебных решений.

5. Развитие дипломатических связей: укрепление международных отношений и поддержание диалога между правительственными организациями помогут снизить негативное воздействие политических факторов на судебные процессы.

Таким образом, успешное исполнение судебных решений в отношении иностранных граждан возможно путем улучшения международной правовой инфраструктуры, усиления кооперации между судебными институтами и внедрения современных технологических решений.

Литература:

1. "Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025).

2. "Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025).

3. Федеральный закон "Об исполнительном производстве" от 02.10.2007 N 229-ФЗ (последняя редакция).

4. Федеральный закон от 3 ноября 2015 г. N 297-ФЗ "О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями).

5. Абдуллаев Э. Э. Современные проблемы регулирования трудовых правоотношений с участием иностранных граждан на территории Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – №1. – С. 200–206.

6. Карасева А. А. Некоторые аспекты понятия и формы защиты трудовых прав с иностранным участием // Бюллетень науки и практики. – 2023. – №1. – С. 428–433.

7. Шевченко И. М. Проблемы рассмотрения дел с участием иностранных лиц в российском арбитражном процессе: международная подсудность // Гражданский и арбитражный процесс. – 2022. – №2. – С. 22–29.

МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ВЫЗОВ ДЛЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Е. В. Турбина
Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»,
г. Новосибирск, eturbina409@gmail.com
Научный руководитель: Исаев А. А., ст. преп.

В статье рассматривается актуальная проблема мошенничества с использованием искусственного интеллекта (ИИ), которое приобретает массовый характер и представляет повышенную общественную опасность в связи с резким ростом количества жертв и масштабов ущерба. Анализируются современные схемы таких преступлений, включая дипфейки, генерацию поддельных документов и интеллектуальные чат-боты. В качестве решения проблемы предлагается комплекс уголовно-правовых мер: введение в ст. 159 УК РФ специального квалифицирующего признака «с использованием искусственного интеллекта», закрепление соответствующего понятия в примечании к статье, а также установление ответственности за создание и распространение вредоносных программ ИИ на допреступной стадии путем введения новой статьи 273.1 УК РФ.

The article addresses the pressing issue of fraud involving artificial intelligence (AI), which is becoming widespread and represents an increased public danger due to a sharp rise in the number of victims and the scale of damage. Modern schemes of such crimes are analyzed, including deepfakes, the generation of fake documents, and intelligent chatbots. As a solution, a set of criminal law measures is proposed: introducing a special qualifying attribute "using artificial intelligence" into Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, incorporating the relevant definition into the article's note, and establishing liability for the creation and distribution of malicious AI programs at the pre-crime stage by introducing a new Article 273.1. The conclusion is drawn on the necessity of adapting criminal legislation to the new challenges of the digital era.

Обладая колоссальным потенциалом, искусственный интеллект стал и мощным инструментом прогресса, и новым оружием в руках злоумышленников. Эффективное противодействие кибермошенничеству на этом витке его развития возможно лишь через комплексный ответ - слаженное взаимодействие законодательной власти, правоохранительных органов и цифровой грамотности каждого гражданина, именно в этом заключается цель данной работы.

Данные МВД за 2024 год свидетельствуют о резком всплеске кибермошенничества: ущерб вырос на 36%, достигнув 200 млрд рублей,

а количество зафиксированных случаев - 486 тысяч. При этом латентность таких преступлений крайне высока: в полицию поступают заявления лишь от 30% жертв. В настоящем году за последние 10 месяцев в Новосибирске по данным МВД было зарегистрировано 8724 ИТГ – преступлений, из которых 6371 – мошенничество, что обосновывает актуальность выбранной темы.

Рассмотрим схемы мошенничества с использованием искусственного интеллекта. Стоит выделить дипфейки, под которыми понимается изображение, голос или видео, созданное на основе и с использованием искусственного интеллекта, когда нейросеть по пикселям собирает ролик на основе готовых изображений [2].

Также мошенники используют генерацию изображения с помощью ИИ на основе утечек персональных данных людей. В отличие от дипфейков, которые направлены на сознание жертвы посредством психологического давления, генерация изображений на основе персональных данных проявляется иначе.

Преступники активно пользуются возможностями генерирования текста ИИ, а именно создают «чат-боты», которые практически полностью заменяют человека в консультировании и ответах на различные вопросы [1].

Проанализировав новые схемы мошенничества с использованием ИИ, можно сделать вывод о том, что быстро развивающиеся технологии ИИ — это вызов для уголовного закона и правоприменителей. Возникает вопрос: возможно ли каким-то образом сократить количество подобных преступлений и обезопасить наше население?

Решение этого вопроса достаточно активно обсуждается в научном поле в последние годы, помимо этого он обсуждается не только в рамках теоретических дискуссий, но уже выходит на законодательный уровень.

Для противодействия такому роду преступлений, о которых говорилось выше в работе, стоит провести целый комплекс мер.

Во-первых, необходимо ввести в примечание к ст. 159 УК РФ понятие «искусственного интеллекта». Предлагаем внести следующие изменения: «Под искусственным интеллектом в целях настоящей статьи понимается алгоритмическая система, способная к автономному или автоматизированному созданию контента (текстового, аудио-, визуального), принятию решений и взаимодействию с окружающей средой для достижения заданных целей, используемая для имитации человека, официального института или подлинных документов в целях хищения чужого имущества».

Во-вторых, необходимо введение дополнительного квалифицирующего признака в ст. 159 УК РФ «с использованием

искусственного интеллекта», поскольку действующая редакция УК РФ не может в полной мере учесть повышенную опасность и специфику ИИ-преступлений. Данное преступление представляет повышенную опасность для нашего общества, поскольку при уменьшении ресурсов преступника при использовании ИИ происходит увеличение количества жертв преступлений, таким образом, ИИ-мошенничество обретает характер массовости. Вышеупомянутый квалифицирующий признак стоит внести в ч.3 ст. 159 УК РФ, что будет указывать на повышенную опасность использования такого способа мошенничества.

В-третьих, предлагаем внести новый состав преступления в главу 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации», целью которого будет остановить преступление на стадии создания инструмента, а не ждать пока с его помощью будет причинен реальный имущественный ущерб. Таким образом, предлагаем создать ст. 273.1 «Создание и (или) распространение программ искусственного интеллекта для совершения преступлений». Диспозиция данной статьи будет выглядеть следующим образом «Создание, распространение или иное предоставление доступа к программе для ЭВМ или иной компьютерной программе, основанной на алгоритмах искусственного интеллекта, заведомо предназначенной для совершения мошенничества или иного корыстного преступления». Для правильного правоприменения нововведенной статьи к ней необходимо добавить примечание, согласно которому «Под программой для ЭВМ, основанной на алгоритмах искусственного интеллекта, в целях настоящей статьи понимается программно-аппаратный комплекс, способный к автономной или автоматизированной генерации синтетического контента (дипфейков, текстов, документов), принятию решений и взаимодействию с окружающей средой для достижения заданных целей».

Таким образом, существующая уголовно-правовая система России находится в состоянии поиска адекватного ответа на эту угрозу. Несмотря на наличие дискуссий о достаточности текущих норм, очевидно, что Уголовный кодекс РФ в его действующей редакции не в полной мере учитывает специфику и повышенную опасность ИИ-преступлений.

Литература:

1. Малышева Ю. Ю. Мошеннические проявления фейков и дипфейков: проблемы противодействия // Российско-азиатский правовой журнал. – 2025. – № 1. – С. 105-109.

2. Семенов Г. В. Мошенничество с использованием искусственного интеллекта: проблемы и перспективы // Вопросы российской юстиции. – 2025. – № 35. – С. 433–437.

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СООТНОШЕНИЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ СТАНДАРТАМИ ЗАЩИТЫ

Я. О. Турова

**Сибирский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Новосибирск, turova.yana.02@mail.ru.**

Научный руководитель: Макарецва Е. В., к.ю.н., доцент

В статье рассматриваются процесс становления концепции социальных прав в России в контексте международных стандартов защиты. Исследуется развитие правового регулирования данной сферы в исторической перспективе (от советских конституций к современным поправкам в Конституцию РФ), а также проводится сопоставление с зарубежными моделями.

The article examines the process of formation of the concept of social rights in Russia in the context of international standards of protection. The development of the legal regulation of this sphere in the historical perspective (from the Soviet constitutions to modern amendments to the Constitution of the Russian Federation) is investigated, as well as a comparison with foreign models.

В условиях динамично меняющейся социально-экономической реальности особую значимость приобретает совершенствование механизмов их защиты и реализации. Государственные стратегические документы, включая указ Президента РФ 2018 года о национальных целях до 2024 года, задают чёткий вектор развития социальной политики - обеспечение достойного уровня жизни каждого гражданина [1]. Практическим воплощением этого курса стали национальные проекты «Демография», «Жильё и городская среда», «Здравоохранение». В 2024 году представлен проект «Продолжительная и активная жизнь», нацеленный на поддержку материнства, охрану здоровья детей и подростков, содействие активному долголетию.

Одним из обязательных признаков, отличающих социальное государство, является конституционное закрепление основных социальных прав человека и гражданина, а также проведение политики, направленной на их обеспечение и защиту. Конституция РФ определяет

Россию как демократическое правовое социальное государство (ст. 7) [2]. Это означает, что государственная политика направлена на создание условий для достойной жизни и свободного развития человека, а ключевой признак такого государства — конституционное закрепление и защита социальных прав человека и гражданина.

В юридической науке сохраняется дискуссия о статусе социальных прав. С одной стороны, исследователь В. А. Карташкин подчёркивает их фундаментальный характер и ключевую роль для современного правового государства [3]. С другой стороны, учёные Б. С. Эбзеев, Н. С. Бондарь не признают за социальными правами самостоятельного характера. По мнению Б. С. Эбзеева, социальные права следует рассматривать исключительно как составную часть целостной системы конституционных прав, без выделения их в отдельную категорию [4].

Формирование системы социальных прав в нашей стране прошло несколько этапов. Так, Конституция РСФСР 1918 года заложила первые положения о социальных правах. Конституция предусматривала только одно направление в реализации принципа социального государства в современном понимании — получение образования. Причём формулировка ст. 17 Конституции не закрепляла прямо право на образование: государство ставило лишь задачу «предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование» [5]. Таким образом, реализация прав и свобод была избирательной и зависела от классовой принадлежности, но эти нормы стали первыми шагами к формированию системы социальных прав для обеспечения достойной жизни граждан [6].

Конституция СССР 1924 года закрепила принцип равенства прав и обязанностей граждан, а также неотъемлемое право на труд с обязательством государства обеспечить полную занятость и равную оплату [7].

Конституция 1936 г. определила достаточно обширный перечень социальных прав: право на труд, право на отдых, право на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности, право на образование, право женщин на государственную охрану интересов матери и ребёнка, право женщин на отпуск по беременности с сохранением содержания, право на объединения [8]. Одной из особенностей закрепления социальных прав в Конституции 1936 г. является определены гарантии реализации социальных прав: государственное социальное страхование, ликвидация безработицы, сокращённое рабочее время для тяжёлых профессий, оплачиваемые отпуска.

Последующие конституции (1937, 1977 гг.) продолжили развивать и детализировать систему социальных прав, закрепляя их как фундаментальные основы государственного устройства. В 1970-х годах провозглашено построение «общенародного государства», нацеленного на благо народа, с особым акцентом на равенство прав личности. Особый смысл придавался равенству прав личности как высшему достижению социалистической правовой системы. Государство стремилось к «выравниванию» положения некоторых категорий населения путём установления определённых льгот и преимуществ (для женщин, детей, инвалидов, пенсионеров), т. е. учёту в законодательстве естественных и социальных различий.

В 1991 году был начат переходный период: принятие Декларации прав и свобод человека обозначило новый этап в развитии прав человека в России [9]. Впоследствии ключевые положения Декларации вошли в Конституцию РФ, принятую в 1993 году. На современном этапе (с 2020 г.) поправка к Конституции РФ обновила статьи 75 и 75.1, сформулировав новые ценностные ориентиры социальной политики государства [10].

Государство выполняет две основные функции в сфере социальной защиты: выплаты и обслуживание особых категорий граждан (инвалидов, престарелых, одиноких и др.). При этом защита должна охватывать всё население, а не только уязвимые группы. Социальные гарантии представляют долговременный механизм реализации конституционных прав, поддержания достойного уровня жизни и сглаживания социального неравенства [11].

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что социальные права составляют базовую платформу для обеспечения достойного существования и защиты граждан. Конституционное закрепление и практическая реализация этих прав выступают важнейшими условиями поддержания социальной стабильности и прогресса гражданского общества в России.

Защита социальных прав опирается на международные стандарты (Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и др.). Эти акты задают основу защиты прав, но требуют пересмотра из-за глобализации и цифровизации. Как подчёркивают исследователи А.В. Канунникова, международные стандарты не могут быть застывшей догмой: они должны эволюционировать, учитывая как глобальные трансформации, так и особенности национальных правовых систем. Это предъявляет особые требования к механизмам мониторинга, поскольку необходимо

выстроить эффективную систему контроля за выполнением государствами взятых на себя международных обязательств [12].

Наглядный пример реализации международных стандартов демонстрирует Швейцария. В третьей главе её Конституции закреплены «социальные цели», включающие социальное обеспечение, охрану здоровья и поддержку семьи [13]. Страна выстроила комплексную систему защиты, сочетающую государственное, профессиональное и частное страхование. При этом швейцарская правовая система проводит чёткую грань: конституционно зафиксированные социальные цели не создают у граждан права на прямые судебные иски к государству, что отражает особый баланс между декларируемыми целями и их практической реализацией.

В странах СНГ также прослеживается соответствие международным стандартам, хотя каждая из них выстраивает собственную модель защиты социальных прав. Так, Конституция Армении особо выделяет право на свободу экономической деятельности, делая акцент на экономических аспектах социальной защиты [14]. В Азербайджане приоритет отдан гарантиям санитарно-эпидемиологического благополучия и медицинскому страхованию, что подчёркивает важность здоровьесберегающих компонентов социальной политики [15].

Опыт Казахстана демонстрирует эффективный подход к гармонизации национального и международного права: конституционное закрепление приоритета международных норм обеспечило всестороннюю защиту социальных прав граждан. В их числе трудовые права, социальное обеспечение, жилищные гарантии, доступ к здравоохранению и образованию. Текущая политика социальной модернизации направлена на расширение программ поддержки уязвимых категорий населения и оптимизацию системы обязательного социального страхования [16].

Таким образом, защита социальных прав сочетает универсальное и национальное: международные стандарты задают каркас, но требуют адаптации к особенностям каждой страны. Разнообразие моделей (от швейцарской до стран СНГ) подтверждает отсутствие единого шаблона. Главное найти баланс между международными обязательствами и национальными особенностями, создав действенные гарантии для всех.

Подводя итог, стоит резюмировать, что в стране реализуется политика социальной модернизации, направленная на улучшение качества жизни населения. Активно внедряются различные программы социальной поддержки, направленные на защиту наиболее уязвимых слоёв населения. Однако обеспечение социальных прав представляет собой динамичный процесс, требующий как совершенствования механизмов

реализации с учётом меняющейся социально-экономической реальности, так и баланса между международными обязательствами и национальной спецификой, а также развития системы гарантий для всех категорий граждан, а не только уязвимых групп. Только комплексный подход позволит превратить конституционные декларации в реальные инструменты защиты достоинства и благополучия каждого человека.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 21.11.2025).
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: [с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года] [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 21.11.2025).
3. Карташкин В. А. Социальные права человека в эпоху глобализации // Журнал российского права. — 2022. — № 8.
4. Эбзеев Б. С. Конституционные права и свободы человека и гражданина в России: опыт комплексного исследования. — М.: Норма. — 2025.
5. Конституция (Основной закон) РСФСР 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. Отдел 1. 20.07.1918. №51. Ст. 582. С. 671–682.
6. Шерстнева А. В. Конституционный принцип социального государства в российской федерации: историко-теоретический аспект // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2020. — №4.
7. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена II Съездом Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.) // Ведомости СНД СССР. — 12.10.77. — № 41, ст. 617.
8. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936).
9. Всеобщая декларация прав человека: Декларация: Принят Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.: [ред. от 10.12.1948] // Российская газета. – 1998. – №235.

10. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

11. Шафиков А. М. Права граждан на социальную защиту и социальное обеспечение: конституционно-правовой аспект // Вестник Пермского университета. — 2014. — № 2 (24). — С. 36

12. Канунникова А.В. Международные нормы в области прав и свобод человека и гражданина: вопросы защиты // Диалог. — 2025. — №2 (32).

13. Schweizerische Eidgenossenschaft. Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft vom 18. April 1999 // Systematische Sammlung des Bundesrechts. — Bern: Bundesamt für Rechts- und Systematik, 1999. — SR 101.

14. Конституция Республики Армении [Электронный ресурс]. - URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=132> (дата обращения: 30.05.2025).

15. Конституция Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]. - URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=133> (дата обращения: 30.05.2025).

16. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Казахстан. — URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1162 (дата обращения: 21.11.2025).

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЯТРОГЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

М. А. Хахалова

Новосибирский государственный технический университет

Г. Новосибирск khakhalova2000@mail.ru

Научный руководитель: Шульгин С. И., ст. преп.

Работа направлена на изучение вопросов касающихся ятрогенных преступлений, а именно: определение, квалификация, классификация, уголовно-правовая характеристика и особое внимание уделяется субъекту данных деяний. Анализируются ключевые проблемы доказывания вины врача, разграничения преступной небрежности от врачебной ошибки и роли судебно-медицинской экспертизы в установлении причинно-следственной

This paper examines issues related to iatrogenic crimes, specifically their definition, qualification, classification, and criminal-legal characteristics, with a particular focus on the perpetrator of these acts. Key issues related to proving physician

guilt, distinguishing criminal negligence from medical error, and the role of forensic examination in establishing causation are analyzed.

Ятрогения – это есть виновное нарушение правил и (или) стандартов оказания медицинской помощи, совершённое физическим лицом, имеющим юридический статус медицинского работника, в процессе исполнения своих профессиональных обязанностей смерти или вреда здоровью пациента. Данное определение дала отечественный учёный Замалева С.В. [3]

Само же понятие «ятрогения» появилось в 1925 году XX в. в работе немецкого психиатра Освальда Бумке «Врач как причина душевных расстройств». Оно состоит из двух греческих слов – *iatros* (врач) и *qenpaio* (порождает).

Мы же дадим своё определение ятрогенным преступлениям — это преступления посягающие на общественные отношения в сфере жизни и здоровья человека вследствие ненадлежащего исполнения своих обязанностей медицинскими работниками или иных других факторов от них не зависящих.

Ятрогенные преступления совершаются специальными субъектами, а именно лицами, имеющими статус медицинского работника. Поэтому необходимо разобраться, какие именно категории медицинских работников будут являться субъектами ятрогении.

В соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ, можно сделать вывод, что субъектом ятрогенного преступления может быть человек с медицинским или фармацевтическим образованием, а именно врачи, фельдшера, медицинские сестры, акушерки, студенты медицинских вузов, прошедшие сестринскую практику, а также провизоры и фармацевты, однако младший медицинский персонал, не оказывающий медицинской помощи (сиделки, санитары), к подобной ответственности не привлекается.[4]

Ятрогенные преступления – это особый тип преступлений, связанный с врачебной деятельностью и медицинским вмешательством, результатом которого становятся негативные последствия для здоровья пациента. Особенность таких преступлений заключается в том, что они возникают в процессе оказания медицинской помощи и связаны с профессиональными действиями врачей и медперсонала [5]

Особенности ятрогенных преступлений:

1. Специфика субъекта преступления: Основным субъектом ятрогенного преступления выступает медицинский работник (врач, медсестра, фельдшер и т.п.), обладающий специальными знаниями и навыками в области медицины. Это отличает ятрогенные преступления

от других видов преступлений, где субъектом может быть любой гражданин.

2. Возникновение в ходе выполнения профессиональных обязанностей: Ятрогенное преступление происходит в процессе исполнения медицинских обязанностей, что делает его тесно связанным с профессиональной деятельностью. Это может включать диагностику, лечение, проведение операций, консультирование и другие формы медицинского вмешательства.

3. Неосторожный характер: Часто ятрогенные преступления носят неосторожный характер, то есть происходят вследствие недостаточной внимательности, знаний или опыта медицинского работника. Однако возможны случаи умышленных действий, направленных на нанесение вреда пациенту.

4. Сложность доказывания: Установление факта ятрогенности требует проведения тщательных экспертиз и исследований, так как необходимо доказать прямую связь между действиями медицинского работника и ухудшением состояния пациента. Это усложняет расследование и привлечение виновных к ответственности.

Уголовно-правовая характеристика ятрогенных преступлений:

1. Объект – здоровье и жизнь пациента.
2. Объективная сторона – конкретные действия или бездействие медицинского работника, вызвавшие негативные последствия.
3. Субъект – специальный, медицинский работник, обладающий необходимыми знаниями и полномочиями.
4. Субъективная сторона – вина в форме умысла или неосторожности.

Квалификация и правоприменение ятрогенных преступлений сталкиваются с рядом проблем, связанных со сложностью установления причинно-следственной связи между действиями медицинского персонала и наступившими неблагоприятными последствиями для пациента. Основные трудности, с которыми сталкиваются юристы и медики при расследовании и привлечении к ответственности за ятрогенные преступления [6]

Проблемы квалификации:

1. Трудности в установлении причинно-следственной связи: Одним из ключевых моментов в квалификации ятрогенного преступления является установление прямой связи между действием или бездействием медицинского работника и ухудшением состояния здоровья пациента. Это может быть сложно, особенно в случаях, когда заболевание пациента носит хронический или прогрессирующий характер, и ухудшение могло произойти независимо от действий врача.

2. Оценка профессионального стандарта: для оценки правильности действий медицинского персонала необходимо определить, соответствовали ли они профессиональным стандартам и протоколам. Однако стандарты могут варьироваться в зависимости от конкретной ситуации, и не всегда возможно однозначно сказать, какие методы лечения были оптимальными.

3. Многофакторность заболеваний: Многие заболевания имеют множественную этиологию, и трудно точно определить, какой фактор привел к ухудшению состояния пациента. Например, побочные эффекты лекарств или индивидуальные реакции организма могут осложнить оценку действий врача.

4. Недостаток специальных знаний у следователей и судей: Следователи и судьи, не обладая глубокими медицинскими знаниями, могут испытывать затруднения в понимании сложных медицинских терминов и концепций. Это иногда приводит к ошибкам в квалификации и вынесении решений.

Проблемы правоприменения:

1. Сложность проведения медицинских экспертиз: Медицинские экспертизы, необходимые для установления вины медицинского работника, могут занимать длительное время и требовать участия высококвалифицированных специалистов. В некоторых случаях требуются дополнительные исследования и консультации, что затягивает процесс расследования.

2. Недоверие к медицинским учреждениям: В обществе существует недоверие к медицине и медицинским работникам, что может влиять на восприятие ятрогенных преступлений. Пациенты и их родственники нередко склонны видеть вину врача даже там, где она отсутствует.

Пути решения проблем:

1. Повышение квалификации юристов и судей: необходимо проводить регулярные курсы повышения квалификации для сотрудников правоохранительных органов и судей, чтобы они лучше понимали медицинские термины и концепции.

2. Создание специализированных медицинских комиссий: Формирование независимых медицинских комиссий, состоящих из опытных врачей и ученых, поможет более объективно оценивать действия медицинских работников и устанавливать причинно-следственную связь.

3. Развитие системы страхования профессиональной ответственности: Страхование профессиональной ответственности медицинских работников позволит компенсировать ущерб пациентам без

необходимости привлекать врачей к уголовной ответственности в каждом случае.

4. Использование современных технологий: Применение электронных медицинских карт и систем мониторинга может облегчить сбор доказательств и анализ действий медицинского персонала.

Квалификация и правоприменение ятрогенных преступлений остаются сложными задачами, требующими комплексного подхода и сотрудничества между юридическими и медицинскими специалистами. Решение существующих проблем потребует улучшения взаимодействия между этими двумя областями, внедрения новых технологий и повышения квалификации участников процесса.

Уголовно-правовая характеристика ятрогенных преступлений заключается в том, что для решения вопроса об уголовной ответственности медицинских работников должны быть установлены такие обстоятельства, как неправильность или несвоевременность оказания медицинской помощи, наступление смерти или тяжкого вреда здоровью пострадавшего, причинная связь между действиями (бездействием) медицинских работников и неблагоприятным исходом.

Как правило, в отношении медицинских работников при квалификации преступлений применяются статьи 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности», 111 УК РФ «Причинение тяжкого вреда по неосторожности», 293 УК РФ «Халатность» и другие.

Литература:

1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025).
2. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 06.03.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»// СЗ РФ, 28.11.2011, N 48, ст. 6724.
3. Замалеева С.В. Ятрогенные преступления: понятие, система и вопросы криминализации. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 26 с.
4. Тузлукова М. В. Актуальные вопросы расследования ятрогенных преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 11.
5. Михайлова А. И. Особенности практики уголовной ответственности за ятрогенные преступления: проблемы квалификации и правоприменения / А. И. Михайлова. – [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2021. – № 50 (392). – С. 280-281. – URL: <https://moluch.ru> (дата обращения: 17.11.2024).

6. Эрхитуева Т. И., Щербаков Г. В., Дондокова М. Ю. Особенности практики уголовной ответственности за ятрогенные преступления // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26 (1–4), № 1. С. 57.

СМАРТ-КОНТРАКТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ СНИЖЕНИЯ РИСКОВ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТОВ И СУДЕБНЫХ СПОРОВ

В. А. Шевлякова, А. В. Епифанцев

Новосибирский государственный технический университет,

г. Новосибирск, shevlyakovavi2000@gmail.com

Научный руководитель: Епифанцев А. В., к.ю.н.

Данная статья посвящена исследованию возможностей и перспектив снижения рисков возникновения конфликтов и судебных споров с использованием смарт-контрактов. Особое внимание уделено вопросам правовых аспектов, связанным с применением смарт-контрактов, включая отсутствие правового регулирования и проблемы доказывания фактов совершения сделки. Предложены пути решения существующих трудностей через разработку стандартов, создание специализированных комиссий и повышение квалификации аудиторов.

This article is devoted to the study of the possibilities and prospects for reducing the risks of conflicts and litigation using smart contracts. Particular attention is paid to legal aspects related to the use of smart contracts, including the lack of legal regulation and problems of proving the facts of a transaction. Ways to solve existing difficulties are proposed through the development of standards, the creation of specialized commissions and improving the qualifications of auditors.

Смарт-контракты стремительно завоевывают признание в качестве инструмента снижения риска возникновения конфликтов и судебных разбирательств, обеспечивая надежные, прозрачные и автоматизированные транзакции без привлечения третьих сторон и с низкими сопутствующими расходами [1]. Эти автоматизированные алгоритмы, построенные на технологии блокчейн, предлагают повышенную безопасность, скорость обработки и стандартизацию взаимодействий, позволяя минимизировать возникновение разногласий между участниками соглашения.

Смарт-контракт представляет собой электронный протокол, написанный посредством компьютерного кода, основной функцией которого является передача данных и обеспечение исполнения условий, согласованных между сторонами [2]. Смарт-контракт представляет собой договор присоединения, то есть одна сторона (разработчик смарт-контракта) устанавливает условия, а вторая сторона (контрагент) не

может их дополнить либо изменить, а лишь подписывает договор при согласии с его условиями. Смарт-контракт работает на основе технологии блокчейн. В нём стороны прописывают условия сделки и санкции за их невыполнение, ставят цифровые подписи. Смарт-контракт самостоятельно определяет, всё ли исполнено, и принимает решение: завершить сделку и выдать требуемое, наложить на участников штраф или пеню, закрыть доступ к активам.

Основное преимущество смарт-контрактов заключается в том, что все обязательства сторон фиксируются непосредственно в коде, который нельзя изменить. Такая неизменяемость обеспечивает однозначность интерпретации условий и предотвращает появление неясностей, которые могли бы стать причиной дальнейших судебных тяжб. Алгоритм самостоятельно контролирует выполнение каждой оговоренной операции, проверяя исполнение условий и инициируя дальнейшие шаги, будь то завершение сделки или ограничение доступа к ресурсам.

Однако наряду с преимуществами существуют и определенные риски, связанные с использованием смарт-контрактов. Во-первых, существует опасность технических сбоев, вызванных некорректностью исходного программного кода, что потенциально может привести к неисполнению договора и санкциям. Во-вторых, недостаточная четкость правового регулирования оставляет пространство для сомнений касательно юридической силы таких соглашений и механизмов их принудительного исполнения. Наконец, анонимность блокчейн-технологий может создавать препятствия для идентификации контрагентов, осложняя привлечение виновных к ответственности в случае нарушений. Так, например, Постановление АС Поволжского округа от 18.05.2023 по делу №А55-7445/2022. Истец заключил с ответчиком договор на покупку автомобиля с использованием смарт-контракта и перечислил во исполнение договора 1,78 млн рублей. Однако ответчик вернул перечисленную сумму и отказался исполнять обязательства. Истец обратился в суд с иском о понуждении к исполнению договора, представив в качестве доказательства снимки экрана. Суд отказал в удовлетворении требований, так как на основе представленных доказательств невозможно было определить вторую сторону договора. Суд отметил, что в платёжном поручении отсутствуют конкретное указание продавца и покупателя, наименование продаваемого товара, его идентификационные признаки, количество и стоимость, а также ссылка на соответствующий гражданско-правовой договор [3].

Так, самой большой проблемой смарт-контрактов считают невозможность кодирования значительной части договоренностей между

сторонами, потому что они не укладываются в схему «если <...>, то <...>», а охватываются абстрактными понятиями, такими как «законность», «справедливость», «разумный срок», «защита более слабой стороны» и др.

В настоящее время российское законодательство не предусматривает специальной правовой базы для регулирования смарт-контрактов. Хотя понятие "смарт-контракт" используется на практике, оно не имеет официального юридического определения, не определен его правовой статус, а также отсутствуют конкретные нормы, определяющие последствия исполнения или нарушения условий, зафиксированных в смарт-контракте.

Вместе с тем отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации косвенно затрагивают сферу применения смарт-контрактов:

Статья 309 ГК РФ относит смарт-контракт к особому виду исполнения обязательств, которое не требует отдельного волеизъявления сторон. Это означает, что выполнение условий смарт-контракта может происходить автоматически без повторного согласия сторон [4].

Согласно статье 434 ГК РФ, допускает возможность заключения договора посредством электронного обмена данными, при условии, что установлена надёжная идентификация каждой из сторон. Следовательно, подписание договора с использованием смарт-контракта возможно, если предусмотрена процедура идентификации контрагентов.

В соответствии со статьей 160 ГК РФ, сделка может быть совершена в простой письменной форме, используя электронные или иные технические средства, способные воспроизводить её содержание. Использование смарт-контракта в таком контексте признается допустимым способом оформления сделки.

Также отсутствует единая практика рассмотрения жалоб, связанных со смарт-контрактами. Часто судьи оказываются недостаточно компетентны в области информационных технологий, чтобы принять обоснованное решение по делу. Все это увеличивает риск отказа от урегулирования конфликта мирным путем и обращения в суды, что противоречит основной цели введения смарт-контрактов [5].

Наконец, существует проблема соответствия программы намерениям сторон. Программирование смарт-контракта требует точного выражения воли участников, что представляет значительную сложность, особенно учитывая различия между естественным языком соглашения и искусственным языком программирования [6].

Тем не менее, смарт-контракты обладают значительными преимуществами, позволяющими минимизировать конфликты и судебные разбирательства:

1. Автоматизация платежей устраняет необходимость ручных операций и ускоряет процесс расчета.

2. Контроль исполнения договоров осуществляется непосредственно самим договором, что повышает надежность выполнения обязательств.

3. Устраняется фактор недоверия между сторонами, так как выполнение обязательств обеспечивается программой.

Для устранения разногласий и улучшения совместимости решений следует разработать универсальные стандарты составления и исполнения смарт-контрактов. Такие нормы позволят упростить интеграцию платформ и повысить эффективность взаимодействия между различными системами.

Поскольку традиционные механизмы судебной власти плохо приспособлены к рассмотрению споров, связанных со смарт-контрактами, было бы полезно организовать специализированный комиссию, состоящую из юристов, программистов и представителей органов исполнительной власти. Такое объединение могло бы эффективно решать возникающие вопросы, обладая глубокими познаниями в обеих областях — праве и ИТ.

Подобный подход мог бы способствовать быстрому разрешению споров и установлению единой практики трактовки норм применительно к смарт-контрактам.

Организации, работающие со смарт-контрактами, обязаны следить за качеством используемого программного обеспечения. Регулярный аудит гарантирует своевременное выявление ошибок и предотвращает возникновение крупных убытков. Чтобы сделать такую проверку доступной каждому участнику рынка, государству рекомендуется субсидировать расходы на проведение проверок или ввести налоговые льготы для организаций, осуществляющих регулярный мониторинг.

Смарт-контракты действительно способны радикально трансформировать способы ведения бизнеса, устраняя многие причины возникновения конфликтов и снижая нагрузку на судебную систему. Однако эффективное внедрение этих технологий требует тщательной подготовки и внимательного подхода к решению множества возникающих проблем.

Литература:

1. Захаркина А. В. Смарт-контракт в условиях формирования нормативной платформы экосистемы цифровой экономики Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – № 47. – С. 66-82. Алексеев С. С. Гражданское право. — М.: Проспект, 2012. — 536с.
2. Богданова Е. Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // Lex russica (Русский закон). – 2019. – № 7 (152). – С. 108-118.
3. Постановление АС Поволжского округа №А55-7445/2022 от 18.05.2023 г.
4. Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: федер. Закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ: (ред. от 31.07.2025) // Собр. Законодательств. Рос. Федерации. - 1994. - Ст. 453.
6. Михайленко Н. М., Гнездилова А. В. Смарт-контракт: проблемы и перспективы правового регулирования // Право и практика. – 2019. – № 3. – С. 178-182.

**ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ
ЗА ВЫПОЛНЕНИЕМ КВОТ ПО ТРУДОУСТРОЙСТВУ
ИНВАЛИДОВ В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ**

В. А. Шевлякова, О. Б. Березина

**Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, shevlyakovavi2000@gmail.com**

Научный руководитель: Березина О. Б., к.ю.н., доцент

Статья посвящена вопросам организации и осуществления государственного контроля за соблюдением работодателями квот по трудоустройству инвалидов с применением цифровых технологий. Подробно описаны цели и задачи информационно-аналитического ресурсов, механизмы осуществления государственного контроля и применяемые профилактические мероприятия. Отмечены ключевые аспекты применения современной цифровой инфраструктуры в процессе контроля за обеспечением прав граждан с инвалидностью на трудоустройство.

The article is devoted to the issues of organising and implementing state control over compliance by employers with quotas for the employment of people with disabilities using digital technologies. The goals and objectives of information and analytical resources, mechanisms of state control and applied preventive measures are described in detail. Key aspects of the use of modern digital infrastructure in the process of monitoring the rights of citizens with disabilities to employment are noted.

Цифровые технологии стремительно развиваются и внедряются практически во всех сферах жизнедеятельности современного общества. Одной из важнейших областей, где цифровые решения становятся всё более востребованными, является рынок труда. Использование инновационных инструментов позволяет существенно повысить эффективность управления занятостью населения, особенно в части реализации социальной ответственности государства перед гражданами с ограниченными возможностями здоровья [1].

Одним из наиболее эффективных примеров внедрения цифровых решений в области мониторинга и контроля за соблюдением квот по трудоустройству инвалидов являются специализированные онлайн-платформы. Эти платформы предоставляют доступ ко всей необходимой информации в режиме реального времени, позволяя операторам быстро реагировать на изменения обстановки и проводить проверки работодателя.

Согласно статье 53 Федерального закона от 12.12.2023 №565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации», работодатель передаёт сведения о выполнении квоты для приёма на работу инвалидов в центр занятости в дистанционном формате — через портал «Работа России». Работодателей, которые не выполняют обязанность по созданию рабочих мест для граждан с инвалидностью и отказывают им в приёме на работу в рамках квоты, привлекают к административной ответственности по ст. 5.42 КоАП РФ [2].

Задачи системы:

1. содействие занятости населения путём размещения информации о возможностях трудоустройства, работодателей, свободных рабочих местах и вакантных должностях;
2. обеспечение процесса предоставления государственных услуг в области содействия занятости населения, в том числе в электронном виде;
3. создание, использование и хранение электронных документов, связанных с работой, а также с выполнением работ и оказанием услуг по договорам гражданско-правового характера;
4. формирование аналитической информации о трудоустройстве граждан в Российской Федерации.

Интеграция с электронным сервисом «Работа России» позволяет работодателям и инспекторам дистанционно обмениваться сведениями и оперативно контролировать выполнение квот по занятости инвалидов, что значительно повышает скорость и качество взаимодействия.

Что касается государственного контроля за выполнением квот по трудоустройству инвалидов, то перечень объектов государственного контроля (надзора) включается в единый реестр видов федерального государственного контроля (надзора), регионального государственного контроля (надзора), муниципального контроля.

Перечень объектов государственного контроля (надзора) по категории риска размещается на официальном сайте Министерства труда и социального развития Новосибирской области в сети «Интернет» путем публикации части официального сайта единого реестра видов контроля для отображения соответствующего перечня объектов государственного контроля (надзора).

Государственный контроль (надзор) осуществляется посредством проведения:

- 1) профилактических мероприятий;
- 2) контрольных (надзорных) мероприятий без взаимодействия с работодателем;
- 3) контрольных (надзорных) мероприятий со взаимодействием с работодателем.

Профилактические мероприятия осуществляются на основании программы профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, утвержденной приказом Министерства труда и социального развития Новосибирской области и размещенной на официальном сайте Министерства труда и социального развития Новосибирской области в сети «Интернет». Программа профилактики утверждается не позднее 20 декабря года, предшествующего году проведения профилактических мероприятий, и размещается на официальном сайте Министерства труда и социального развития Новосибирской области в сети «Интернет» в течение пяти календарных дней со дня утверждения [3].

Министерство труда и социального развития Новосибирской области в рамках осуществления государственного контроля (надзора) проводит следующие профилактические мероприятия:

- 1) информирование;
- 2) обобщение правоприменительной практики;
- 3) объявление предостережения;
- 4) консультирование;
- 5) профилактический визит.

6) самообследование.

Информирование осуществляется должностными лицами Министерства труда и социального развития Новосибирской области посредством размещения сведений, предусмотренных частью 3 статьи 46 Федерального закона N 248-ФЗ на официальном сайте Министерства труда и социального развития Новосибирской области в сети «Интернет» дистанционно, в средствах массовой информации и в иных формах [4].

Также, при осуществлении обобщение правоприменительной практики Министерство труда и социального развития Новосибирской области обеспечивает публичное обсуждение проекта доклада о правоприменительной практике с использованием официального сайта Министерства труда и социального развития Новосибирской области дистанционно. Доклад о правоприменительной практике ежегодно до 15 марта утверждается приказом Министерства труда и социального развития Новосибирской области и размещается на официальном сайте Министерства труда и социального развития Новосибирской области в сети «Интернет» не позднее 10 календарных дней со дня утверждения доклада о правоприменительной практике.

При этом, должностные лица Министерства труда и социального развития Новосибирской области осуществляет учет консультирований посредством внесения записи в реестр консультирований, который ведется с использованием государственной информационной системы «Типовое облачное решение по автоматизации контрольной (надзорной) деятельности», для обеспечения быстрого доступа уполномоченных сотрудников Министерства труда и социального развития Новосибирской области к актуальной информации о проведенных консультациях, а также создает условия для эффективного и прозрачного учета оказанных консультационных услуг, способствуя улучшению качества контрольно-надзорной деятельности.

Вдобавок Министерство труда и социального развития Новосибирской области разработало цифровое самообследование обязательных требований, где работодателю в целях проведения дистанционно им самообследования соблюдения обязательных требований направляется адрес официального сайта Министерства труда и социального развития Новосибирской области в сети «Интернет».

Профилактический визит проводится в форме профилактической беседы должностным лицом Министерства труда и социального развития Новосибирской области по месту осуществления деятельности работодателя либо путем использования видео-конференц-связи или мобильного приложения «Инспектор» дистанционно [5]. Приложение предназначено для проведения оценки соответствия и контрольных

(надзорных) мероприятий в дистанционном режиме. Оно подходит как для проверяющего лица (инспектора), так и для контролируемого лица (проверяемого). При работе с данным приложением возможно: в режиме реального времени отслеживать геопозицию контролируемого лица; фиксировать и сохранять фото-, видео- и аудиоматериалы проверки; отслеживать процесс проверки по чек-листу; подписывать результаты проверки электронной цифровой подписью; посмотреть историю проверок компании; получать уведомления с информацией о дате и времени проведения проверки, а также краткой инструкцией по подключению; пройти профилактический визит или консультирование.

Современное состояние российского рынка труда характеризуется широким распространением цифровых технологий, активно применяемых для повышения эффективности государственного контроля за соблюдением законодательства в сфере трудоустройства граждан с инвалидностью. Вся система контроля, консультирования и мониторинга перешла в цифровую среду, обеспечивая полноценное удалённое взаимодействие между всеми участниками процесса. Таким образом, внедрение цифровых технологий способствует значительному прогрессу в обеспечении занятости граждан с особыми потребностями.

Литература:

1. Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О занятости населения в Российской Федерации» // Российская газета. — 2023. — № 286. — 18 дек.

2. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Российская газета. — 1995. — № 234. — 02 дек.

3. Постановление Правительства Новосибирской области от 20 сентября 2021 г. № 364-п «О положении о региональном государственном контроле (надзоре) за приемом на работу инвалидов в пределах установленной квоты» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — 2021. — 22 сент. — URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 23.11.2025).

4. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 31 (ч. I). — Ст. 5007.

5. Муртазина И. А., Максютова Л. А., Токачёва В. В. Трудоустройство инвалидов в пределах установленной квоты // Экономика и социум. 2018. №3 (46) [Электронный ресурс]. - URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/trudoustroystvo-invalidov-v-predelakh-ustanovlennoy-kvoty> (дата обращения: 09.11.2025).
<https://cyberleninka.ru/article/n/dogovory-renty-i-pozhiznennogo-soderzhaniya-s-izhdiveniem> (дата обращения: 07.05.2025).

ФИШИНГ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ, ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

Ю. Е. Эбергарт

**Новосибирский государственный университет экономики и
управления,**

г. Новосибирск, julia.ebergardt@gmail.com

Научный руководитель: Исаев А. А., ст. преп.

Данная статья посвящена комплексному анализу фишинга — одному из наиболее распространенных и социально опасных видов кибермошенничества, основанного на методах социальной инженерии. В работе раскрывается сущность термина «фишинг». Приводятся наиболее распространённые виды фишинга. Особое внимание уделено правовым аспектам и проблемам квалификации фишинга в Российской Федерации. Подчеркивается отсутствие прямого состава преступления за фишинг в УК РФ. Также сформулированы комплексные меры противодействия фишингу.

This article is devoted to a comprehensive analysis of phishing, one of the most widespread and socially dangerous types of cyber fraud based on social engineering methods. The article reveals the essence of the term "phishing." It also provides an overview of the most common types of phishing. Special attention is given to the legal aspects and challenges of phishing in the Russian Federation. The article emphasizes the lack of a direct criminal offense for phishing in the Criminal Code of the Russian Federation. The article also outlines comprehensive measures to counter phishing.

Особая значимость рассматриваемой проблемы обусловлена тем, что низкий уровень осведомленности сотрудников организаций и простых граждан о методах фишинга, а также отсутствие навыков их распознавания, создают серьезные риски. На сегодняшний день не предусмотрена отдельная статья, прямо устанавливающая ответственность за фишинг [3]. Злоумышленники активно эксплуатируют психологические особенности человека: доверие, страх, невнимательность. Атаки становятся все более изощренными — используются методы социальной инженерии, персонализированные обращения (целевой фишинг), безупречное копирование дизайна официальных сайтов и писем, что делает их практически неотличимыми от настоящих для неподготовленного пользователя. Серьезной

проблемой является несовершенство законодательной базы. Этот правовой вакуум снижает эффективность противодействия и создает у злоумышленников чувство безнаказанности.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе совершения, предотвращения и правовой оценки фишинговых атак как криминального феномена, основанного на социальной инженерии, в условиях цифровой экономики.

В рамках исследования достигнуты следующие уровни процесса исследования: теоретическая систематизация, правовой анализ разработок предложений.

Новизна результатов — предложено и обосновано конкретное законодательное определение фишинга, разъясняется, почему существующие статьи о мошенничестве не полностью раскрывают фишинг, требуя введения отдельного состава, разработан комплексный и детализированный набор практических мер противодействия фишингу.

Результаты исследования имеют прикладное значение в следующих областях: правотворчество, правоприменительная практика.

Современное общество характеризуется интенсивным развитием информационных технологий, что обуславливает повсеместное использование цифровых устройств, средств связи и сетевых ресурсов. В условиях такой цифровой трансформации неизбежно возрастают риски, связанные с киберугрозами, которые демонстрируют всё большую сложность и непредсказуемость. Вопрос об обеспечении информационной безопасности в обществе приобретает особую актуальную роль.

В начале 1990-х годов появился термин «фишинг», производный от английского «fishing» (рыбалка). Это название весьма точно описывает процесс, в котором злоумышленники, подобно рыбакам, используют ложную информацию как «наживку». Их цель — побудить доверчивых пользователей добровольно предоставить свои пароли, логины, данные банковских карт и прочую секретную информацию, которая становится их «уловом».

В настоящее время понятие фишинга не закреплено в российском законодательстве. В Приказе Минцифры России от 28.02.2022 №143 (ред. от 10.12.2024) есть определение фишинга как действий, которые представляют повышенную степень общественной опасности и направлены против граждан, государственных органов власти и юридических лиц [2]. По моему мнению, которому также придерживается руководитель проектов Координационного центра доменов, Евгений Панков, необходимо конкретизировать это понятие на законодательном уровне.

К основным видам фишинга относятся:

- целевой фишинг, т.е. направление атаки на конкретных людей или компании. Такие письма выглядят более персонализированными и правдоподобными;

- вишинг, т.е. атаки через телефонные звонки, когда злоумышленник притворяется представителем банка или другой авторитетной организацией;

- смишинг — это аналог фишинга через SMM-сообщения;

- мобильный фишинг — использование мобильных устройств и приложений для мошенничества;

- массовая рассылка, когда злоумышленники рассылают тысячи писем, надеясь, что хотя бы несколько человек «попадутся на удочку»;

- дипфейковый фишинг — в этой технологии используют искусственный интеллект для синтеза реалистичного аудио или видео. Создает убедительные подделки, изменяя лица, голоса и движения реальных людей [4].

Для более полного понимания фишинга приведем пример из судебной практики.

Чертановским районным судом г. Москвы в отношении Попелыши Евгения и Дмитрия был вынесен обвинительный приговор, которым они были признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 272, ч. 1 ст. 273 и ч. 4 ст. 159 УК РФ. Из материалов уголовного дела следует, что братья изучили основные принципы работы дистанционного банковского обслуживания и разработали план по хищению денежных средств. В реализации задуманного им помогал студент из Калининграда Александр Сарбин. Именно он создал копию оригинального веб-сайта банка и разместил на нем используемые телефонные номера в качестве контактов службы поддержки, а также воспользовались трояном (вредоносной программой), который после активации изменял параметры, задействованные в функционале «банк-клиент». Таким образом, любое обращение клиентов к банковскому сайту перенаправляло их на поддельный, где те вводили уникальный номер, пароль, которые затем обрабатывались мошенниками [6].

Итак, какое же наказание предусмотрено за фишинг в настоящее время в 2025 году?

Уголовный кодекс РФ содержит ряд статей за преступления в области информационных технологий. В статью 159 УК РФ добавлен отдельный состав преступления, предусматривающий ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации, мошенничество с использованием платежных карт, имеется статья 187 УК РФ, которая

привлекает к уголовной ответственности за изготовление, приобретение, хранение, транспортировку и сбыт поддельных платежных карт. Но отсутствует статья, предусматривающая привлечение к ответственности за незаконное получение регистрационных данных кредитных карт – фишинг [3]. То есть, в российском законодательстве фишинг не выделен в отдельный состав преступления, но действия виновных в этой части квалифицируются как разновидность мошенничества. В зависимости от обстоятельств, это может быть общее мошенничество (ст. 159 УК РФ) или мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ). За каждое из этих преступлений предусмотрено суровое наказание – вплоть до 10 лет лишения свободы [1].

В целях усиления правовой базы и возможности предупреждающего воздействия, я считаю необходимым дополнить главу 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» специальной статьёй, а именно 272.2 - создание, владение, управление или использование фишинговых сайтов, а равно их использование или распространение ссылок на него с целью неправомерного завладения аутентификационными, персональными, платежными или иными охраняемыми законом данными пользователей [5]. А также внести дополнения в ст. 159.6 УК РФ, частью пятой, которую изложить в следующей редакции: «Статья 159.6 Мошенничество в сфере компьютерной информации 5. Мошенничество с использованием идентификационных данных кредитных, расчетных или иных платежных карт, принадлежащих другому лицу, путем обмана или злоупотребления доверием, с целью хищения чужого имущества».

В соответствии с вышесказанным, мной предлагается такое определение фишинга, которое необходимо внести в качестве примечания к ст. 272.2 главы 28 УК РФ. Фишинг представляет собой неправомерное завладение, включая попытку завладения, конфиденциальной информацией, учетными данными, реквизитами электронных средств платежа или иной охраняемой законом информацией, осуществляемое путем обмана или злоупотребления доверием и заключающееся в имитации или несанкционированном использовании средств коммуникации или интернет-ресурсов (включая веб-сайты, электронные сообщения, телефонную связь или текстовые сообщения) с целью побуждения пользователя к добровольному раскрытию таких данных, передаче денежных средств или совершению иных действий, приводящих к неправомерному доступу.

Введение такой нормы позволит эффективнее бороться с киберпреступниками, пресекая их деятельность ещё до того, как будет нанесён реальный ущерб пользователям, и обеспечивая более

справедливое наказание за сам факт организации мошеннической инфраструктуры.

Для минимизации индивидуальных рисков пользователям важно придерживаться следующих правил:

1. Всегда подвергайте сомнению входящие сообщения. Тщательно анализируйте адрес отправителя, проверяйте наличие нехарактерных формулировок, опечаток или ошибок, которые могут указывать на подмену.

2. В случае малейших подозрений, никогда не переходите по гиперссылкам, полученным в письмах или СМС. Надежнее всего — вручную ввести известный адрес нужного ресурса в браузере.

3. Обязательное использование двухфакторной аутентификации (MFA): Внедрение второго фактора для входа в ключевые учетные записи — это обязательная мера, которая предотвращает компрометацию даже при условии кражи пароля [5].

На уровне компаний необходимо создавать системные барьеры против фишинга:

1. Разработайте формальные документы, устанавливающие строгие стандарты безопасного поведения сотрудников при работе с информацией и сетевыми ресурсами.

2. Обучающие программы должны быть не теоретическими, а регулярными и практически ориентированными, включающими анализ реальных примеров угроз и сценариев.

3. Используйте технологические инструменты, которые обеспечивают анализ активности в режиме реального времени. Сюда входят агенты на конечных устройствах и браузерные расширения, блокирующие доступ к известным вредоносным ресурсам или сканирующие подозрительные вложения.

Таким образом, данная работа вносит изменения, помогающие упростить процесс правовой квалификации, усилить превентивную функцию уголовного закона и сформировать адекватный правовой ответ на одну из самых динамичных и опасных киберугроз XXI века.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025).

2. Приказ Минцифры России от 28.02.2022 N 143 (ред. от 10.12.2024) "Об утверждении методик расчета показателей федеральных проектов национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации" и признании утратившими силу некоторых приказов Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций

Российской Федерации об утверждении методик расчета показателей федеральных проектов национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации".

3. Ан Д. С., Зуфарова А. С. Классификация фишинга: различные типы и способы реализации атак // Информатика. Экономика. Управление / Informatics. Economics. Management. - 2025. - №1. - С. 2010-2018.

4. Атагурдов Р., Айыдов И., Бердиев Д. Фишинг: виды атак и способы противодействия // Вестник науки. - 2024. - №10 (79). – С. 815-818.

5. Завьялов А. Н. Интернет-мошенничество (фишинг): проблемы противодействия и предупреждения // Baikal Research Journal. - 2022. - №2.

6. Юсупов М. Ю., Путилов А.О. Фишинг как угроза конфиденциальности в сети // E-Scio. - 2021. - №10 (61). – С. 223-232.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ – ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Секция СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА И КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Аволола О. Л.	Новосибирск	3
Бабанова Д. Д.	Новосибирск	7
Бахтиярова К. В., Мелентьева М. О.	Новосибирск	11
Беляевская Е. С.	Новосибирск	16
Винс К. И.	Новосибирск	21
Геласимов С. А.	Новосибирск	25
Гордиенко Э. А.	Новосибирск	28
Гуринова М. В.	Новосибирск	33
Журавлева О. А.	Новосибирск	37
Завадина Т. С.	Новосибирск	43
Зеленова В. А.	Новосибирск	47
Земляникина В. В.	Новосибирск	51
Изарова С. С.	Новосибирск	56
Ильина Э. О.	Новосибирск	59
Кайруллина А. Е.	Новосибирск	63
Кадочникова Т. А., Шевченко А. П.	Новосибирск	66
Комаркова Е. О.	Новосибирск	71
Кулик Ю. А.	Новосибирск	74
Мунге О. В.	Новосибирск	79
Мусалимов Е. А.	Новосибирск	84
Насатович О. Д.	Новосибирск	89
Нейфельд К. С.	Новосибирск	94
Немцева П. А.	Новосибирск	98
Новоселова А. К.	Новосибирск	102
Onawharaye A. I.	Новосибирск	107
Осипова С. П.	Новосибирск	109
Павленко П. А.	Новосибирск	113
Перевалова С. В.	Новосибирск	118
Рекварт Е. В.	Новосибирск	121
Салтымакова Е. О.	Новосибирск	126
Сердарова М.	Новосибирск	130
Скакова П. А., Шаповалова К. С.	Новосибирск	135
Соколова К. А.	Новосибирск	140
Сосновщенко Э. П.	Новосибирск	143

Тымчишина А. А.	Новосибирск	143
Ульянова М. В.	Новосибирск	147
Феоктистова Д. П.	Новосибирск	152
Фурман Е. А.	Новосибирск	157
Шалев Н. С.	Новосибирск	161
Шаталова А. Е.	Новосибирск	166
Шмидт Д. И.	Новосибирск	169
Chijioke A. C., Adebawale V. A.	Новосибирск	173

Секция ПРАВО В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Абдурегимова А. С.	Москва	179
Амельченко Е. Е.	Новосибирск	182
Артюх А. Д.	Новосибирск	187
Гайфулина Т. Г.	Новосибирск	190
Гайфулина Т. Г.	Новосибирск	196
Жукова В. А.	Новосибирск	202
Зерняев А. В.	Новосибирск	205
Иванова К. Ю.	Новосибирск	211
Кирей К. А.	Новосибирск	215
Кондратьева А. К.	Новосибирск	220
Тимофеева А.Т., Кочубеева П. В.	Новосибирск	224
Куликова Д. Н.	Новосибирск	228
Куликова Д. Н.	Новосибирск	234
Максимов А. М.	Новосибирск	239
Новохацкая П. С.	Новосибирск	245
Панкова Е. В., Третьякова Е. Е.	Новосибирск	250
Поплевина А. А.	Новосибирск	253
Пяткин А. А., Поляков С. А.	Новосибирск	258
Рыбаченко И. И.	Новосибирск	261
Саратова В. В.	Новосибирск	266
Соловьева В. Е.	Новосибирск	270
Софьин В. А.	Новосибирск	279
Турбина Е. В.	Новосибирск	284
Турова Я. О.	Новосибирск	287
Хахалова М. А.	Новосибирск	292
Шевлякова В. А., Епифанцев А. В.	Новосибирск	297
Шевлякова В. А., Березина О. Б.	Оренбург	301
Эбергардт Ю. Е.	Новосибирск	306

НАУКА. ТЕХНОЛОГИИ. ИННОВАЦИИ
Сборник научных трудов в 9 частях

г. Новосибирск, 08 декабря - 12 декабря 2025 г.

Часть 8

Под редакцией Захаровой Е. В.

Подписано в печать 10.02.2026. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Уч.-изд. л. 18,36. Печ. л. 19,75. Тираж 10 экз. Заказ №Р-05108

Отпечатано в типографии

Новосибирского государственного технического университета

630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20